

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2017

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, Г.П. Козубовская, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovnet01@filo.asu.ru
Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/
Адрес в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И.В. Кирилова. Особенности вариантных отношений в семантическом поле «Нечистая сила»	7
Е.А. Сидельникова, Д.А. Стаценко, Ф.Р. Мутыгуллина. Анализ и способы перевода и грамматических конструкций, выражающих стратегии обвинения и оправдания в политическом дискурсе.....	15
В.К. Радзиховская. Прагмалингвистика поля взаимности.....	26
Н.И. Завгородняя. Модели мира в текстах о войне: традиция и конструкция.....	38
А.Б. Чернышев. Движение и пространство человека в итальянской языковой картине мира	48
А.В. Кремнева. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиаальность: точки соприкосновения.....	57
Т.А. Пирусская. «Несостоявшиеся жития»: образы социальных подвижников в романах Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот.....	71
Р.В. Шубин. Разин как Эдип. К вопросу о мифологической антропологии творчества В.М. Шукшина.....	84
А.М. Сулейманов, З.С. Аманбаева. Работа М.А. Бурангулова со сказителями и над эпосом «Урал-батыр»	95

Научные сообщения

А.В. Дегальцева. К вопросу о статусе адвербиальных компликаторов в синтаксической системе русского языка	104
С.А. Губанов. О некоторых способах расширения эпитета в текстах Марины Цветаевой.....	112
Е.Э. Уланова. Коммуникативная категория авторитетности в системе речевого поведения	120
А.Е. Козлов. «Путешествие критики» С.К. Ферельцта: к вопросу о несвоевременности литературного памятника	126
Р.Ф. Рохвадзе. Логико-философские аспекты феномена «факт»	131
А.И. Куляпин. «Вернуться в Русь»: поэтика исторической географии В.М. Шукшина.....	137

В.В. Колобов. Об эволюции содержания и стиля писательского дневника А.В. Жигулина	145
Н.А. Хуббитдинова. Репрезентация фольклорных традиций в средневековой литературе Урало-Поволжья.....	153

Проблемы филологического образования

Т.В. Коренькова. Возвращение периодизации, или «Маятник Чижевского» в новом поколении вузовских учебников литературы.....	161
Е.А. Штехман, Ю.А. Мельник. Применение ситуационных задач при обучении русскому языку на подготовительном курсе	169

Критика и библиография

Г.В. Кукуева. Рецензия на монографию Д.А. Кожанова «Воздействие научного дискурса на художественный как проблема интердискурсивности»	179
--	-----

Филология: люди, факты, события

С.А. Мансков, Е.В. Лукашевич, В.В. Витвинчук, И.В. Фотиева, Т.А. Семилет, В.Т. Плахин, В.Д. Мансурова, М.А. Деминова. Проблемы современной медиакommunikации: научно-исследовательский круглый стол	182
Е.И. Клиник, А.А. Чувакин. К итогам IX заседания международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия».....	192
Резюме.....	195
Наши авторы	212

CONTENTS

Articles

I.V. Kirilova. A Particular Pattern of Relations in the Semantic Field of «Evil Spirit».....	7
E.A. Sidelnikova, D.A. Statsenko, F.R. Mutygullina. Analysis and Variants of Translation of Grammatical Structures, Conveying Strategies of Accusation and Justification in Political Discourse	15
V.K. Radzikhovskaya. Pragmalinguistics of Reciprocity Field	26
N.I. Zavgorodnaya. The War and the Myth: Principals of World Dynamics in the Documents about War	38
A.B. Chernyshev. Motion and Space of a Person in the Italian Language View of the World.....	48
A.V. Kremneva. Intertextuality, Interdiscursivity, Intermediality: Things in Common	57
T.A. Pirusskaya. «Might-have-been Saints»: Figures of Social Devotees in the Novels by Fyodor Dostoevsky and George Eliot.....	71
R.V. Shubin. Razin as Oedipus. On the Question of Mythological Contexts of V.M. Shukshin's Creative Activity	84
A.M. Suleymanov, Z.S. Amanbaeva. The Work M.A. Burangulov with Storytellers and on «Ural-batyr» Epos.....	95

Scientific reports

A.V. Degaltseva. To the Question of the Status of Adverbial Complicators in the Syntactical System of the Russian Language.....	104
S.A. Gubanov. About Some Ways of Epithets Extension in the Texts of Marina Tsvetaeva	112
E.E. Ulanova. Communication Category of Authority in Speech Behavior ...	120
A.E. Kozlov. «The Journey to the Criticism» in the Aspect of the Artistic Text Inopportunity	126
R.F. Rokhvadze. Logical and Philosophical Aspects of the Phenomenon «Fact»	131

A.I. Kulyapin. «Back to Russia»: Poetics of the Historical Geography of V.M. Shukshin.....	137
V.V. Kolobov. The Evolution of Content and Style in the Writer's Diary of A.V. Zhigulin	145
N.A. Khubbitdinova. The Representation of the Folk Traditions in the Medieval Literature of the Ural-Volga Region.....	153

Problems of philological education

T.V. Korenkova. The Return of Periodization or «Chizhevsky's Pendulum» in a New Generation of Textbooks in Literary Studies.....	161
E.A. Shtehman, Ju.A. Melnik. Usage of Situational Tasks in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language at the Preparatory Level	169

Critics and bibliography

G.V. Kukuyeva. Review on the Monograph by D.A. Kozhanov «The Impact of Scientific Discourse on Literary Discourse as the Problem of Interdiscursivity» (under the Scientific Editorship of A.A. Chuvakin. Barnaul, 2017. 188 p.)	179
---	-----

Philology: people, facts, events

S.A. Manskov, E.V. Lukashovich, V.V. Vitvinkhuk, I.V. Fotieva, T.A. Semilet, V.T. Plahin, V.D. Mansurova, M.A. Deminova. Problems of Modern Media Communications: Panel Discussion.....	182
E.I. Klink, A.A. Chuvakin. The Results of the IX Meeting of the International Scientific Seminar «Philology and Communication Science: Areas of Cooperation»	192
Summary	195
Our authors	212

СТАТЬИ

ОСОБЕННОСТИ ВАРИАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «НЕЧИСТАЯ СИЛА»

И.В. Кирилова

Ключевые слова: демонологема, семантическое поле, фонетические, акцентологические, грамматические, словообразовательные, номинативные варианты.

Keywords: demonologema, semantic field, phonetic pattern, accent pattern, grammar pattern, word-building pattern, nominative pattern.

Проблема вариантности языковых единиц актуальна в современной лингвистике в связи с исследованием форм языковой репрезентации представлений об окружающей действительности. Вслед за Н.И. Коноваловой, мы определяем вариантность как «различного рода модификации формы лексем, не меняющие их понятийной сущности» [Коновалова, 2001, с. 85].

В лингвистической науке существуют различные классификации вариантов слов с учетом формальных и семантических критериев. Так, А.И. Смирницкий предлагает классифицировать варианты следующим образом:

1. Лексико-семантические варианты слов («при внешне не выраженном лексико-семантическом различии»).

2. Фоно-морфологические варианты слов («при внешнем различии, не выражающем никакой лексико-семантической дифференциации»), которые в свою очередь можно подразделить на фонетические, грамматические или словообразовательные варианты [Смирницкий, 1998, с. 40].

Эта классификация учитывает особенности как формального, так и семантического варьирования языковых единиц. При таком подходе в разряд вариантов попадают омонимы и полисеманты, об-

ладающие тождеством плана выражения при различном соотношении компонентов планов содержания.

Вслед за А.И. Смирницким, О.С. Ахманова выделяет следующие типы вариантов:

1. Фонетические (предполагают «видоизменение звуковой оболочки слова без утраты семантического тождества»).

2. Морфологические (включают все однокоренные слова с тождественным значением) [Ахманова, 1957, с. 195].

Такой подход характеризуется особым вниманием к форме варьирующихся номинаций при константной семантике единиц, составляющих вариативные ряды.

К.С. Горбачевич выделяет четыре группы вариантов:

1. Акцентные варианты.

2. Фонетические варианты.

3. Фонематические варианты.

4. Морфологические варианты [Горбачевич, 2009, с. 15].

Данная классификация соотносится с предыдущей на том основании, что учитывает вид формального варьирования языковых единиц, при этом не рассматриваются другие случаи возможного варьирования, в частности, различные аспекты семантики лексических единиц.

Э.Д. Головина предлагает классификацию, в основе которой лежит широкое понимание вариантности языковых единиц:

1. Орфографические варианты.

2. Орфоэпические варианты.

3. Фонематические варианты.

4. Акцентологические варианты.

5. Категориально-грамматические варианты.

6. Аллоформы.

7. Семантические варианты.

8. Лексические варианты (включая словообразовательные параллели) [Головина, 1982, с. 23].

Интерес к диалектным демонологам обусловлен тем, что диалектная лексика, на наш взгляд, в большей степени, чем литературный язык, выступает хранителем национального своеобразия и народной культуры, особенно применительно к сфере архаической народной культуры, отражающей симбиоз языческих и христианских верований.

В нашей статье мы опираемся на комплексную классификацию вариантов, предложенную Н.И. Коноваловой, и выделяем следующие типы:

1. Фонетические, у которых варьируется звуковой состав носительных единиц.

2. Акцентологические, характеризующиеся смещением ударения, его разноместностью при тождестве фонетической оболочки.

3. Грамматические, у которых варьируются категориально-грамматические показатели.

4. Словообразовательные, отличающиеся словообразовательными формантами.

5. Номинативные, у которых варьируются элементы номинативной техники: признак, положенный в основу номинации объекта, принцип номинации или способ номинации [Коновалова, 2001].

В семантическом поле «Нечистая сила» наблюдаются различные варианты демонологем:

Фонетические варианты: *волхúтка* – *волохúтка* ‘колдунья’ [СРГСУ, 1967, с. 90] – чередование сочетания -ол- и -оло- отражает типичный, особенно для русских говоров, процесс второго полногласия.

Крúкса – *кры́кса* ‘существо, вызывающее плач ребенка’ [СРНГ, 1979, с. 255] – чередование и//ы может рассматриваться как позиционные варианты фонемы <и>.

Железны́чка [СРНГ, 1972в, с. 106] – *зелезны́чка* [СРНГ, 1976, с. 245] ‘дух, обитающий в огороде’ – чередование ж//з в начале слова обусловлено субституцией согласных по артикуляционным признакам; ср. также типичную субституцию б//м в примерах типа *обменок* – *омменок* ‘ребенок, подмененный чертом’ [СРГСУ, 1981, с. 23].

Волкодла́к – *волколáк* – *волкулáк* – ‘оборотень’ [СРНГ, 1970, с. 42] – чередование дл//л и о//у обусловлено упрощением групп согласных (ср.: *гóстья* – *гóсья* ‘лихорадка’ [СРНГ, 1972а, с. 97]) и субституцией лабиализованных коррелятов, ср. также: *кумóха* – *куму́ха* ‘лихорадка’ [СРНГ, 1980, с. 85].

Что касается вариантов типа *батама́нка* – *батама́нко* ‘домовой, коневой хозяин’ [СРНГ, 1966, с. 140]; *де́дка* – *де́дко* ‘сверхъестественное существо, нечистый дух’ [СРНГ, 1972а, с. 239] – чередование а//о, с одной стороны, объясняется спецификой вторичных говоров (акающих – окающих), а с другой стороны, – морфологическим варьированием, когда существительное общего рода может быть представлено по-разному. *Пастéн* [СРНГ, 1989, с. 262] – *постéн* [СРНГ, 1996, с. 225] ‘домовой, нечистый дух, якобы давящий спящего человека’, *бахáрь* – *бахóрь* ‘знахарь’ [СРНГ, 1966, с. 52] – чередование а//о также связано с функционированием вариантов в акающих – окающих говорах.

Бабушка – баушка – бавушка ‘лекарка, знахарка’ [СРНГ, 1966, с. 30] – чередование отражает типичный для русских говоров процесс выпадения губных согласных из произношения (первый член ряда) и вставки протетического звука (последний компонент ряда).

Таким образом, фонетические варианты обусловлены следующими фонетическими особенностями: чередованием полногласных и неполногласных сочетаний, характером вокализма (оканье – аканье), упрощением групп согласных, ассимиляциями.

Акцентологические варианты: *бе́дница – бедни́ца* ‘лихорадка’ [СРНГ, 1966, с. 175], *болу́дница – болудни́ца* ‘злой дух в образе женщины, живущий летом во ржи’ [СРНГ, 1968, с. 84], *ви́хор – вихо́р* ‘нечистая сила, якобы находящаяся в вихрях’ [СРНГ, 1969, с. 305], *водя́ница – водяни́ца* ‘русалка’ [СРНГ, 1969, с. 350], *дворово́й – дворо́вый* ‘дух, живущий во дворе’ [СРНГ, 1972а, с. 300-301], *ди́кий – дико́й* ‘леший’ [СРНГ, 1972б, с. 57], *домову́шко – домову́шко* ‘домовой’ [СРНГ, 1972б, с. 121], *ере́тик – ерети́к* ‘колдун’ [СРНГ, 1972в, с. 22], *знáтник – знатни́к* ‘знахарь, колдун’ [СРНГ, 1976, с. 310], *знобе́я – знобея́* ‘лихорадка’ [СРНГ, 1976, с. 317], *ле́мбой – лембо́й* ‘нечистая сила, злой дух’ [СРНГ, 1980, с. 347], *кума́ха – кумаха́* ‘лихорадка’ [СРНГ, 1980, с. 80], *ле́карка – лекар́ка* ‘знахарка’ [СРНГ, 1980, с. 342], *лихома́нник – лихомáнник* ‘сверхъестественное существо, живущее в лесу; леший’ [СРНГ, 1981, с. 80], *ма́ра – ма́ра* ‘призрак, приведение; злое существо, воплощающее смерть’ [СРНГ, 1981, с. 367], *о́мутник – омутни́к* ‘дух, обитающий в речных и озерных ому́тах’ [СРНГ, 1987, с. 206], *пе́ревертень – переверте́нь – переверте́нь* ‘оборотень’ [СРНГ, 1991, с. 44], *полуно́чница – полунóчница* ‘нечистый дух, появляющийся в полночь и беспокоящий спящих детей’ [СРНГ, 1995, с. 156]. Данная вариативность обусловлена подвижностью русского ударения как в литературном языке, так и в говорах, причем здесь можно говорить как о варьировании литературного и диалектного произнесения слова, так и о междиалектном варьировании.

Грамматические варианты: наиболее частотным является варьирование м.р. и ж.р. демонологемы: *ба́йник – ба́йница* ‘нечистые духи, живущие в бане’ [СРНГ, 1966, с. 56], *боло́тник – болотни́ца* ‘духи болота’ [СРНГ, 1968, с. 79], *букáн – букáрка* ‘сказочные страшилища, которыми пугают детей’ [СРНГ, 1968, с. 263], *водяни́к – водяни́ха* ‘духи, живущие в воде’ [СРНГ, 1969, с. 350], *домови́к – домови́ха* ‘духи, живущие в доме’ [СРНГ, 1972б, с. 120], *ере́тик – ерети́ца* ‘колдуны’ [СРНГ, 1972в, с. 22-23], *колоту́н – колоту́ха* ‘озноб, лихорадка’ [СРНГ, 1978, с. 184], *ле́карь – лекари́ца – лекар́ка* ‘знахари’ [СРНГ, 1980, с. 342], *озе́в – озе́ва* ‘болезнь, вызванная порчей,

сглазом' [СРНГ, 1987, с. 87], *поктун* – *поктуха* – *поктунья* 'знахари, лечащие шептанием' [СРНГ, 1995, с. 19], *сам* – *самá* 'домовой и его жена' [СРНГ, 1992, с. 72].

Реже встречается варьирование форм ед. и мн. ч.: *анчут* (м.р.) – *анчутка* (ж.р.) – *анчутки* (мн.ч.) 'черт, чертовка, черти' [СРНГ, 1965, с. 262], *он* – *она* – *они* 'табуистическое название нечистых духов' [СРНГ, 1987, с. 213].

Кроме того, выделяются морфологические варианты, связанные с оформлением существительных общего рода: *буканка* – *буканко*, *гнетка* – *гнетко* 'существо, которое по ночам гнетет, давит человека, вызывает кошмары, может быть представлено равно и в мужском, и в женском обличье' [СРНГ, 1970, с. 241].

Словообразовательные варианты: *буканай* – *буканайко* – *буканушко* 'домовой' [СРГСУ, 1964, с. 60]; *соседко* – *соседушко* 'домовой' [СРГСУ, 1987, с. 44] – выбор уменьшительно-ласкательных суффиксов -к- и -ушк- подчинен строго определенной прагматической цели номинации нечистой силы: задобрить домового, показать свое уважительное отношение к нему.

Водяниха – *водяница* 'русалка' [СРГСУ, 1964, с. 86], *банниха* – *банница* 'дух, живущий в бане' [СРНГ, 1966, с. 95], *домови́ха* – *домови́ца* 'жена доброго или злого духа, живущего в доме' [СРНГ, 1972б, с. 120], *колдуниха* – *колдуни́ца* 'колдунья, жена колдуна' [СРНГ, 1978, с. 117] – используются одинаково продуктивные суффиксы -их-, -иц- для образований номинаций существ женского пола от номинаций существ мужского пола.

Лешачиха – *лешачка* – *лешовка* – *лешуха* 'лесной дух в образе женщины, жена лешего' [СРНГ, 1981, с. 31]. *Знобёя* – *знобиха* 'лихорадка' [СРНГ, 1976, с. 317]. *Беси́ха* – *бесовка* 'колдунья, ведьма' [СРНГ, 1966, с. 267]. *Весну́ха* – *весновка* 'лихорадка' [СРНГ, 1969, с. 186]. *Красну́ха* – *краснушка* 'крапивная лихорадка' [СРНГ, 1979, с. 187]. *Колдвони́ца* – *колдвочка* – *колдвони́ца* – *колдовка* 'колдунья' [СРНГ, 1978, с. 117] – в данных вариантах находит отражение широкий спектр словообразовательных формантов со значением «женскости» и «проявление в производном признака, названного мотивирующим словом».

Обменёнок – *обменёныш* 'ребенок, подмененный чертом' [СРГСУ, 1981, с. 23] – суффиксы -енок-, -еныш- имеют одинаковое словообразовательное значение – «невзрослое существо, детеныш». Оба суффикса одинаково продуктивны в среднеуральских говорах.

Соседушка-буканушка 'домовой' [СРГСУ, 1987, с. 44] – контакминация двух разных лексем для усиления значения уважительности.

Номинативные варианты:

1. В основе наименования одного и того же мифологического персонажа могут лежать разные принципы номинации.

Например, *огоро́дница* – *огоро́дная ба́бушка* [СРГСУ, 1981, с. 39] – *секу́ниха* ‘сверхъестественное существо, охраняющее огород’ [СРГСУ, 1984, с. 128] – в первом случае мифологический персонаж получил название по месту обитания (огоро́дница ← огоро́д); во втором случае в основе наименования лежат два принципа номинации: по месту обитания и по возрасту (или по характеру родственных отношений), поэтому данная демонологема представлена атрибутивным словосочетанием; третье наименование имеет затемненную внутреннюю форму. Из-за неинформативного контекста можно по-разному интерпретировать мотив номинации: с одной стороны, это может быть характер действия, совершаемого нечистой силой: *секу́ниха* может высечь тех людей, которые наносят вред огороду; с другой стороны – она оберегает огород, чтобы его не испортили (= выскли).

Коро́вница [СРНГ, 1978, с. 354]– *лягу́шка-коро́вница* [СРНГ, 1981, с. 258] ‘существо в образе лягушки, выдаивающее коров’ – в первом случае отражен принцип номинации по объекту вредоносного действия, совершаемого нечистой силой (коро́вница ← коро́ва); во втором случае в основе наименования два принципа: по внешнему виду (зооморфное существо) и по объекту, на который направлено действие.

Дворово́й [СРНГ, 1972а, с. 300] – *больша́к* [СРНГ, 1968, с. 87] – *лизу́н* [СРНГ, 1981, с. 44] – *мохна́ч* [СРНГ, 1982, с. 310] – *мила́к* [СРНГ, 1982, с. 159] ‘домовой’ – в первом названии мифического персонажа используется принцип номинации по месту обитания (дворово́й ← двор); в основе второго наименования проекция родственных, семейных отношений на демонологического персонажа (больша́к – ‘глава семьи, старший в доме; хозяин’ [МАС, 1985 с. 106]); третье наименование отражает принцип номинации по действию, совершаемому нечистой силой (лизу́н ← лизать, так как зализывает по ночам волосы людей, шерсть скота; в четвертом случае используется принцип номинации по внешнему виду (мохна́ч ← мохнатый); пятое наименование является эвфемистическим обращением с целью задабривания домового (мила́к ← милый).

2. В основе наименования демонологических персонажей могут лежать разные номинативные признаки при одинаковом принципе номинации.

Например, *колду́нья* [СРГСУ, 1971, с. 37] – *ле́карка* [СРГСУ, 1971, с. 90] ‘знахарка’ – в основе обоих наименований лежит один и тот же

принцип номинации: действие, совершаемое нечистой силой, но в первом случае мотиватором является ‘колдовать’, а во втором – ‘лечить’, имеющее узкое значение: приносить пользу, исцеление. В отличие от данного мотиватора ‘колдовать’ подразумевает более широкий спектр действий, которые могут как помогать, так и вредить.

Колдóвка [СРГСУ, 1971, с. 37] – *прису́ха* [СРГСУ, 1984, с. 13] – *волхíтка* [СРГСУ, 1964, с. 90] ‘колдунья’ – данные демонологемы также имеют в основе один принцип номинации – действие, совершаемое нечистой силой, но разные номинативные признаки. В первом случае используется мотиватор ‘колдовать’, имеющий широкое значение, во втором – ‘присушить’, то есть актуализируется одна из форм колдовства, связанная с конкретным видом магических действий, которые направлены на достижение строго определенного результата (присушить, вызвать ответную любовь), а в третьем случае – мотиватор ‘волховать’, то есть производить колдовство с помощью тайного знания.

Дрожу́ха [СРНГ, 1972б, с. 197], *колéлая* [СРНГ, 1978, с. 123], *леде́я* [СРНГ, 1980, с. 322], *озноби́ха* [СРНГ, 1987, с. 96], *потрясу́ха* [СРНГ, 1996, с. 312] ‘лихорадка, сопровождающаяся ознобом’ – демонологемы также отражают один принцип номинации – по симптому болезни, но номинативные признаки используются разные: *дрожуха* ← дрожь, *колелая* ← околеть ‘сильно замерзнуть’, *озноби́ха* ← озноб, *потрясу́ха* ← трясина (от холода) – данные названия образованы прямым способом; *ледея* ← лед – номинация, образованная метафорическим способом, через образ льда. Ср. *Ледея, как лед студеный, знобит род человеческий* [СРНГ, 1980, с. 322].

3. Эвфемистические названия демонологических персонажей. Под эвфемизмами мы понимаем «лексические единицы или выражения, используемые для замены такого прямого наименования, употребление которого представляется говорящим неуместным (то есть табуируемым) в данной конкретной ситуации» [Москвин, 2001, с. 6]. Возникновение эвфемизмов первоначально было связано с явлением языкового табу. Табу определяется как запрет на употребление тех или иных слов, выражений или имен собственных. Явление табу связано с магической функцией языка. Считалось, что слова могут воздействовать не только на человека, но и на окружающий мир. Запрету (табуированию) подлежали обозначения смерти, названия болезней, имена богов и духов. В качестве замены запретных слов создавались новые наименования, служащие для того, чтобы не разгневать богов, обмануть нечистую силу, чтобы задобрить их.

Де́душка [СРНГ, 1972а, с. 331] – *братáнушко* [СРГСУ, 1964, с. 27] – *сосéдко* – *сосéдушко* [СРГСУ, 1987, с. 44] ‘домовой’ – эвфемиз-

стические наименования, в которых основанием для метафорического переноса служит корреляция родственных отношений и нечистой силы. Разница определяется лишь степенью родства: *дедушка* – обращение к мифологическому персонажу как к старшему, особо почитаемому члену семьи, *братанушко* – как к родственнику, а *соседко* – как к близкому, но все же живущему по соседству.

4. Использование разных способов номинации мифологического персонажа.

Например, *леший* – *лесной херувим* ‘дух леса’ [СРНГ, 1980, с. 373]. В первой демонологеме используется прямой способ номинации: *леший* ← *лес*, во втором случае – номинация опосредованная: метафорический образ ангела проецируется на персонажа нечистой силы с целью задабривания.

Таким образом, можно сделать вывод о вариативности демонологической лексики в русских народных говорах: данный тип системных отношений является очень распространенным в семантическом поле «Нечистая сила». Широкая вариативность демонологической лексики обусловлена тем, что субъект номинации отражает множественность представлений о вымышленном предмете, и поэтому один и тот же объект (демонологический персонаж) может быть назван с помощью разных принципов номинации. Отметим также, что в разных микросистемах варьирование происходит по-разному. Так, в макросистеме в большей степени представлены фонетические варианты, что связано с варьированием одних и тех же фонем в разных говорах. В частных же микросистемах приоритетными являются номинативные и словообразовательные варианты.

Литература

- Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. М., 2009.
- Головина Э.В.. К комплексной оценке вариантов слова: (На материале катойконимов Кировской области) // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982.
- Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3.
- Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург, 2001.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1998.
- Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1987. Т.1–3, 5,6.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1965–1991. Вып. 1–9, 11, 14–18, 23, 24, 26; СПб., 1995–2002. Вып. 29, 30, 36.
- Словарь русского языка в четырех томах. М., 1985. Т. 1.

Список сокращений

МАС – Словарь русского языка в 4-х томах.
СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала.
СРНГ – Словарь русских народных говоров

АНАЛИЗ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ СТРАТЕГИИ ОБВИНЕНИЯ И ОПРАВДАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.А. Сидельникова, Д.А. Стаценко, Ф.Р. Мутыгуллина

Ключевые слова: текст, дискурс, конфликт, стратегии обвинения и оправдания, грамматические конструкции.

Keywords: text, discourse, conflict, strategies of accusation and justification, grammatical structures.

«Текст представляет собой конечную, логически завершенную совокупность единиц всех уровней речезыковой иерархии, тематически и стилистически цельноформленную и семантически организованную», – так утверждает Л.Л. Нелюбин в «Толковом переводческом словаре» [Нелюбин, 2003, с. 218-220]. Задача современной лингвистики, по мнению ван Дейка, – «изучение текста как системы высшего ранга» [ван Дейк, 1989, с. 118]. Но это не только текст в своем первоначальном значении «ткани», объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основным свойством которой является целостность, но и текст как «дискурс».

Разграничение понятий текста и дискурса заключается в том, что текст является формой письменной коммуникации, дискурс – устная форма речи. Наиболее ярко различия между данными понятиями описывает Т.В. Матвеева: «текст как результат речевой деятельности противостоит дискурсу как процессу связной речи, собственно речевому общению в контексте обстоятельств общения. Причем текст как результат вбирает в себя характеристики процесса и служит способом объективации, материализации, то есть средством выражения дискурса» [Матвеева, 1994, с. 32]. Делаем вывод, что разумнее исследовать не текст, а дискурс как речь, реализованную в определенной ситуации, поскольку именно при таких условиях она становится наиболее объективной.

Существует множество разновидностей дискурса, но наиболее частотно изучение институциональных дискурсов. М.Л. Макаров выделяет следующие виды институционального дискурса: «кросс-культурной и субкультурной коммуникации, среды обитания, исторические, медиадискурсы, арт-дискурсы и, конечно, политические дискурсы» [Макаров, 2003, с. 57]. Любой анализ дискурса, по мнению В.И. Карасика, «можно проводить с точки зрения его форм, функций и ситуативной обусловленности, теории речевых актов, интерактивной социолингвистики, моделей представления дискурса в теории искусственного интеллекта, когнитивных и психолингвистических моделей обработки дискурса, а также грамматики устного и письменного дискурса» [Карасик, 2004, с. 48]. Для лингвистики и переводоведения грамматический анализ играет большую роль, и для переводчика передача грамматических конструкций является наиболее важной, поскольку грамматические конструкции передают всю когнитивную и эмоциональную информацию дискурса.

Для исследования перевода грамматических конструкций нами были отобраны тексты политической направленности по делу Эдварда Сноудена из англоязычных газет «USA TODAY», «The Guardian», а также из русскоязычных новостных сайтов «ТАСС» и «Lenta.ru». Как известно, «в пространстве политического дискурса многие темы освещаются с точки зрения определенной позиции, происходящее оценивается исходя из личного отношения к той или иной ситуации либо журналистами, либо определенной стороной, участвующей или заинтересованной в происходящем» [Синеокая, 2012, с. 118]. В отобранных нами текстах отношение правительства США и России к делу Эдварда Сноудена выражено довольно определенно. Позиции правительств противоположны, поэтому в политическом дискурсе прослеживаются две стратегии: стратегия обвинения и стратегия оправдания, которые проявляются через определенные лексические и грамматические средства. Методом сплошной выборки нами были отобраны 43 контекста, в которых реализованы указанные стратегии. В основу классификации выявленных единиц положены их грамматические особенности.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано следующее определение стратегии: «стратегия – искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [Ожегов, 2000, с. 721]. Как утверждает Е.В. Лаврентьева, «обвинение и оправдание – это особые полиинтенциональные жанры, коммуникативное назначение

которых содержит сложный иерархический комплекс интенций, что обуславливает их неоднозначное положение в системе речевых жанров» [Лаврентьева, 2005, с. 105]. Она говорит о том, что данные стратегии рассматриваются с точки зрения конфликтной коммуникации, и дает определение конфликту: «ситуация, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов, предпринимает ответные действия против первого участника» [Лаврентьева, 2005, с. 106]. В исследуемом материале конфликт принимает международный масштаб, поскольку стратегии обвинения и оправдания используются в публицистике двух стран, которые входят в перечень самых крупных стран мира. Интерпретация событий, представленная в англоязычных и русскоязычных СМИ, оказывается противоположной: США обвиняют Эдварда Сноудена, а Россия оправдывает его действия.

Анализ политических статей, посвященных теме Эдварда Сноудена, позволил определить, что в англоязычных текстах в соответствии с политикой Соединенных Штатов Америки ярко выражена стратегия обвинения, а в русскоязычных текстах – стратегия оправдания. Обе стратегии используются разными СМИ в соответствии с их идеологическими и политическими установками и традициями. Перевод англоязычных и русскоязычных контекстов осуществлен авторским коллективом данной статьи.

Все выражения, реализующие данные стратегии, по грамматическим признакам можно тематически разделить на 4 группы. Анализ материала позволил выявить следующие способы перевода грамматических конструкций, выражающих стратегии обвинения и оправдания. Для наглядности представим всю информацию в виде следующей таблицы:

Тематика грамматических конструкций	Стратегия обвинения / способ перевода с английского языка на русский	Стратегия оправдания / способ перевода с русского языка на английский
Тема 1. Основная деятельность Эдварда Сноудена (общий объем – 12 контекстов)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ беспредложные глагольные конструкции ▪ предложные глагольные конструкции 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ сравнительный оборот (as) ▪ конструкция глагол + наречие

	<ul style="list-style-type: none"> ▪ деепричастный оборот ▪ назывное словосочетание 	
Тема 2. Предполагаемые или реальные последствия за совершенные действия (общий объем – 13 контекстов)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ модальные конструкции ▪ беспредложные глагольные конструкции ▪ предложные глагольные конструкции 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ беспредложные конструкции ▪ предложные конструкции ▪ модальные конструкции
Тема 3. Результаты деятельности Эдварда Сноудена (общий объем – 7 контекстов)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ описательный оборот ▪ беспредложные глагольные конструкции 	_____
Тема 4. Конструкции, называющие самого Эдварда Сноудена (общий объем – 11 контекстов)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ имя существительное 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ сравнительный оборот (as) ▪ имя существительное

Так, к первой тематической группе относятся конструкции, характеризующие основную деятельность Эдварда Сноудена. В англоязычных текстах они реализуются в контексте стратегии обвинения. Перевод данных грамматических конструкций возможен следующими способами:

1) С помощью беспредложных глагольных конструкций, например:

«Mr. Snowden’s dangerous decision to steal and disclose classified information had severe consequences for the security of our country and the people who work day in and day out to protect it», Lisa Monaco, Obama’s adviser on homeland security and counter-terrorism, said in statement [Ernst, 2015]. – «Опасное решение Эдварда Сноудена украсть и разоблачить засекреченную информацию имеет серьезные последствия для безопасности нашей страны и людей, которые работают день и ночь, чтобы ее защитить», – говорит Лиза Монако, советник Барака Обамы по вопросам внутренней безопасности и противодействия терроризму, в официальном заявлении.

В данном примере стратегия обвинения выражена грамматической конструкцией *to steal and disclose classified information* (украсть и разоблачить засекреченную информацию). Наиболее ярко обвинения передают глаголы с негативной окраской: *to steal* и *disclose*. Конструкция в тексте оригинала представляет собой беспредложное словосочетание (глагол в форме инфинитива + имя существительное),

при переводе данного примера выявленную конструкцию возможно передать по той же схеме: украсть и разоблачить засекреченную информацию.

2) При помощи предложных глагольных конструкций, например:

Right now, he's running away from the consequences of his actions [Ernst, 2015]. – *Сейчас он убегает от последствий своих действий.*

В этом предложении стратегия обвинения выражена грамматической конструкцией *is running away from the consequences of his actions*. Данный контекст не несет яркой негативной окраски, но общий смысл фразы выражает обвинение Сноудена в безнаказанности. Использование глагола *runs away from* в англоязычном тексте делает возможным перевод конструкции предложным глагольным словосочетанием: *убегает от*.

3) С помощью деепричастного оборота:

Mr. Snowden was speaking via a live link from Russia to an audience in London two years after he exposed the tactic of the NSA and GCHQ after stealing tens of thousands of sensitive files and going on the run [Rieder, 2015]. – *Через два года после того, как Сноуден украл десятки тысяч секретных файлов и, скрывшись из страны, разоблачил тактику Агентства Национальной Безопасности и Управления правительственной связи, он обращался посредством видеосвязи из России к лондонской публике.*

В данном контексте стратегия обвинения передана грамматической конструкцией *stealing tens of thousands of sensitive files and going on the run*. Наиболее ярко стратегию обвинения выражает имя существительное *stealing* (*украсть*) с ярко выраженной негативной окраской и конструкция *going on the run* (*скрыться из страны*). Данные однородные члены предложения при передаче на русский язык уже не являются однородными: первая часть *stealing tens of thousands of sensitive files* передается беспредложной глагольной конструкцией *украл десятки тысяч секретных файлов*, а вторая часть *going on the run* переводится с помощью деепричастного оборота *скрывшись из страны*. При передаче второй части данного примера следует применить конверсию имени существительного на деепричастие, поскольку этого требуют грамматические особенности языка перевода: *украсть десятки тысяч секретных файлов и скрывшись из страны*. Помимо изменения части речи происходит целостное преобразование устойчивого словосочетания: *going on the run* (*скрыться из страны*).

4) С помощью назывного словосочетания «имя прилагательное + имя существительное»:

«*Mr. Snowden's dangerous decision to steal and disclose classified information had severe consequences for the security of our country and the people who work day in and day out to protect it*», Lisa Monaco, Obama's adviser on homeland security and counter-terrorism, said in statement [Rieder, 2015]. – «**Опасное решение** Эдварда Сноудена украсть и разоблачить засекреченную информацию имеет серьезные последствия для безопасности нашей страны и людей, которые работают день и ночь, чтобы ее защитить», – говорит Лиза Монако, советник Барака Обамы по вопросам внутренней безопасности и противодействия терроризму, в официальном заявлении.

В данном примере обвинение выражено именем прилагательным *dangerous* (*опасный*). При трансляции не возникает трудностей, так как мы прибегаем к дословному переводу конструкцией «имя прилагательное + имя существительное»: *dangerous decision* – *опасное решение*.

В российских СМИ основная деятельность Эдварда Сноудена реализуется в тексте, порожденном стратегией оправдания. Перевод вышперечисленных грамматических конструкций в обратном порядке (с русского на английский) возможен совершенно иными способами:

1) С помощью сравнительного оборота (as).

В Кремле **считают нормальным**, что бывший сотрудник американских спецслужб Эдвард Сноуден, получивший политическое убежище в России, критикует власти страны [Новодержкин, 2015]. – *It's regarded in Kremlin as a normal event the fact that the former member of American secret services Edward Snowden, who received political asylum in Russia, criticizes authorities of the country.*

Пример раскрывает стратегию оправдания с помощью положительно окрашенного имени прилагательного: *нормальный (normal)*. Конструкцию «глагол + имя прилагательное» *считают нормальным* переводим с помощью конструкции «глагол + описательный оборот» (as): *is regarded as a normal event*. При передаче данным способом используем также прием добавления: *event (событие)*.

2) С помощью конструкции «глагол + наречие».

«**Есть дискуссия, это абсолютно нормально**», – добавил представитель Кремля [Азаров, 2015]. – «*We have a discussion, it is absolutely normal*», the representative of Kremlin added.

Данный контекст также содержит стратегию оправдания, выраженную положительно окрашенным наречием: *нормально (normal)*. При переводе имя прилагательное как часть речи трансформируем на наречие: *абсолютно нормально* – *absolutely normal*. Также, в силу граммати-

ческого строя русского языка, применяя транслатологический прием добавление, мы вводим в текст перевода глагол *is* (*является*), которого нет в оригинале, но необходимость которого подразумевается.

Ко второй тематической группе относятся конструкции, обозначающие предполагаемые или реальные последствия за совершенные действия. В англоязычных текстах они реализуются в контексте стратегии обвинения. Перевод данных грамматических конструкций возможен следующими способами:

1) С помощью модальных конструкций, например:

*The president and a majority of lawmakers on Capitol Hill have nonetheless maintained that Snowden **must be prosecuted for violating the law*** [Ernst, 2015]. – Президент и большинство законодателей Конгресса США, тем не менее, поддержали то, что Сноудена **должны преследовать за нарушение закона**.

В данном примере негатив заключен в словосочетании с отрицательным значением *prosecute for violating the law* – преследовать за нарушение закона. При переводе было принято решение изменить структуру предложения – пассивная конструкция заменяется активной: *Snowden must be prosecuted* (Сноудена должны преследовать).

2) С помощью беспредложных глагольных конструкций.

*The White House responded to 168,000 signatories with its unwavering position that the NSA whistleblower should return to US **to face espionage charges*** [Rieder, 2015]. – Занимающий твердую позицию, Белый Дом отреагировал на 168 000 подписей в данной петиции, заявив, что разоблачитель Агентства Национальной Безопасности должен вернуться и **понести наказание за шпионаж**.

В указанном примере отрицательный смысл грамматической конструкции придает негативно окрашенное слово *espionage* – шпионаж. При передаче данной беспредложной конструкции используется предложная конструкция в силу грамматических особенностей русского языка. Также применяется изменение синтаксической конструкции (по А.Ф. Архипову): в оригинале глагол *return* (*вернуться*) относится к модальному глаголу *should* (*должен*), далее следует подчинительная инфинитивная конструкция со значением цели *to face espionage charges* (*чтобы понести наказание за шпионаж*). В переводе глагол в инфинитивной конструкции относится к модальному глаголу, поэтому глаголы *вернуться* и *понести* (*наказание*) становятся однородными сказуемыми.

В русскоязычных текстах конструкции, обозначающие предполагаемые или реальные последствия за совершенные действия, реали-

зуются в контексте стратегии оправдания. Перевод данных конструкций возможен следующими способами:

1) с помощью беспредложных конструкций.

При этом он добавил, что Россия оказалась единственной из стран, согласившихся удовлетворить его запрос о предоставлении убежища [Новодержкин, 2015]. – *Moreover, headed that Russia turned out to be the only country that agreed to satisfy his requirement of asylum assignment.*

Оправдание действий Эдварда Сноудена выражено глаголом *удовлетворить* – *satisfy*, который содержит положительную коннотацию. При передаче на английский язык использован прием дословного перевода: *удовлетворить его запрос о предоставлении убежища* – *to satisfy his requirement of asylum assignment*.

2) С помощью предложных конструкций:

... в 2014 году ему был предоставлен трехлетний вид на жительство [Азаров, 2015]. – *... in the year 2014 he was provided with three-year registration certificate.*

Данный пример выражает стратегию оправдания путем использования словосочетания «*предоставлен вид на жительство*» (*provided with registration certificate*). Сноудена лишили помощи практически все страны мира, за исключением России. Поэтому именно это словосочетание оправдывает, по мнению российских СМИ, его действия. При переводе используется замена членов предложения: подлежащее и дополнение меняются местами.

3) С помощью модальных конструкций:

... хоть и считает заявления Сноудена «достаточно спорными», тот имеет право на свою точку зрения [Азаров, 2015]. – *... even if the claims of Snowden are too disputable, he can have his own point of view.*

Конструкцией, содержащей стратегию оправдания Сноудена, на наш взгляд, является сочетание «*имеет право*» (*can have*). При переводе использован прием смыслового развития (по А.Ф. Архипову): *имеет право на* – *can have*. Усиливает оправдание притяжательное местоимение *свой* (*his*), которое при передаче на английский язык становится еще более выразительным благодаря использованию приема добавления: *his own* (*свою собственную*).

К третьей тематической группе относятся конструкции, характеризующие результаты деятельности Эдварда Сноудена. Данная тема освещается только в англоязычных текстах, поэтому эти конструкции реализуются только в контексте стратегии обвинения. Пе-

ревод данных грамматических конструкций возможен следующими способами:

1) С помощью описательного оборота:

Rubio, a senator from Florida and staunch defender of the USA Patriot Act, said Snowden's releases were «the most devastating release of information» [Rieder, 2015]. – Рубио, сенатор из штата Флорида и верный защитник закона по борьбе с терроризмом США, сказал, что разоблачение Сноудена было «самым опустошительным раскрытием информации».

В данное высказывание негативная окраска привносится словом *devastating* (опустошительный). При переводе использован дословный перевод.

2) С помощью беспредложных глагольных конструкций:

He's done terrible damage to this country. And put the lives of real Americans at danger because of it [Ernst, 2015]. – Он нанес ужасный вред своей стране. Из-за этого подверг опасности жизни современных американцев.

В приведенных примерах стратегию обвинения выражают такие словосочетания с негативным значением, как *terrible damage* (ужасный вред), *put at danger* (подвергать опасности). При переводе используем конкретизацию (по В.Н. Комиссарову): *done* – нанес, *put* – подверг.

К четвертой тематической группе относятся конструкции, называющие самого Эдварда Сноудена. Со стороны американского правительства они реализуются в контексте стратегии обвинения. Перевод названных грамматических конструкций возможен с помощью имени существительного. Авторы статей употребляют обиходно-разговорную лексику и конструкции с метафоричным значением.

Politico's Roger Simon dismissed him as «the slacker who came into the cold» and for being «29 and possessing all the qualifications to become a grocery bagger». The Washington Post's Richard Cohen said incomprehensibly that Snowden would «go down as a cross-dressing Little Red Riding Hood» [Rieder, 2015]. – Политик Роджер Саймон назвал его «бездельником, который обрел покой» и сказал, что в возрасте «29 лет обладает всеми возможностями стать упаковщиком продуктов». Ричард Коуэн, автор редакционных статей газеты Вашингтон Пост, заявил (что стало непонятным), что Сноудена «следует воспринимать как переодетую Красную Шапочку».

В русскоязычных текстах исследуемые грамматические конструкции реализуются в контексте стратегии оправдания, а их перевод возможен следующими способами:

1) С помощью сравнительного оборота (as):

<...> его **оклеветали предателем** спикер палаты парламента Джон Бохнер и бывший вице-президент Дик Чинней [Азаров, 2015]. – <...> **he was vilified as a traitor** by House Speaker John Boehner and the former vice president Dick Cheney.

Данный пример вызывает интерес тем, что оправдание выражается двумя негативно окрашенными словами: *оклеветать* (*vilify*) и *предатель* (*traitor*). Слово *предатель* выражает стратегию обвинения, но с помощью глагола *оклеветать* конструкция становится положительной: мы понимаем, что сказали неправду. Конструкцию «глагол + имя существительное в творительном падеже» переводим конструкцией с помощью сравнительного оборота (as): *оклеветали предателем* – *was vilified as a traitor*. При переводе происходит трансформация, затрагивающая структуру предложения, – подлежащее и дополнение меняются местами, поэтому сказуемое передается глаголом в пассивном залоге: *оклеветали* (*was vilified*).

2) С помощью имени существительного:

Просители на сайте «Мы – люди» назвали Сноудена «национальным героем» и сказали, что ему «нужно немедленно дать полное, свободное и абсолютное помилование за все преступления, которые он совершил, относящиеся к утечке и разоблачению секретных программ слежки Агентства Национальной Безопасности» [Новодержкин, 2015]. – *The website «We The People» petitioners called Snowden «a national hero», and said he «should be immediately issued a full, free, and absolute pardon for any crimes he committed or may have committed related to blowing the whistle on the secret NSA surveillance programs».*

Данный пример представляет собой реализацию стратегии оправдания благодаря употреблению имени существительного *герой* – *hero*, обладающего положительной коннотацией. При передаче используем дословный перевод: *национальным героем* – *a national hero*. Изменяется грамматическая форма слов (в силу различий в грамматическом строе языков): творительный падеж меняется на именительный.

Подведем итоги. В ходе сопоставительного анализа русскоязычных и англоязычных текстов, посвященных интерпретации одного события СМИ Соединенных Штатов Америки и России, мы выявили следующие способы преобразования фрагментов текста в

процессе перевода: с помощью беспредложных глагольных конструкций, предложных глагольных конструкций, деепричастного оборота, назывного словосочетания, модальной конструкции, описательного оборота и имени существительного.

Для конструкций, выражающих стратегию оправдания в русскоязычных текстах политического дискурса, мы воспользовались такими способами перевода, как сравнительный оборот (as), конструкция «глагол + наречие», беспредложные конструкции, предложные конструкции, модальные конструкции и имя существительное.

Таким образом, можно выделить четыре трансформации, которые универсальны для перевода конструкций как обвинения, так и оправдания. Содержание высказываний передается с помощью беспредложных конструкций, предложных конструкций, модальных конструкций и имени существительного. Их универсальность при интерпретации текстов как на русском языке, так и на английском объясняется использованием в данных языках одинаковых грамматических конструкций.

Использование каждой стратегии выявило и уникальные способы перевода ввиду исключительных особенностей знаковых систем рассматриваемых языков. При переводе конструкций, выражающих стратегию обвинения, применяется трансляция при помощи деепричастного оборота, назывного словосочетания и описательного оборота. Грамматические конструкции, выражающие стратегию оправдания, переводятся при помощи сравнительного оборота (as) и конструкции «глагол + наречие».

Выбор конкретного вида переводческой трансформации при передаче текстов политического дискурса обусловлен личным выбором переводчика, осуществляющего перевод. Авторы публицистических статей употребляют в своих работах различные грамматические конструкции – как общеупотребительные, так и авторские.

Литература

- Азаров Д. В Кремле назвали нормальной критику со стороны Сноудена. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/>
 ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
 Лаврентьева Е.В. Стратегии говорящих в ситуации конфликтного диалога (на примере речевых жанров обвинения и оправдания). Барнаул, 2005.
 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
 Матвеева Т.В. Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994.
 Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.

Новодережкин А. Сноуден подтвердил, что Ассанж советовал ему получить убежище в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/>

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

Синеокая Н.А. Характеристика политического дискурса. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7695>

Ernst J. Petition to pardon Edward Snowden rejected by Obama administration. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/>

Rieder R. Score one for the whistleblower. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usatoday.com/>

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА ПОЛЯ ВЗАИМНОСТИ

В.К. Радзиховская

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, познавательльно-ориентирующая функция, языковая норма, речевое поле взаимных отношений.

Keywords: functional-semantic category, cognitive-orienting function, set of common language means and forms, speech field of mutual relations.

«Уважать всякого человека, как самого себя, и поступать с ним, как мы желаем, чтобы с нами поступали, выше этого нет ничего».

Конфуций

Прагмалингвистика как «один из планов или аспектов исследования языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком» [Ахманова, 1972], дает основание более или менее системно представить квантово-синергетическое, то есть живое, состояние функционально-семантической категории взаимности, в которой необходимо находит выражение био-психо-социальная сущность языка [Doroszewski, 1982].

Функционально-семантическая категория (ФСК) взаимности представляет собой систему разноуровневых средств языка, взаимодействующих при передаче информации о взаимных отношениях, взаимном действии – действии, совершаемом парным в своей основе множеством субъектов, связанных между собой объектной зависимостью, и скоординированном в пространстве и времени по значимой цели и способу осу-

ществления. Квантово-синергетический характер этой категории обнаруживается при передаче ситуации взаимных отношений, когда это взаимодействие, проявляя фундаментальные свойства сложной (саморегулирующейся) системы, набирает социальную значимость.

Проблемы формирования и сохранения языковой культуры – установления языковой нормы в соответствии с представлением «языкового идеала» [Пешковский, 1959] – решаются в процессе реализации языковых форм в речи – притягивания/непритягивания речи окружающих. Установление языковой нормы, «определяющей все многообразие речевых реализаций» [Ахманова, 1972], как гармонизация языковой системы – это и процесс актуализации взаимных отношений, процесс регуляции взаимопонимания. Познавательльно-ориентирующая функция языка [Doroszewski, 1982], реализуемая в процессе общения, необходимо сопровождается функцией контактоустанавливающей, направляющей область применения языковых форм, фиксируя их по ситуации, вследствие чего устанавливается дифференциация соответствующих подсистем использования языка, его стилевое многообразие, прагматическая ориентация и в целом национальное своеобразие.

В процессе коммуникации в социуме реализуются аберративные возможности языковой нормы: при использовании языковых форм оказываются допустимыми/недопустимыми необходимо возможные различные отклонения от заданной языком функции, возникает их варьирование. Выбор языковых форм и определенная область свободы их использования в живой речи, допущение аберраций, создается также благодаря проявлению говорящими «чувства уважения к чужим взглядам» (М. Горький «Мещане») – толерантности. Такое понимание толерантности не совсем совпадает с толкованием слова *tolerancja* в словаре [Słownik wyrazów obcych, 1971]: *tolerancja* <łac. *tolerantia*.> 1. wyrozumiałość, pobłażanie dla cudzych poglądów, upodobań, wierzeń, dla cudzego postępowania – ‘понимание, допущение чужих взглядов, интересов, вер в чужом поведении’. Толерантность связана с возможной конфликтностью ситуаций, столкновением мнений во взаимных отношениях, когда требуется проявление терпения по отношению к чужому мнению, но проявление толерантности, однако, может нарушить, и даже разрушить, несогласное мнение. Толерантность необходимо отмечается неким ментальным порогом взаимных отношений, критической точкой, определяющей границы сохранения конфликтующих сторон. Мы хорошо умеем беседовать с человеком, согласным или почти согласным с нами; когда же мы видим, что собеседник наш не верит в ту истину, которую мы признаем, или даже не понимает ее и, несмотря на наши усилия объяснить ему, он продолжает не соглашаться с нами и, как нам ка-

жется, упрямится или извращает наши слова, то как легко мы теряем наше спокойствие и раздражаемся! Мы или начинаем сердиться и говорить нашему собеседнику неприятности, или прекращаем разговор, думая, что с таким непонятливым или упрямым человеком не стоит и рассуждать. Когда ты хочешь показать твоему собеседнику в разговоре какую-нибудь истину, то самое главное при этом – не раздражаться и не сказать ни одного недоброго или обидного слова [Толстой, URL]. В этой связи обратим внимание на терминологическое применение слова толерантность в медицине, где оно понимается как способность организма переносить лекарства без болезненных проявлений (2. med. oporność organizmu na czynniki szkodliwe, zdolność organizmu do znoszenia dużych dawek leków bez objawów chorobowych [Słownik wyrazów obcych, 1971] – ‘сопротивляемость организма вредным факторам, способность организма переносить большие дозы лекарств без болезненных проявлений’). Психолингвистике, занимающейся проблемами взаимодействия человека с миром посредством языка, аналогично известна проблема способности человека переносить избыток информации; психолингвистика, изучающая процессы языкового общения людей друг с другом, сталкивается с проблемой безопасности такого общения, самосохранения человека, его самоорганизации и развития. В решении проблем применения языка как инструмента «разумно-жизненного общения» [Лосев, 1989, с. 21], реализации мозгом познавательной-ориентирующей функции [Doroszewski, 1982], в результате которой формируется гибридный интеллект (мозга и языка) [Венда, 1990], может, видимо, помочь понимание термина толерантность в технике (3. techn. dopuszczalne odchylenie od ustalonych przepisowo norm dotyczących wymiaru, wielkości, formatu itp. wytwarzanych przedmiotów [Słownik wyrazów obcych, 1971] – ‘допустимое отклонение от установленных норм создаваемых предметов’). Учитывая все эти моменты, в лингвистике толерантность мы рассматриваем как явление допусков в проявлении абerratивности языковой нормы, разрешающей эти отклонения в речи, определяющей, что допустимо, что можно, как явление нормативной погрешности в речи, реализующей мыслительную направляющую нелинейно организованной сложной системы, выстраивающейся непараллельно (в согласии с видением мира в геометрии Н. Лобачевского), но скоординированной по функциональной значимости мысле-рече-языковой деятельности, цели мысле-рече-языкового действия.

Прагматика функционально-семантической категории взаимности обеспечивается самим сформировавшим ее устройством в языке: противоположением значений совместности и взаимности, взаимности и полувзаимности, взаимности и антивзаимности [Радзиховская, 1996]. Гра-

ница этих оппозиций подвижна и зыбка, а восприятие семантики поля взаимных отношений, важное для взаимопонимания, оставляется носителям языка участникам речевой коммуникации. Особенно интересно различие совместного и взаимного значения, которое объединяется, поскольку оно реализуется одними и теми же языковыми формами [Недялков, 1991], а между тем различие может быть (и часто оказывается) значимым по смыслу [Радзиховская, 1983]. Однако встречается и целенаправленное столкновение средств ФСК взаимности и совместности, которое выявляет значимость и отдельность взаимного значения. В телепередаче, посвященной проблеме жизни без болезней и старости, ведущий закончил обсуждение причин долголетия словами: *Мы живем среди друг друга*, – и, желая телезрителям всего доброго, пояснил смысл всего сказанного ‘Старшим нужно знать, что они нужны молодым, детям – что они нужны старшим’ (ТВ, «Культура», автор и ведущий программы А. Максимов «Наблюдатель», 27.07.15), – тем самым взаимное местоимение (центральное средство ФСК взаимности) приобрело в обстоятельстве функции большую значимость, произошло усиление взаимного значения за счет переквантования – выхода грамматической формы в лексику (можно видеть здесь и наложение синтаксических структур: *живем среди людей – воздействуя друг на друга*).

Стилистически ориентированная система средств ФСК взаимности реализуется в конкретной ситуации общения. Вследствие нелинейности (непараллельности) механизма мысле-рече-языкового действия прагматика языковых средств, формирующих эти оппозиции, не знает специальной лексикографической маркировки мелиоративного/пейоративного характера, различающегося в статике и динамике: *друг – недруг, друг – враг (Враги его, друзья его / Что, может быть одно и то же) / Его честили так и сяк. / Врагов имеет в мире всяк. / Но от друзей спаси нас, боже! / Уж эти мне друзья, друзья... – А. Пушкин «Евгений Онегин», гл. 4, XVIII)*, меняющегося по ситуации (*Подружка – грудь, да подушка* – говорит народная пословица). Оппозиции по оценке (*хорошо / плохо*), формирующие семантику поля взаимности, принадлежат языку, определяются по ситуации внеязыковой действительностью. Во взаимодействии с внеязыковой действительностью мозг, осуществляющий мыслерече-языковую деятельность, и язык человека, представляя собой функционально в связи с мозгом гибридный интеллект, подчиняющийся законам взаимной адаптации [Венда, 1990] и управляющийся функционированием языка и систематизацией в нем на основе памяти голограммных образований, фиксирующих лексико-грамматическую организацию языка, выстраивает по оценочной компоненте и конкретную ситуацию в речи и адекватную ей систему языковых категорий. Абберративные воз-

возможности языковой нормы определяются средой, в которой функционирует система мысле-рече-языкового действия.

Прагматическая маркировка в лексикографии, отражающая специфику лексики функционально-семантической категории взаимности, касается, прежде всего, характеристики речевого поведения, направленного на поддержание / разрушение речевого поля взаимных отношений. Сама культура речевого общения исторически изменчива. Каким считалось идеальное речевое поведение, сохраняющее человека как члена общества, на Руси, можно представить себе из «Поучения Владимира Мономаха» («При старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь...»), сделанного в заботе о психическом здоровье народа, также из «Риторики» М.В. Ломоносова, его труда «О сохранении и размножении Российского народа» [Ломоносов, 1952]. Речевое поведение, культура речи – условие оптимальной реализации основной функции языка и деятельности мозга – познавательно-ориентирующей функции [Doroszewski, 1982].

Субъективно-объективный характер прагматической маркировки в лексикографии не позволяет определенно по ситуации характеризовать практику использования языковых средств. Опираясь на научно обоснованную лексикографическую фиксацию, можно лишь пытаться определять действующие в определенный момент тенденции развития языковой культуры общения. Для экспериментального выявления сложной картины движения прагматики поля взаимности в русском языке примем за временную точку отсчета данные словаря середины XX-го века [Ушаков, 1935–1940], отражающего, по нашему мнению, относительно устойчивое состояние русского языка своего времени, и конечные результаты достижений прагматической лексикографии, отраженные дифференциальным словарем 2004 года [Nagórko, Łazinski, Burkhardt, 2004]. Для нас представляет интерес специфика маркировки языковых форм собранного нами банка текстов, ставших источником языкового материала исследуемой категории, поскольку словарь не только фиксирует принадлежность слова полю взаимности, но маркирует его нюансировку в практике взаимных отношений.

В нашем эксперименте исследования семантики взаимного значения зафиксированы словарем [Ушаков, 1935–1940] выражения с оттенком почтительности, фамильярные, ироничные, шуточные, неодобрительные, пренебрежительные, презрительные, бранные. Как характеристика ситуации взаимных отношений косвенно характеризует и ее

участников, так и определение в словарной маркировке уровня культуры носителя языка косвенно характеризует поле взаимных отношений: в нашем материале в этом отношении показательны просторечные, вульгарные выражения.

Попадание же в поле взаимных отношений слов и выражений, характеризованных не по семантике взаимности: устаревших выражений, историзмов, заимствований, а также профессионализмов – вызвано эффектом разнородности неравномерного движения языковых форм во времени и пространстве по шкале интеллектуализации языка.

Прагматическая квалификация языковых средств, направляемая стилистической организацией языка и обогащаемая нюансировочными оттенками, осложняется также и тем, что в речи по ситуации происходит ее изменение в пользу тех или других оттенков, варьирование одних и тех же языковых форм. В ситуативно обусловленном варьировании норм различают неофициальный, нейтральный и официальный регистры [Земская, 1973, с. 25], предполагающие разный уровень взаимных отношений (торжественное, ритуальное), при которых в разной обстановке по-разному проявляется целевая установка речевого действия, решающая выбор языковых средств.

Лексикографическая маркировка языковых средств, обеспечивающих функционирование поля взаимности, касается слов и выражений, называющих не только взаимное действие и взаимные отношения, но и лиц, вступающих в контакт, событий, предметов взаимного действия (взаимного интереса [Радзиховская, 2013, с. 26–36]), а также самих синтаксических конструкций, характерных для ситуаций общения.

Специфика прагмалингвистики поля взаимности в богатой нюансировке характеристики взаимных отношений, обусловленных «разновеликостью», «разновесностью» его носителей (по возрасту, по знанию, опыту и уму, по полу), замеченной еще Владимиром Мономахом. Языковые формы функционально-семантической категории взаимности, как и вся рече-языковая стихия, поляризуются в соответствии с использованием их в определенном социуме. Прагмалингвистические маркеры фиксируют дифференциацию языковых средств, ограничивающую сферу их применения, дополняя указатели возможных регистров их существования. Весьма широкий диапазон варьирования используемых языковых форм при всей определенности требований профессиональной деятельности учителя; основное поле взаимных отношений реализуется в его взаимодействии с учеником: учитель учит, а ученик учится [Радзиховская, 2010]. В этой связи глаголы *учит* и *учится* прилегают к конверсивным парам (как *спросить* – *ответить*, *продать* – *купить*), претендуя при этом на частичное вхождение в морфологический центр функцио-

нально-семантической категории взаимности [Радзиховская, 2014]. Наименования же участников взаимных отношений (например, *конкурент*, *оппонент*), как и конверсивные номинации (*учитель – ученик*), соответственно составляют периферию категории взаимности и в речи определяют социумное пространство взаимных отношений: (учитель, будучи в походе со своими учениками) *Я лежу, делаю вид, что сплю, и слушаю, как шлифуют мои кости. Конечно, никакой я для отцов не пример. Не педагог, тем более не учитель. Но ведь я и не монстр, чтобы мною пугать. Я им не друг, не приятель, не старший товарищ и не клевый чувак. Я не начальник, я и не подчиненный. Я им не свой, но и не чужой. Я не затычка в каждой бочке, но и не посторонний. Я не собутыльник, но и не полицейский. Я им не опора, но и не ловушка и не камень на обочине. Я им не нужен позарез, но и обойтись без меня они не смогут. Я не проводник, но и не клоун. Я – вопрос, на который каждый из них должен ответить* (А. Иванов «Географ глобус пропил». М., 2007). Учитель определяет свою роль в отношениях с учениками и выходит на ментальный предмет взаимного интереса – *вопрос*. При этом высвечиваются изменения регистра взаимодействия учителя с учеником: *отцы* – неформальные лидеры класса – *новая* лексика (по классификации словаря 2004 года. – В.Р.), *клевыи чувак* – *новая* лексика (*клевыи* – первоначально на гендерной основе *клянул* – ‘проявил интерес, заинтересовался’ *молодежное*, тогда *клевыи* – по оценке синонимично *новому крутой*), *начальник* – *подчиненный*, *затычка в каждой бочке* – «‘Человек, которым пользуются, чтобы заполнить чье-н. отсутствие, чтобы заменить кого-н. недостающего’ (простореч. пренебр.) *Ко всякой бочке з. поговорка*» [Ушаков, 1935–1940], *собутыльник* – «(разг.). Тот, кто пьет, пьянствует, пирует вместе с кем-н., сидит за бутылкою вина.» [Ушаков, 1935–1940.], *ловушка* – по отношению к человеку словарь [Ушаков, 1935–1940] не отмечает, *камень на обочине* – в таком употреблении в словаре [Ушаков, 1935–1940] не отмечается. А.С. Макаренко в своих работах по воспитанию о трудностях и сложности эффективного педагогического воздействия писал, что стал хорошим воспитателем, когда научился говорить «Здравствуйте» двадцатью разными интонациями.

Социумный квант поля взаимных отношений со своей спецификой рече-языкового выражения представляет семья. Родственные связи определяют прагмалингвистику отношений в семье, всегда сложных в силу необходимо присущей ей иерархии (динамика взаимных отношений в пределах этой иерархии отражена в художественной литературе, в частности, в русской классике XIX века: *Будет бить тебя муж-привередник и свекровь в три погибели гнуть* (Н.А. Некрасов); *обозлилась молодая Павлиха [жена Павла]: на золовку стало ей завидно*

(А. Пушкин), основывающихся на стремлении самосохранения всех и каждого.

Рассматривая речь семьи, нельзя не принять во внимание точку зрения, высказанную авторами дифференциального словаря [Nagórko, Łazinski, Burkhardt, 2004], выделившими прагматический квалификатор *семейное*, что мы имеем здесь дело не с одним языком, но с разными языками, и их общей чертой является пространственно-временная скоррелированность по эмоциональной характеристике («*tamy tu do czynienia nie z jednym kodem, lecz różnymi językami*» и «*czułość – ich wspólna cecha*» [Nagórko, Łazinski, Burkhardt, 2004]). Речь каждой семьи имеет свои традиции и уникальна в силу уникальности своего формирования. Однако культура общения в семье, при ее относительной замкнутости, соотносится определенным образом с национальной культурой и определяется ею, что и создает своеобразие и речи семьи как части определенного этноса. Использование родительских обращений за пределами семьи приобретает отличную от обращения в семье форму: не *мама* и *папа*, но *отец* – по отношению к пожилому мужчине и *мать* – прагматическая информация словаря [Ушаков, 1935-1940] здесь уходит в стилистику: *простореч. Как обращение к пожилой женщине*. Между тем прагматически здесь сохраняется еще память эмоциональной атмосферы семьи – задушевность контакта. Современная речь в интонации и словообразовательных формах (*бабуля, дедуля*) подает сигналы разъединения отношений поколений и семьи, неблагополучия в реальном поле взаимных отношений.

Околовзаимное пространство относительно речи семьи занимает ее окружение, *соседи*, эмоционально втянутые в поле взаимных отношений родственников:

Под вечер иногда сходилась / соседей добрая семья, / Нецеремонные друзья, / И потужить, и позлословить / И посмеяться кой о чем (А. Пушкин).

Прагмалингвистика речи окружения семьи наиболее открыта и динамически неоднородна: колеблется в пределах взаимных – совместных, взаимных – полувзаимных, взаимных – антивзаимных значений (*Сначала все к нему езжали, / Но так как с заднего крыльца / Обыкновенно подавали / Ему донского жеребца, / Лишь только вдоль большой дороги / Заслышат их домашни дроги, – / Поступком оскорбься таким, / Все дружбу прекратили с ним. / «Сосед наш неуч, сумасбродит, / Он фармазон; он пьет одно, / Стаканом красное вино; / Он к дамам к ручке не подходит; / Все да да нет; не скажет: да-с / Иль нет-с»*). Таков был общий глас (А. Пушкин «Евгений Онегин», гл. 2, V).

Язык помогает соблюдать правильную дистанцию в общении, чему

способствует грамматическая основа функционирования лексики, лексико-грамматическое взаимодействие. Межличностные отношения на русском языке наименее конфликтно решаются при соблюдении известной формы вежливого обращения на *вы* (как и обращения по имени и отчеству): *Дуняша, – кликнула она, – принесите Митю (Фенечка всем в доме говорила вы)*. (И. Тургенев «Отцы и дети»). Движение от *ты* к *вы* и от *вы* к *ты* – как лакмусовая бумажка – проверка уровня культуры отношений и уровня культуры участников общения. От отсутствия форм обращения (*А что до уважения, так сделайте милость, не уважайте... Я сам никого не уважаю...* (М. Горький)) до свободного варьирования их («*В какую цену ваши огурцы?*» – спрашивает она [дама] бородатого мужика. «*Как вы сказали?*» – «*Я сказала, в какую цену ваши огурцы?*» – дама напирала на слово «ваши», и в устах ее это слово звучит торжественно и брезгливо. – «*Это мои, стало быть?*» – мужичок наливался краской. – «*В-в-ваши. Именно.*» – «*Чего ты меня выкаешь?* – взрывается мужичок. – *Чай, как у всех. Чего ты меня завывала, а?*» – «*Вы меня не тычете!*» – «*Я и не думал тыкать.*» <...> – «*Что такое, земляки? Кто кого тыкал?*» – «*Да нет. Ничего такого не было, – разрешает сомнения торговец огурцами. – Не тыкала она меня, а выкала, безо всякого уважения <...> Вростяжечку. Сквозь зубы. Как с нелюдем. Я так не привык <...> Подойди ко мне по-человечески! Мы и выкаем и уважаем. И тыкаем и тоже уважаем...*» (С. Романовский «Вятский рынок») – этот факт, отмеченный словарем А.Г. Балакай (2004), показывает аберративный размах реализации известной формулы вежливости – слишком тонка грань между официальным, обусловленным канцелярским стилем, и этикетным, по формуле вежливости, использованием местоимения: «*Нет-с, это, – отвечаю, – <...> у меня может на совести остаться: вы защитник отечества и вам, может быть, сам государь “вы” говорил.*» – «*Это, – отвечает [улан], – правда: нам когда чин дают, в бумаге пишут: «Жалует вас и повелеваем вас почитать и уважать»*» (Н. Лесков «Очарованный странник») (пример по словарю А.Г. Балакай).

В зависимости от ситуации дистанция между участниками речевого общения может быть увеличена с помощью движения форм функционально-семантической категории персональности: по отношению к собеседнику и себе (говорящему) используют формы 3-го лица: *Александр Пушкин сердечно благодарит Игнатия Семеновича Зеновича за его заочное гостеприимство. Он оставляет его дом, искренно сожалея, что не имел счастья познакомиться с почтенным хозяином.* (А. Пушкин Письмо Деспоту-Зеновичу, 8 августа 1824); говорящий (лектор, оратор) таким образом избегает использования местоимения 1-го

лица: *Ваши покорный слуга надеется...*; местоимения 2-го лица: *Мои слушатели меня понимают*; увеличивая расстояние в ситуации общения, учитель тактично смягчает побуждение к действию: *К доске пойдет Коля Иванов*. Расстояние общения, наоборот, может быть сокращено, например, повышением роли говорящего: *«Мой секундант? – сказал Евгений – / Вот он: мой друг, monsieur Guillot, / Я не предвижу возражений / На представление мое: / Хоть человек он неизвестный, Но уж, конечно, малый честный»*. / *Зарецкий губу закусил*. (А. Пушкин) – упреждением ответной реакции. Как сокращение расстояния в поле общения можно расценить и обращение речи к самому себе, субъекту речи, как к объекту, что фактически расширяет пространство внутренней речи: *<...> Аркадий, который окончательно сам с собой решил, что влюблен в Одинцову, начал предаваться тихому унынию*. (И. Тургенев); *Марья Дмитриевна сама с собой не переменилась; вслух она говорила изящнее*. (И. Тургенев «Дворянское гнездо»). Сокращению расстояния в поле общения и усилению взаимного значения способствует и «захват» формы повелительного наклонения адресантом: *извиняйте* – ‘извините’, *благодарствуй(те)* – ‘благодарю’ при выражении благодарности (сравним в польском языке *witajcie* на месте *witam*): *Благодарствуйте, что сдержали слово, – начала она, – погостите у меня здесь, право, недурно. Я вас познакомлю с моей сестрою, она хорошо играет на фортепьяно. Вам, мсье Базаров, это все равно; но вы мсье Кирсанов, кажется, любите музыку; кроме сестры, у меня живет старушка тетка да сосед один иногда наезжает в карты играть: вот и все наше общество*. (И. Тургенев) – в этом употреблении отмечено в словаре Д.Н. Ушакова. Такое совмещение побудительности, усиливающее взаимное значение сопровождается смещением семантики лица. «Перекаты» по персональности специфичны для поля взаимности. Применение формы *благодарствуй* как усиление выражения благодарности (*Благодарствуй за обед, – старушоночка сказала*. (А. Пушкин)) вызвано, на наш взгляд, не столько фонетическими причинами [Фасмер, 1971], сколько движением поля персональности в поле взаимности, сопровождающее смещение форм побудительного значения. Сравним известное в речи младенца *На!* в значении ‘дай’. Такие же движения совмещения семантики по персональности и модальности мы наблюдаем и в выражении благодарности словом *спасибо*. В силу частотного употребления этикетной формы в ситуации взаимных отношений в процессе опрощения здесь выпало как избыточное и местоимение: *Спаси тебя бог* – ‘храни тебя господь’ – слова благодарности [Даль, 2001], что, может быть, и ослабило скрывшееся здесь побудительное значение. Смягчением просьбы может быть вызвано и нарушение нормы использования глагола *занять*: *займи мне* –

‘дай мне займы’, когда в психологической игре «Человек-невидимка» (ТВ-3, июль, 2015) актер И. Верник реагировал на предположения экстрасенсов, что он человек общительный и *щедрый*: *Вам занять?* – правильное: *Дать вам займы?* – было бы, вероятно, еще грубее.

Семасиология поля взаимных отношений и лексико-грамматическое взаимодействие в поле взаимности расширяется и в его лексической части, и в грамматической основе представления значения, поскольку в нем используются не только наименования действий и их участников и их соответствующих характеристик, но и наименования объекта взаимных действий, предмета взаимных отношений, называемый нами «предметом взаимного интереса» [Радзиховская, 2013]. Принадлежность его полю взаимности проявляется в особых требованиях, предъявляемых к лексике, заполняющей соответствующую функцию, в процессе функционирования языковой системы в речи. Наименования выделенных нами в поле взаимности предметов «взаимного интереса» как способствующих комфортности общения получают по словарю [Nagórko, Łazinski, Burkhardt, 2004] специальную маркировку: *emfaza – określenie zawierające dodatni ładunek uczuciowy; mówiącemu zależy na wprawieniu słuchacza w dobry nastrój*. Często przy pozornych zdrobnieniach, jak *kawka, herbatka, jajeczko* itp., powszechnych w języku kelnerów i sprzedających). Наименования объекта взаимных отношений («взаимного интереса») получают эмоциональную окрашенность, на что, в частности, указывают прагматические маркеры так называемых в русистике *уменьшительно-ласкательных* форм, используемых, например, в ситуации застолья (*чаек, сахарок, маслице*): *Дам хлебушка / По полупуду в день, / Дам водки по ведерочку, / Поутру дам огурчиков, / А в полдень квасу кислого, / А вечером чайку!* (Н. Некрасов «Кому на Руси...») или в ситуации игры (получают варианты наименования игровые фигуры и сами игры: *картишки*): *А отцу Алексею очень хотелось с тобой познакомиться. Он тебе понравится, ты увидишь. Он и в карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курит.* (И. Тургенев «Отцы и дети»). Как *разговорные ласкательные и фамильярные* квалифицирует словарь [Ушаков, 1935-1940] варианты формы наименования, обобщенно фиксирующего предмет как предмет имущественной ценности, названный нами «предметом взаимного интереса»: *деньги – ‘только мн.* Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже’ [Ушаков, 1935-1940]: *Покуда были денежки, / Любили деда, холили, / Теперь в глаза плюют.* (Н. Некрасов «Кому на Руси...») *разг., ласкат., фам.*; Бессеменов: *Вот накопи денюжат да и сам женись... Тетерев: Не хочется... Перчихин: Не женись, не надо! Лучше пойдем снегирей ловить.* (М. Горький «Ме-

щане») *разг., фам.* Также изначально задано в русском языке как наименование предмета взаимного интереса слово *взятка* – ‘плата или подарок должностному лицу за совершение каких-н. незаконных действий по должности в интересах дающего *Дать взятку. Брать взятки*’ [Даль, 2001], обозначая морально предосудительное и караемое законом действие, оно не получает модификаций уменьшительности/ласкательности, но может нуждаться в эвфемизме: *Это, вот видишь ли, есть такая дурацкая философия, я недавно в одном доме слышала, нынче она в моду вошла. Они забрали себе в голову, что умнее всех на свете, а то все дураки да взятчники. Какая глупость отвратительная! Мы, говорят, не хотим брать взятки, хотим жить одним жалованием. Да после этого житья не будет! За кого же дочерей отдавать? Ведь этак, чего доброго, и род человеческий прекратится. Взятки! Что за слово – взятки? Сами же его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а **благодарность**! А от благодарности отказаться грех, обидеть человека надо. Коль ты холостой человек, на тебе и суда нет, юродствуй, как знаешь. Пожалуй, хоть и жалование не бери.* (А.Н. Островский «Доходное место»). В современной речи: *В ателе в ответ на просьбу сделать льготную скидку: «Преподавателям сейчас мало платят», – мастер возразила: «А благодарность?»* (Москва, 08.2005).

Представленная здесь прагматическая информация собранного нами языкового материала относительно поля ФСК взаимности в русском языке показала, что специфика прагматики поля взаимности состоит в том, что, помимо стилистической маркировки, возникает возможная нюансировка переходных оттенков отношений (*почтительных, фамильярных, ироничных, шутливых, неодобрительных, пренебрежительных, презрительных, допускающих бранные выражения*), отмечаемая словарем. Также в части случаев словарь очерчивает круг возможных участников взаимных действий (*простореч. Как обращение к пожилой женщине; разг. употр. обычно в обращении детей к матери*). Как сложная система, ФСК взаимности в своем функционировании характеризуется широкой прагматической ориентацией, объем которой можно измерять не только систематизируя его по ситуациям и тематически, но и в диахронном плане при сравнении разных языковых периодов, а также в сравнительно-сопоставительном плане при анализе ее состояния в разных языках, как близкородственных по своему устройству, так и разнотипных.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1972.
Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004.

- Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта. М., 1990.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2001.
- Земская Е.А. Русская разговорная речь. М., 1973.
- Недялков В.П. Типология взаимных конструкций // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959.
- Радзиховская В.К. Альтернативность путей развития функционально-семантической категории взаимности, формирования речевого поля взаимности и мыслительного движения в поле взаимных отношений // Проблемы исторического познания. М., 2014.
- Радзиховская В.К. К аксиологии предмета взаимного интереса в поле взаимности // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2013. № 3.
- Радзиховская В.К. Об идейно-эстетической значимости функционально-семантической категории взаимности в художественном произведении // Язык и композиция художественного текста. М., 1983.
- Радзиховская В.К. Оценка как способ определения семантических полей // Семантика языковых единиц. М., 1996. Т. 1.
- Радзиховская В.К. Профессиональная специализация лексики в системе функционально-семантической категории взаимности: учитель – ученик (к тематической классификации семантического поля ФСК взаимности) // Преподаватель XXI век. 2010. № 3. Ч. 2.
- Толстой Л.Н. Круг чтения. [Электронный ресурс]. URL: http://dslov.ru/txt/344/t344_173.htm
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- Doroszewski W. Język, myślenie, działanie. Warszawa, 1982.
- Nagórko A., Łazinski M., Burkhardt H. Dystynktywny słownik synonimów. Kraków, 2004.
- Słownik wyrazów obcych. Warszawa, 1971.

МОДЕЛИ МИРА В ТЕКСТАХ О ВОЙНЕ: ТРАДИЦИЯ И КОНСТРУКЦИЯ

Н.И. Завгородняя

Ключевые слова: текст, миф, хронотоп, архетип, модель мира, модель цикла.

Keywords: documents, myth, chronotope, the archetype model of the world, the model of cycle.

Конструктивная и, наоборот, деструктивная тенденции в подходе к теме войны как предмет анализа литературы – не новость. Классикой «деструктивного психологизма» можно считать, например, роман Э.-М. Ремарка «На западном фронте без перемен», в котором идея «атомарного разрушения» мира и – как следствие – рас-

человечивания человека последовательно воплощается на уровне поэтики.

«Krieg ist die grösste Zerstörung und zugleich die grösste Erneuerung. Er zerstört, aber er schafft auch» («Война – это великое разрушение и вместе с тем – великое обновление. Она разрушает, и она же созидает»), – констатирует либеральный журналист Гельмут фон Герлах в декабре 1914 года: [Gerlach, 1914, s. 17] (цит. по: Verhey J. Der «Geist von 1914»). Пафос, выраженный в этих строках, подвергается горькой иронии уже в первых фразах романа Ремарка «На западном фронте без перемен». Писатель последовательно и категорично лишает «театр войны» обновляющего аспекта смысла. Разрушение становится лейтмотивным стержнем текста «На западном фронте без перемен».

Эффект разрушения реализован в тексте Ремарка практически на всех уровнях: от модели мира – до отдельных деталей облика персонажей. Так, герой с первых строк отслеживает поэтапное разрушение своей природы, ее «преодоление»: «мы научились преодолевать не только свою стыдливость, но и многое другое. Со временем мы привыкли еще и не к таким вещам» [Ремарк, 1986, с. 11].

Сначала вектор разрушения имеет вид «естественного» возвращения – от «личностного» к «животному», точнее, физиологическому: *«Для солдата желудок и пищеварение составляют особую сферу, которая ему ближе, чем всем остальным людям. Его словарный запас на три четверти заимствован из этой сферы...»* [Ремарк, 1986, с. 18].

Надежда на возвращение – одна из первых иллюзий, которая приносится в жертву «богу разрушения» войны. Впрочем, сам мотив жертвы вводится уже в эпиграфе к роману: *«о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой...»* [Ремарк, 1986, с. 15]. Читатель не может не заметить неумолимой логики нарастающих жертв, которых требует от героя ненасытный молох войны: герой романа Пауль должен пожертвовать своим именем, своей индивидуальностью, заплатив таким образом за еще один отрезок своей военной истории: «мы», «нас» постепенно вытесняют «я», персонажи превращаются в этакое «всеобщее тело», которому тоже не сохранить надолго своей целостности. Беспощадная арифметика вычеркивает из списка одноклассников фамилии, постепенно приближаясь к последнему имени. Потеря конечностей разными персонажами текста и потеря друзей юным Паулем на весах войны имеют практически один «вес». Точнее – не весят ничего. Слепым и безумным переходит за границу Смерти не только несчастный, пристреленный Бем, – разум, способность к самосознанию, память становятся на «тропе войны» обременительной но-

шей. От нее необходимо отказаться. Такова плата за жизнь. Вернее – временное существование каждого из «идущих».

Однако главный ущерб обнаруживает у Ремарка даже не «тело» (хотя рана Пауля тоже весьма содержательна в контексте темы разрушения, так как «кости никак не хотели срастаться»), а израненное сознание героя, вмещающее фрагменты разъятого мира, потрясающие любое человеческое сознание до глубины и – деформирующее его до основания. Так оно запечатлевает жест героя, бросающего гранату не просто в направлении противника, а – «в глаза» ему. Метафора взрыва сознания расширяет свои границы и становится символом. А с обломками сознания нечего делать в мире людей. Герой в него и не вернется.

Изредка проясняющийся взгляд героя открывает невыносимые для человеческого разума смыслы войны, но Пауль констатирует: *«мы любили родину не меньше, чем они, и ни разу не дрогнули, идя в атаку; но теперь мы кое-что поняли, мы словно вдруг прозрели. И мы увидели, что от их мира ничего не осталось»* [Ремарк, 1986, с. 27].

Сюжет текста устремлен к единственно возможному выходу из лабиринта военных (бессмысленных и бесчеловечных) действий, поскольку из разрушенного мира можно «выйти» только в Смерть. Предел «разрухи» в мире героя наступает к финалу произведения, где герой словно осуществляет свой последний выбор. Его внутренняя опустошенность сливается с великой Пустотой.

Мотиву тела и телесности в тексте Ремарка противопоставлен мотив металла, мотив солдата как «железного человека» войны: «Да, вот как рассуждают они, они, эти сто тысяч Канторекков! Железная молодежь! Молодежь! Каждому из нас не больше двадцати лет. Но разве мы молоды? Разве мы молодежь? Это было давно. Сейчас мы старики» [Ремарк, 1986, с. 28].

Символическое противостояние «металла» и «плоти» имеет предсказуемый исход: тело будет разрушено и – побеждено. Ведь персональному началу в этой дуэли противостоит стихийное: «Война нас смыла... подхватила и понесла, и мы не знаем, чем все это кончится. Пока что мы знаем только одно: мы огрубели, но как-то по-особенному, так что в нашем очерствении есть и тоска, хотя теперь мы даже и грустим-то не так уж часто» » [Ремарк, 1986, с. 29].

Горький «оптимизм» этой перспективы очень скоро разобьется о неумолимые жернова войны, попадая в которые тоска и грусть человеческой души перемальвается в прах и – рассеивается по воздуху. Дыхание вселенского Хаоса чувствуется в поистине апокалиптической картине боя, где гробы с их мертвецами оказываются захвачены вихрем взрывов, расчлняющих не только бедные тела «железных солдат»,

но и – саму плоть земную. Земля – последнее пристанище не только обезображенных тел героев, но и последнее, за что «цепляется» их расколотый разум – разрушена: «Земля!.. Смятение *обезумевших живых существ*, которых чуть было не разорвало на клочки, передавалось тебе, и мы чувствовали в наших руках твои ответные токи и вцеплялись еще крепче в тебя пальцами» [Ремарк, 1986, с. 41].

Пространство и время романа приобретает отчетливые инфернальные признаки: «*В окружающей нас тьме начинается какой-то шабаш. Все вокруг ходит ходуном. Огромные горбатые чудища, чернее, чем самая черная ночь, мчатся прямо на нас, проносятся над нашими головами. Пламя взрывов трепетно озаряет кладбище*» [Ремарк, 1986, с. 47]. Собственно, кладбищем становится для героя весь мир, и в мире живых ему уже нет места, поэтому так пронзительно искусственны его «передвижения» по родительскому дому. Хронотоп в тексте Ремарка одномерен: поле боя – плоскость, над которой производится чудовищная деформация; мир взрывается и извне, и изнутри. Так создается метафора глобального Хаоса, фиксируемая на уровне сознания героя и авторской позиции.

Принцип деструкции формирует образное и мотивное поле текстов. Описание умирающего товарища создает ассоциативный ряд, устремленный в символическое поле мифологемы Маски Смерти: «*Вид у него ужасный, он изжелта-бледен, на лице проступило выражение отчужденности, те линии, которые нам так хорошо знакомы, потому что мы видели их уже сотни раз. Это даже не линии, это скорее знаки...*» [Ремарк, 1986, с. 17]. Оказывается, безумные картины коррозии и разложения становятся единственной реальностью, единственной «правдой жизни»: «Я не могу смотреть на его руки, — они словно из воска. Под ногтями засела окопная грязь, у нее какой-то ядовитый иссиня-черный цвет...эти ногти не перестанут расти и после того, как Кеммерих умрет...» [Ремарк, 1986, с. 28].

Сознание героя порождает картины сюрреалистического толка весьма не случайно. Хаос разъедает границы психики, которая изо всех сил пытается удержаться от разрушения, однако абсурдистская антиэстетика торжествует: «*Я представляю себе эту картину: они свиваются штопором и все растут и растут, и вместе с ними растут волосы на гниющем черепе, как трава на тучной земле, совсем как трава... Неужели и вправду так бывает?*» [Ремарк, 1986, с. 176].

Мотив расчеловечивания человека воплощается как последовательное разрушение «несущих строительных конструкций» его существа – тела, разума – и основания – души, приводящее к обрушению всего «сооружения». Изломы, разрывы, эрозия, расщепление – словом,

все «этапы» разрушения проходит герой на сюжетном и концептуальном уровнях текста. Механика разрушения тотальна, и приговором миру звучит суждение героя о его потерянном поколении: *«Война сделала нас никчемными людьми... Первый же разорвавшийся снаряд попал в наше сердце. Мы отрезаны от разумной деятельности, от человеческих стремлений, от прогресса. Мы больше не верим в них. Мы верим в войну»* [Ремарк, 1986, с. 94]. Так, от локального разрушения отдельного человеческого существа, распада его сознания и уничтожения его тела, Ремарк переходит к воссозданию прогрессирующего разрушения и тотального слома – истории, языка, культуры. В кровавый хаос сознания героя, в его персональное небытие обрушиваются «все носители человеческой культуры от Платона до Гете, вместе взятые» [Ремарк, 1986, с. 18].

Финальным пассажем текста не случайно становится переход от «мы» и «я» к «он». Финал приобретает почти новеллистическую окраску, когда после двух заключительных фраз о физической смерти «Его» наступает Молчание. Кошмары фронта, провалившиеся в подсознание, и все, *«что камнем оседает в душах»*, запечатывается телом героя, уходящего в Смерть, как некая «ядерная упаковка» разрушительной силы, превратившая целое поколение сначала в Нечто, потом – в Ничто. Так, ключевая метафора текста Ремарка – метафора взрыва – создает символический подтекст невозвратности и «ситуацию принципиальной непредсказуемости».

Таким образом, становится более проясненной еще одна грань специфики пространства, времени, героя и авторской мысли о «потерянном поколении», реализованной через призму метафоры разрушения.

В русской литературе о войне любопытным видится, что даже в рамках соцреалистической художественной стратегии – ущербной в своей основе – эталонным произведением становится именно текст о войне – «Василий Теркин» А. Твардовского. Актуальность «военного дискурса» высвечивает тенденцию к следующей этапности возвращения к теме: послевоенная литература, литература 60-70-х годов, литература 90-х, и наконец – русская литература 2010-х годов. Очевидным становится тот факт, что каждые 20 лет, переосмысливая опыт поколения, русские писатели «возвращаются» к теме войны. И вектор переосмысления таков: от войны как факта – к войне как мифу.

Как мы помним, ядро «мифологического образа мира» – в идее вечного возвращения (модели цикла). А в человеке «война» связана с «пиковым переживанием», война «вытягивает» на поверхность ядро человеческого духа, его «настоящность». По-видимому, периодически человек XX века смертельно устает от «суррогатных» форм жизни и

испытывает потребность в «чистых формах» – манифестации духа. Примером «деструктивной логики» темы может служить блистательный текст «Мифогенная любовь каст» (2002 года) С. Ануфриева и П. Пепперштейна. «Конструктивная логика» мифа воплощена в романе алтайского писателя А. Коробейщикова «Светление» (2014 года). Однако общее видится в том, что обоих текстах война осознается точкой разрыва инерции человеческого существования, возвращением к осознанному бытию, к чувству причастности, общности со всем миром и людьми.

Образ войны в обоих произведениях современного постмодернизма – при безусловной силе закона деформации (на уровне художественности и структуры) – является центром модели мира, как ни парадоксально, поскольку, как мы помним, постмодернизм не ставит задачи отражения действительности, а создает собственную «вторую» реальность, в функционировании которой исключаются всякая линейность, где действуют некие симулякры, копии, у которых не может быть подлинника. Но главное – в постмодернистской интертекстуальности проступают свойства мифологического типа миромоделирования, поскольку именно в мифологии целостность бытия запечатлевается непосредственно в объекте изображения, элементы мифомоделирования «текста войны» и составляют предмет нашего интереса.

«Классический» текст постмодернизма 2000-ых – роман С. Ануфриева и П. Пепперштейна «Мифогенная любовь каст» – роман о Второй мировой войне, осмысление которой выводится за пределы реальной истории. Таким образом, с первых страниц текста «пространство факта» уступает место разветвляющемуся по ходу повествования мифологическому «дереву». Сюжетное повествование выстраивается на рассказе о парторге Владимире Дунаеве, который в самом начале войны контужен, затем оказывается в лесу и под галлюциногенным воздействием поедаемых там грибов «участвует» в войне. Война, явленная герою в бреду, представлена как схватка сказочных существ, различных фольклорных персонажей.

В романе «МЛК» реализовано отношение к Великой Отечественной войне человека 1990-ых годов: с одной стороны, воспринимающего ее как событие, относящееся к нему лично, с другой – как миф. Преодоление этой «двойственности» и происходит в романном повествовании – миф переживается лично. Это «личное включение» обеспечивает национальный архетип войны, укорененный в нашем сознании (миф о ВОВ, переживаемый поколением людей, родившихся после войны). Таким образом «новое сознание» приспосабливает к себе миф о войне. Такая попытка приблизить и пережить историю возвращает

«войну» из «мемориальных ценностей» в актуальные переживания автора и читателя. Хронотоп галлюциноза и сна становится для авторов новейшей литературы тем адекватным данной задаче метафорическим полем, которое (скажем, забегая вперед) имеет весьма плодотворный кинематографический потенциал. Так психоделическая эстетика и кинематографический ресурс создают то напряжение вокруг военной темы, которая удерживает читателя в границах авторской мифологии.

Внешне совершенно абсурдное повествование обнаруживает очевидную связь со сказочным жанром. Война предстает как столкновение нечеловеческих сил. С русской стороны – фольклорных персонажей (Колобок, Избушка, Гуси-лебеди, скатерть-самобранка), с немецкой – героев литературных сказок (Карлсон, Элли, Алиса, Винни Пух, Мэри Попинс). Конечно, героические представления о войне в местах откровенно ерническом повествовании «МЛК» выворачиваются наизнанку, однако в результате все эти осколки мифов конструируются в некий игровой пазл. Сказочные мотивы пути героя в иной мир, темных сил, препятствующих ему на этом пути, с избытком представлены в ткани повествования:

«Не ошиблись и те, кто считал правильным смеяться в темноте и в тех местах, которые мы по привычке считаем «веселыми кварталами», изыскивать тайные пути, извилистые тропы в иной мир. Возможно, эти искусники не нуждались в иных мирах, а только в моментах перехода, в темных и стремительных промежутках (к слову, аллюзия на К. Кастанеду. - Н.З.). Дунаев был слеплен из другого теста. Он был рабочим и коммунистом. В прошлом он был также солдатом и готов был снова стать им. Если и его жизнь была всего только повествованием, то это повествование разворачивалось не перед призраками, а перед реальными людьми... Да, он был «настоящим человеком», из той породы, что описана в знаменитой книге Бориса Полевого. У «настоящего человека» были искалечены ноги, но он полз к цели (НАРОД ГОВОРIT, ЧТО И СЕЙЧАС ПОЛЗЕТ – сохраняя даже среди летнего дня не растаявший лед на голове, разбухший от трупного яда и смертельно опасный для детей, собирающих грибы). У Дунаева была повреждена голова, но он брел куда-то, но он брел куда-то навстречу судьбе, полный решимости бороться до конца. И тем не менее он ощущал ужас и пустоту. Повествование его жизни потеряло своих слушателей, оно превращалось на глазах в лепет и бред, оно погружалось в бессодержательную тьму... Ему было невдомек, что когда повествование МЕНЯЕТ СВОЙ ЖАНР, оно привлекает ночь, тьму, лес и болота, и пространные отступления, и отступающее пространство,

и отступающие армии, и дрожь рук, и зыбь на поверхности воды, и пот на лбу, и слезы на глазах...» [Ануфриев, Пепперштейн, 2000, с. 44].

В результате герой осуществляет свою главную миссию – выходит за пределы Игры. Другими словами – завершает войну. Финалом этой войны становится не победа, а «слияние каст». Высшей точкой этого процесса становится венчание Дунаева с «Синей» (Мери Поппинс), хозяйкой большой карусели, по ярусам которой герой и поднимается. Мифологическим аналогом этой карусели предстает в романе образ Дуба, где хранится кощеева игла. И Дунаев последовательно проходит через «икс-миры», которые находятся один в другом: мир медведя, волка, лисы, селезня, утки. Эти миры – «разновидности силы, отлитые в простые формы», которые Дунаев воспринимает как абстракции. Однако важно, что для читателя в романе «оживают» застывшие мифологемы, которые перестают восприниматься как стертые штампы, а роман в целом оказывается одной из игр современной литературы с темой Великой Отечественной войны, из которой (при условии, если мы «осилим» игру по «постмодернистским правилам») мы можем выйти с ощущением приобщенности к великой мистерии театра «военных действий». Неслучайно Е. Ваншенкина, исследующая тексты «медицинских герменевтов», к которым относятся Пепперштейн и Ануфриев, отмечала, что ключом к высшему знанию становится для них культ Неизвестного солдата. Путь по дорогам войны для современных авторов – в нашем случае П. Пепперштейна и А. Коробейщикова – как ни парадоксально, ведет к полноте переживания счастья:

«Дунаев почему-то воспринял то место, куда его занесли прератности «параллельной войны», как зону полного, непререкаемого счастья. Показалось ему, что до сих пор он называл «счастьем» что-то другое, что им собственно не являлось или являлось в какой-то степени. Теперь же счастье предстало перед ним совершенным, никак иначе не обозначенным: в нем не было ничего ни от уюта, ни от восторга, ни от эйфории, ни от комфорта или иных приятных переживаний – место это было обозначено только и именно как «счастье», и ничто другое. Происхождение слова «счастье» как некоего варианта «причастности» при этом не имело никакого значения. «Счастье» на поверку оказалось чем-то вроде маленького садика или сквера, затерянного между глухих стен, провалов и коридоров» [Ануфриев, Пепперштейн, 2000, с. 26].

Так, роман «Мифогенная любовь каст» проявляет мифологическую ритуальную составляющую, отсылает к некоей тайне, сокрытой от непосвященных слоев преданий, перенося читательское сознание на поля

военных батальонов, которые не были зарегистрированы официальной военной хроникой, но в которых главное столкновение осуществлялось между представителями иррациональных сил.

Великая Отечественная война (равно как и Первая мировая) осмысливается в рамках мифологического сознания и в романах А. Коробейщикова. Так в книге «Светление» тема войны представлена автором как «Сказка о самой большой Любви, которую только можно встретить в этом мире». Одно из трех посвящений – весьма актуально с точки зрения циклической модели: «1914-2014. Посвящается всем ветеранам и жертвам Мировых войн». Пространство литературного мифа формируется автором уже в предисловии: «*Это не просто художественный роман или сказка для взрослых... Это Послание – голос из глубины времен, который важно услышать в настоящем, чтобы выбрать себе правильное будущее. Именно о такой философии Сказительства рассказывал мне один сибирский шаман... Настоящие Сказки не рождаются в уме, их приносят Духи. Именно поэтому они наполнены особой Силой, именно поэтому они способны изменять реальность...*» [Коробейщиков, 2014, с. 13].

В данной «логике мифа» реализован структурно-композиционный компонент военной темы в тексте А.Коробейщикова: от «исторического» – к футурологическому образу мира. Чтобы убедиться в важности данного подхода для авторской концепции войны, достаточно внимательно прочитать лист «Содержание»:

Пролог. НА БЕРЕГУ РЕКИ

СТРЕКОЗА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тени прошлого. ПРЕДКИ

Часть 1. «РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ»

Часть 2. «ТЕНИ ЧУЖАКОВ»

Лики настоящего. СОВРЕМЕННОСТИ

Часть 3. «ПЕРЕКРЕСТОК ВРЕМЕНИ»

Варианты будущего. ПОТОМКИ

Часть 4. ТЕМНЫЙ МИР

Часть 5. СВЕТЛЫЙ МИР».

Сам автор о структуре теста и его «генеральной идее» считает важным сказать отдельно:

«Это Послание, голос из глубины времен, который важно услышать в настоящем, чтобы выбрать себе правильное будущее». Так вот в чем смысл мистерии... Крылья стрекозы работают попарно, значит, это тоже часть замысла. Два крыла слева, в прошлом, два справа – в будущем. Получается – пять частей! Пять пальцев, по ко-

торым прошлась стрекоза, подтверждая мою догадку. Значит, роман будет состоять из пяти частей, сотканных из прошлого, настоящего и будущего, и связанных между собой идеальной балансировкой, способной перемещать на значительные расстояния, сквозь время и пространство. Часть 1. Часть 2. Часть 3. Часть 4. Часть 5. Я кладу ручку на лист бумаги и откидываюсь назад, чувствуя, как сильно бьется сердце от предчувствия новой Силы, нового Знания. Ну что же, я увидел присутствие Духа, принял его Послание, теперь дело за мной. Немножко страшиновато, но это обычное дело в преддверье нового романа. Однако этот роман будет особенным! Я чувствую это, потому что знаю, о чем пойдет речь. Я опять беру в руки ручку... Я готов! Я расскажу вам что-то особенное! Что-то очень-очень важное для нас сейчас! Изначально я планировал написать большой роман, но потом понял, что его настроение должно напоминать легкую стрекозу. Это повествование не должно быть громоздким, потому что времени остается только на самое важное! Поэтому я буду стараться пересказывать лишь самую суть. Стрекоза мгновенно появляется и мгновенно исчезает. Такой будет и эта книга. Ее главную идею нужно будет выслеживать, стараясь не спугнуть, подобно стрекозе, перелетающей с одной травинки на другую. Итак... Новая Сказка начинается... ПРОШЛОЕ БУДУЩЕЕ НАСТОЯЩЕЕ ПРЕДКИ ПОТОМКИ» [Коробейщиков, 2014, с. 7].

«Светлый финал» текста завершает сюжет встречи предков и потомков в видении героя:

«Я присматриваюсь и понимаю, что возле этого странного человека еще стоят силуэты, наверное, те самые, которые я ощущал вчера днем. Их много. Они стоят за ним, словно духи столетий. Слово строй. И еще один мальчик. Как я раньше его не заметил. Он стоит рядом с мужчиной и держит его за руку. Они появляются и появляются, словно возникая прямо из воздуха. Огромное поле за их спинами. Тимур рассказывал, что поле было особым символом у Рода, противостоящего «чужакам». Оно символизировало Свободу. А теперь я все окончательно понял. Оно еще и служило пристанищем бессмертным героям всех времен, познавшим ужас войны. Чудесный мир, между мирами, наполненный покоем, жизнью и тишиной. Эфемерное убежище для духов. Но для тех, кто может говорить сердцами, они становятся собеседниками. Они приходят, чтобы быть рядом. Во все времена. Солдат кивает мне с улыбкой и тихо произносит хриплым голосом, словно преодолевая боль в горле: - Ну, вот я и увидел тебя, мой таинственный Ангел, мой невидимый Хранитель...» [Коробейщиков, 2014, с. 23].

Возвращение к теме войны становится для автора концептуально-, жанрово- и структурообразующей доминантой, образ стрекозы воплощает в персональной художественной мифологии автора метафору «живой памяти»: *«Структура романа – тело стрекозы, увенчанное головой с глазами, способными видеть гораздо больше, чем обычный человеческий глаз. Это возможность ведуна, шамана. Справа и слева по паре крыльев – слева и справа, прошлое и будущее. Значит, тело стрекозы – это настоящее, которое задает вектор полета. Куда полетит стрекоза, зависит от того, какой из миров она выберет»* [Коробейщиков, 2014, с. 233].

Так, в пространстве литературного мифа классические концепты «война» и «мир», преодолевая исходную антитетичность, создают единую зону «возводительного» архетипа.

Литература

- Ануфриев С., Пепперштейн П. Мифогенная любовь каст. М., 2000.
Коробейщиков А. Светление. Барнаул, 2014.
Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
Поршнева А.С. К вопросу о специфике художественного времени в романах Э.М. Ремарка // Слово-текст-смысл. Екатеринбург, 2005. Вып. 1.
Ремарк Э. На западном фронте без перемен. Барнаул, 1986.
Gerlach H. von. Das Jahr des Umsturzes // Die Welt am Montag. 1914. № 52. August 28.

ДВИЖЕНИЕ И ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА В ИТАЛЬЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

А.Б. Чернышев

Ключевые слова: движение, энантиосемия, предлог, языковая картина мира.

Keywords: motion, enantiosemy, preposition, language view of the world.

Общеизвестно, что движение является предметом многостороннего исследования. Оно становится предметом внимания и философии, и физики, и техники, и психологии. Лингвистический интерес к движению, касающийся, в частности, настоящей работы, заключается в нескольких аспектах. Во-первых, движение существует в триаде вместе с такими его формами, как пространство и

время, что обеспечивает безусловную ценность для системной типологии языков в связи с выявлением факторов стадийных перестроек среды обитания. В то же время, как замечают Е.А. Красина и Н.В. Перфильева, движение – основной атрибут материи-субстанции – связано с ее объективным и субъективным, идеальным существованием [Красина, 2015, с. 36]. Во-вторых, особенности психологического восприятия пространства и времени как форм существования движения обуславливают, помимо добытых научных знаний, наивные представления, находящие свое отражение в определенном видении мира и результатах творческой деятельности человека. Наконец, язык как один из продуктов творчества отражает модели восприятия движения в семантике и структурных особенностях функционирования своих единиц, складывающихся в языковые типы. В настоящей работе мы коснемся вопроса семантики итальянских предлогов движения – *a* и *da*.

Современные подходы, направленные на изучение семантики предлога, были связаны с когнитивно-семантическим методом анализа языка, в частности, с теоретическим осмыслением грамматики описания пространства, что предполагает выделение таких понятий, как фигура (локализуемый объект) и фон (релятум). Е.С. Кубрякова полагает, что если даже первоначально объект (вещь, тело, лицо) вычленяется из «всего остального», постепенно и это остальное должно принимать при его восприятии более определенную форму. Иначе говоря, если предметы осознаются и осмысливаются человеком как определенные части среды или пространства, некие представления должны складываться и для осознания того, что непосредственно окружает человека (фона) и что можно было бы также назвать хронотопом (то есть не только пространством в физическом смысле) [Кубрякова, 2004, с. 254].

«Объекты» вступают в пространственные отношения, описываемые предлогами, с «местами», которые также могут выражаться предметным именем, например, «полка» в выражении *книга на полке*. Большинство пространственных отношений несимметрично: «помещаемый» объект, или фигура, обычно кодируется грамматическим субъектом, а «место», или фон, – грамматическим объектом предлога. Характерные свойства «фигуры» – это мобильность / способность становиться мобильным во времени и пространстве, наличие пространственных или временных границ, меньшие в сравнении с фоном размеры. «Фон» же, напротив, неподвижен, громоздок, часто мыслится как не имеющий границ.

Отдельно исследуются ограничения, накладываемые предлогом на такую разновидность «фона», как «области», у которых релевантными оказываются, в первую очередь, степень близости между фигурой и референциальным объектом, а также направление исходящих из центра референциального объекта трех основных осей. При этом области пространства вокруг таких направлений «доступны» различным предлогам [Talmy, 1978]. Предлоги, по словам И.М. Кобозевой, идеализируют пространственные характеристики объектов и схематизируют отношения между ними, абстрагируясь как от специфической формы и величины объектов, так и от расстояния между ними [Кобозева, 2000, с. 155].

Так как значения предлогов «именуют координацию вещей и событий, показывают их место во времени и в пространстве, соотносят выделенные ориентиры с их обобщенными представлениями в голове человека и т.п.» [Кубрякова, 1978, с. 11], то огромная познавательная роль принадлежит наблюдателю. Он в процессе номинации отношений между предметами опирается на определенный визуальный образ, в полном соответствии с антропоцентрическими стереотипами и наивной картиной мира. При этом отмечается тот факт, что на основе онтологии мира в этой «картинке» или образе могут быть представлены любые признаки, важные и выделенные с точки зрения наблюдателя. Это позволяет сделать предположение о том, что в основе семантики предлогов лежит сложная сеть предметных отношений, что связано с необходимостью изучения такого явления как полисемия, или многозначность. В отношении итальянских предлогов движения проблема многозначности осложняется вопросом энантиосемии, выявляющей случаи группировки в семантическом составе слова противоположных значений.

Статус данного языкового явления, впервые описанного В.И. Шерцлем [Шерцль, 1977, с. 242], до сих пор не однозначен в лингвистической теории. Одни исследователи считают энантиосемию внутрисловной антонимией, формальным выражением которой служат различия в синтаксической или лексической сочетаемости слова в его полярных значениях. (Л.А. Новиков, Р.А. Будагов, А.К. Ганькин, К.И. Гельблу, Т.Г. Пономаренко, О.М. Соколов, Е.П. Ходакова). Другие считают энантиосемию разновидностью омонимии (Н.М. Шанский, В.В. Виноградов, Е.В. Терентьева) или особым явлением полисемии (Ф.С. Бациевич, Л.Е. Бессонова, Т.А. Космеда, Н.К. Салихова, О.И. Смирнова). Л.А. Новиков определял энантиосемию как особую, при этом непродуктивную разновидность антонимии, когда образуются слова с противоположными

значениями, например: *одолжить* – 1) «дать в долг» и 2) «взять в долг»; *наверно* – 1) «может быть» и 2) «несомненно, точно» [Новиков, 1973, с. 643].

Более поздние суждения об энантиосемии подчеркивают, что это явление «свидетельствует о более высоком уровне использования языка и обуславливает более сложный характер семиотической организации языка как коммуникативной системы. Приобретаемые в результате этого свойства языковой системы соответствуют закону усложнения семиотических структур, которое происходит по мере развития культуры» [Литвинова, 2012, с. 149].

Разумеется, пересмотр этих представлений в рамках когнитивной парадигмы и концептуального подхода к изучению языка неизбежен. Об этом свидетельствует, например, заключение А.Д. Шмелева, утверждавшего, что энантиосемию неправильно считать редким и непродуктивным явлением: она представляет собою не курьез, который можно иллюстрировать несколькими изолированными примерами, не образующими никакой системы, а регулярное явление, основанное на некоторых общих принципах познавательной способности человека и человеческого общения [Шмелев, 2009, с. 201].

Как пишет Е.А. Литвинова, «языковые единицы отражают не какую-то объективную действительность, а конкретное субъективное восприятие ее «человеком говорящим». Каждый раз, принимая осмысленное участие в дискурсе, человек, воспроизводя некие когнитивные модели, использует конкретную концептуализацию концепта – то, что мы называем «значением». Это употребление может совпадать с узуально закрепленным, но мы можем, совершив когнитивное усилие в речевом акте, воссоздать конвенцию с новым лексическим или грамматическим наполнением. Так мы становимся не просто «носителями» языка, но его творцами. Так каждый «носитель» языка в ответе за свой язык. При подобной концептуализации может актуализироваться энантиосемичный механизм и возникнуть любая оппозиция. Тогда словарно закрепленное значение лексемы для участников конкретного речевого акта становится неактуальным. Вот почему энантиосемия представляется явлением закономерным и не противоречащим принципам устройства языка как знаковой системы. Она является результатом асимметричного дуализма языкового знака и обусловлена диспропорцией между «ограниченными ресурсами» языка и «беспредельной конкретностью опыта» [Литвинова, 2012, с. 155].

Что касается временных и пространственных значений итальянского предлога *a*, то общую характерную для них конфигурацию представляется возможным обозначить как ‘неопределенный радиус’. Под охватываемым неопределенным радиусом понимается тот участок, габариты которого не могут быть восприняты при непосредственном наблюдении за ним. Неопределенный радиус подчеркивает как дефектность охвата взора, так и возможность его досягаемости, и этот тип употребления предлога *a* отличает его, с одной стороны, от функционирования предлога *à* во французском языке, когда конкретизация расположения не является существенным фактором, с другой стороны, от английского предлога *to*, исключающего локальность как таковую из числа своих возможных значений. Примеры:

(1) <...> *non tornò più, ucciso da una pernicioso, in tre giorni, a trentotto anni* [Pirandello, 1993, p. 43].

(2) *Il signor conte si levò per tempo, alle ore otto e mezzo precise...* [Pirandello, 1993, p. 40].

(3) <...> *che al presente ha in custodia I libri della Boccamazza* <...> [Pirandello, 1993, p. 39].

В приведенных выше примерах для совершения события характерно указание на время. Это время может подразумевать возраст человека, то есть что действие совершилось в возрасте тридцати восьми лет (1), конкретный час и минуту – ровно в половину девятого (2) или просто в данный момент (3). Временной интервал во всех этих предложениях подлежит психологическому ориентиру с точки зрения совершения действия, что и подтверждается употреблением предлога *a*. В случае, когда интервал менее определен, употребляется предлог *in* в различных его формах – *nel, nella* и т.д., обусловленных законами синкретизма итальянского языка, например:

(4) <...> *biografia edita a Mantova nel 1625* [Pirandello, 1993, p. 39].

Период времени события, растянутый на целый год, подчеркивается употреблением предлога *in (nel)*. 1625 год представляет собой рамку, лишь констатируя, что событие произошло не раньше, не позднее указанного срока.

«Неопределенный радиус» как конфигурация свойственен и для пространственных семем предлога *a* с противопоставлением предлогу *in* как предлогу, обозначающему замкнутую сферу действия. Пример:

(5) *Vogliono che se la fosse procacciata giocando a carte, a Marsiglia, col capitano d'un vapore mercantile inglese <...>* [Pirandello, 1993, p. 43].

Представляется, что Марсель как место совершения действия не является замкнутым пространством. Границы города не забор и не стена, а лишь условные топографические отметки, в связи с чем употребляется предлог *a*.

(6) *<...> che si trovava lì presente a quelle discussion, e al quale la zitellona scaraventava le lodi più sperticate* [Pirandello, 1993, p. 43–46].

Беседа как абстрактное существительное, как место, выраженное через процесс совершения действия, также не имеет ни границ, ни конкретной формы, чем и обусловлен выбор предлога *a*.

Для предлога-коррелянта *in* свойственно употребление с существительными, имеющими достаточно конкретную топографическую форму, определяющую возможность его охвата взглядом. Это может быть либо просто коробка, либо здание, например:

(7) *Fui, per circa due anni, non so se più cacciatore di topic he guardiano di libri nella biblioteca <...>* [Pirandello, 1993, p. 37].

(8) *<...> ha pescato negli scaffali della biblioteca* [Pirandello 1993, p. 39].

И библиотека (7), и шкаф (8) являются замкнутым пространством и ассоциируются с классическим концептом 'контейнер', используемым при когнитивном описании грамматики пространства.

Таким образом, пространственно-временная конфигурация, обозначаемая как 'неопределенный радиус', обуславливает особое восприятие предметных отношений при отсутствии контакта с конечным объектом.

Корреляционной по отношению к предлогу *a* единицей выступает предлог *da*, обладающий редким свойством энантиосемии, определяемой как сочетание противоположных смыслов в семантике языковой единицы в процессе познавательной деятельности человека.

Как известно, наиболее распространенным значением предлога *da* является движение **из (от)** какого-либо места. Пример:

(9) *Uno uscì dalla casa del giudice tutto bianco, scorato, umiliato* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 64].

Нейтрализация значения удаления у предлога *da*, по мнению Е. Поппе, возникает при существительных, обозначающих стороны предмета (цит. по: [Алисова, 1971, с. 73]). Пример:

(10) *«Da quella parte!» un urlo reso piu cortese da un singhiozzo* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 35].

При этом, как считает Т.Б. Алисова, сочетание *da* со словом *parte* часто обозначает место, расположенное поблизости от какого-либо известного строения или дома одного из участников беседы [Алисова, с. 74]. Пример:

(11) *Il Maier si avvio di corsa dalla parte da cui era venuto ma la signora sempre in ginocchio urlò* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 35].

Как представляется, с данным значением связано значение приблизительного места пребывания (жительства) или, по терминологии Т.Б. Алисовой, значение «неточности места» [Алисова 1971, с. 74]. Ср.:

(12) *Stanno, abitano da Porta Romana, da S. Maria Novella* (цит. по: [Алисова, 1971, с. 74]).

(13) *Questo egli aspettava dal destino* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 28].

(14) *Loro si vedevano ogni giorno per un quarto d'oro in Borsa* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 27].

В (12) сочетания *Porta Romana* и *Maria Novella* являются местами-ориентирами, местами приблизительного нахождения. В (13) будущее, судьба ('destino'), понимаемая как нечто неопределенное, неизвестное, также употребляется с предлогом «приблизительности» *da* в его временном значении. В (14) *Borsa*, наоборот, воспринимается как определенное место пребывания, чем обусловлен выбор предлога *in*.

Являясь позиционным вариантом предлогов местопребывания, предлог *da* выступает и в качестве позиционного варианта предлогов движения по отношению к локализатору, представляющему собой либо помещение, принадлежащее какому-либо лицу, либо само лицо. Пример:

(15) *Il signor Maier si reco dal signor Reveni non ben deciso ancora se domandargli conforto o aiuto* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 27].

При обозначении же движения к неодушевленному предмету, как уже отмечалось, употребляется предлог *a*.

В качестве значения времени характерно употребление предлога *da* как точки отсчета, например:

(16) *Passa intanto un anno dalle nozze <...>* [Pirandello, 1993, p. 54].

Как показывает анализ материала, предлог *da* представляет собой один из случаев реализации явления энантиосемии, то есть он способен выражать два противоположных значения, а именно: 'движение от (из) объекта' и 'движение к одушевленному предмету, лицу', как демонстрируют примеры (9) и (15). Подобная особенность семантики данного предлога, по мнению Т.Б. Алисовой, явля-

ется результатом полного его переосмысления в связи с условиями построения модели предикатов локализации [Алисова, 1971, с. 74]. Таким образом, очевидно, что общее значение, выражаемое предлогом *da* в примерах (11 – 15), – это движение или местонахождение предмета по отношению к другому предмету при отсутствии контакта с ним.

В следующих примерах наблюдается использование *da* как предлога, выражающего отношения, соответствующие отношениям родительного и творительного падежей в русском языке:

(17) *Il Chiarchiaro s' era combinata una faccia da jettatore, ch' era una meraviglia a vedere* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 16].

(18) *Se il destino voleva favorirlo certo sarebbe stato il Reveni non invitato da lui che gli avrebbe proposto il soccorso* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 28].

Каким же образом в систему значений одного предлога могли попасть столь противоположные по сущности виды движений? Ответ на этот вопрос, вероятно, следует искать в специфике итальянского (римского) мировосприятия этапа мифологического сознания. Как отмечает в своем исследовании Ю.Б. Циркин, в центре всего римского сознания стоял сам Рим. Римляне были абсолютно уверены не только в его вечности, но и в его праве править миром. Все остальное было второстепенно [Циркин, 2000, с. 18, 20]. В этом отношении оказывается объяснимой итальянская языковая картина мира. Особенность восприятия ориентира в итальянском языке проявляется, очевидно, в том, что он оказывался обращенным к лицу субъекта независимо от направления движения. Следовательно, любое движение воспринималось как одностороннее, целенаправленное. Оно представлялось, по-видимому, как происходящее «сзади», из-за спины, проходящее где-то рядом с человеком и далее «вперед» – в бесконечность (ср.: [Яковлева, 1994, с. 75]).

В современном итальянском языке для выражения значения ‘движение *от (из)*’, а также значения отношений, передаваемых родительным падежом, имеет место тенденция использование предлога *di*. Ср.:

(19) *Si rinchuse in un albergo, non uscì di casa per due mesi* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 64] (ср. с (9)).

(20) *La accusate come diffamatori due giovani perche vi credono jettatore, e ora qua voi stesso vi presentate innanzi a me in veste di jettatore e pretendente anzi ch' io creda alla vostra jettatura* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 17] (ср. с (17)).

При этом характерно использование предлога *da* в генитивных конструкциях для выражения принадлежности и признаковости, входящих в семантический параметр «глубинного» датива-экспериенцера. Ср.:

(21) *Nella mia stanza da letto leggevo il giornale da capo a fondo compresi gli avvisi* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 37].

(22) *Passava quasi tutte le notti alla finestra a spazzolarsi una mano a quei duri gremiti suoi capelli da negro, con gli occhi alle stelle, placide e chiare...* [Il treno ha fischiato, 1988, с. 13].

Таким образом, современные значения итальянского предлога *da*, его энантиосемия объясняются особенностями мировосприятия, мифологического мышления и культуры, свойственными древним римлянам. Совокупность значений данного предлога, в первую очередь, связана с интравертной перспективой восприятия предметов, с тем, что предлогу *da* изначально было присуще экспериенциальное значение.

Итак, анализ языкового материала показывает, что выражение пространственно-временных значений и значений движения с помощью предлогов достаточно специфично. Предлог может выражать не только прямое и переносное значение, но и прямо противоположное. Такая особенность объясняется сложными ментальными процессами ориентирования человека в пространстве, восприятием пространства и движения, что создает некоторую уникальность национальных языковых картин мира.

Литература

Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: семантическая и грамматическая структура простого предложения. М., 1971.

Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.

Красина Е.А., Перфильева Н.В. Основы филологии: лингвистические парадигмы. М., 2015.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. М., 2004.

Литвинова Е.А. К вопросу о продуктивности энантиосемии (на материале русского и английского языков) // *Lingua Mobilis*. 2012. № 2 (35).

Новиков Л.А. Избранные труды. М., 2001. Т. I.

Циркин Ю.Б. Мифы Древнего Рима. М., 2000.

Шерцль В.И. О словах с противоположными значениями. М., 1977.

Шмелев А.Д. «Незначашее» и «невьяраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Il treno ha fischiato – Итальянская новелла XX века. М., 1988.

Pirandello L. Il fu Mattia Pascal. Roma, 1993.

Talmy L. Figure and ground in complex sentences. Stanford, 1978. Vol. 4.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ, ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

А.В. Кремнева

Ключевые слова: интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиальность, взаимодействие, семиотическая система, когнитивно-семиотический подход.

Keywords: intertextuality, interdiscursivity, intermediality, interaction, semiotic system, cognitive-semiotic approach.

В современной науке прочно закрепилось понимание текста как открытой структуры, вступающей во взаимодействие с другими структурами, в результате чего происходят различные виды межтекстового взаимодействия. Как отмечает А.А. Чувакин, «отношения между текстами, устанавливающиеся в процессе функционирования текста, включают отношения парадигматические и синтагматические; интертекстуальные и гипертекстуальные; деривационные» [Теория текста, 2003, с. 154].

Наиболее полно изучена интертекстуальность, которая, по мнению многих исследователей, существует в литературе со времени ее появления и осуществляется в самых различных формах. Так, американские исследователи М. Уортон и Дж. Стил отмечают, что отдельные элементы интертекстуальности присутствовали уже в трудах великих мыслителей прошлого, таких, как «Диалоги» Платона и «Поэтика» Аристотеля [Still, Worton, 1990, p. 2–3]. Отечественные исследователи также отмечают, что уже в текстах берестяных грамот присутствуют элементы интертекстуальности. Так, в одной из грамот девушка цитирует послание Владимира Мономаха.

Однако в самостоятельную теорию интертекстуальность оформилась только к концу 60-х годов прошлого века. Литература должна была накопить значительный опыт межтекстового взаимодействия, чтобы создать достаточную эмпирическую базу для его теоретического

осмысления. Именно XX век, как отмечает Н. Пьеге-Гро, не только разработал теорию интертекстуальности, но и систематизировал сами интертекстовые практики [Пьеге-Гро, 2008, с. 49]. Термин «интертекстуальность», введенный в лингвистический обиход почти полвека тому назад Ю. Кристевой, появлением которого она, по ее собственному признанию, обязана идеям М.М. Бахтина о диалогизме гуманитарного мышления [Кристева, 1993, с. 8], прочно закрепился в современном метаязыке гуманитарных наук, а теория интертекстуальности представляет собой широкое поле исследований, которыми занимаются лингвисты и литературоведы, культурологи и искусствоведы. Наличие интертекстуальных фрагментов в художественном тексте нередко расценивается сегодня как один из критериев качества современной прозы. Как говорит Ю.М. Поляков устами своего персонажа, «нынешних критиков интересует не то, что писатель написал, а то, что он прочитал» [Поляков, 2008, с. 41].

Рассматривая интертекстуальность в контексте общих проблем семиологии, Р. Барт и Ю. Кристева предложили предельно широкое понимание как текста, так и интертекстуальности. По словам Р. Барта, «каждый текст является интертекстом. Другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [Барт, 1989, с. 418]. Широкое понимание текста присутствует и в трудах Ю.М. Лотмана, который считал, что культура в целом может рассматриваться как текст, но при этом – это сложно устроенный текст «распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующих сложные переплетения текстов» [Лотман, 1981, с. 18]. Таким образом, в широком семиотическом смысле интертекстуальность предстает как средство манифестации памяти культуры в тексте. И.П. Смирнов также считает, что интертекстуальность в таком ее понимании – это «слагаемое широкого родового понятия, так сказать, интер<...>альности, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Смирнов, 1995, с. 11].

Понимание всей культуры как Текста нашло свое отражение в том, что понятия, первоначально введенные при описании словесных произведений искусства, были экстраполированы в области изучения других форм искусства, что нашло свое отражение как в тематике исследований (см., например: [Тиба, 2003]), так и в текстовых практиках.

Многие термины теории интертекстуальности используются сегодня при описании произведений других сфер культуры: музыки, живописи и даже моды. Например: *«Говорят, что эта леди (Гага- Рн) поживилась креативом нашей Агузаровой, иной раз очень похоже пародируя ее наряды и прически. Но грань между плагиатом и цитированием так тонка, когда речь идет о визуальном»* [Филатова, 2015, с. 47].

Характерной особенностью современной культуры является тенденция к взаимодействию, гибридизации ее различных форм: в театре используются приемы кинематографа и телевидения, в кино совмещаются элементы документального и игрового жанров, в литературных текстах присутствуют фрагменты публицистических, поэтических, научных и религиозных текстов, в научных текстах широко используются метафоры, традиционно считавшиеся литературным художественным приемом. Именно новые текстовые практики, взаимодействие и взаимопроникновение не только текстов, но и различных жанров и дискурсов, а также разных семиотических кодов способствовали появлению и развитию таких направлений, как интердискурсивность и интермедиальность. Изучению этих направлений посвящено значительное число исследований, в которых они рассматриваются как в филологическом, так и в философском и искусствоведческом аспектах (см., например: [Каркавина, 2011; Олизько, 2009; Тимашков 2012; Тишунина, 2001] и др.). При этом одни исследователи рассматривают их в рамках общей теории интертекстуальности [Смирнов, 1995, с. 11], другие – пытаются их разграничить, относя интертекстуальность к категориям текста, а интердискурсивность – к когнитивным категориям [Чернявская, 2009, с. 212].

Целью статьи является выявление элементов общности и различий между этими феноменами. В качестве теоретических оснований для анализа мы опираемся на когнитивно-семиотический подход к пониманию сущности интертекстуальности, которая понимается нами как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры, основанная на принципе диалогизма и представляющая собой особый, неконвенциональный способ порождения и интерпретации смысла текста путем эксплицитной или имплицитной отсылки к другому тексту, хранящемуся в тезаурусе (памяти) автора и реципиента и служащему источником порождения и выявления нового смысла [Кремнева, 2015]. Таким образом, рассматриваемая в таком ракурсе интертекстуальность может быть охарактеризована как особый способ кодирования смысла, спецификой которого является двойная референция используемого кода, его одновременная отнесенность к исходному (прецедентному) и порождаемому тексту.

Анализ текстовых практик показывает, что интертекстуальность может служить маркером как определенного направления в литературе, прежде всего, постмодернизма, так и идиостиля автора.

Обращение исследователей к проблеме дискурса было продиктовано стремлением лингвистики «ввести речь в язык», то есть получить новые знания о языке за счет изучения процессов его функционирования в речи в самых различных сферах человеческой деятельности. За время своего интенсивного развития теория дискурса, изначально интегративная в своей основе (поскольку она развивалась в контексте новой, антропоцентрической парадигмы, предполагающей активное сотрудничество лингвистики со всеми науками, объектом которых является человек), значительно расширила область своих интересов, что привело к более широкому пониманию самого термина «дискурс», который первоначально употреблялся в своем исходном значении «речь», или «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Подобно тому, как текст на определенном этапе развития теории превратился в Текст, дискурс сегодня в значительной мере воспринимается как Дискурс, о чем свидетельствует как количество, так и широта тематики исследований, посвященных дискурсу. Так, анализ тематики докладов, представленных на конференции «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы», проходившей в МГЛУ в 2014 году, позволяет выделить широкий диапазон значений данного термина. Дискурс понимается сегодня и как процесс коммуникации в различных сферах деятельности (политический, религиозный, юридический, экономический и т.д.), осуществляемой в различных формах (устно-речевой, письменный дискурс, Интернет-дискурс, сетевой дискурс и т.д.), и как функционально-стилевая и жанровая разновидность речи и текстов (конверсационный, научный, художественный, поэтический, сказочный, драматический дискурс и т.д.), и как прагматически-ориентированная речевая деятельность (манипулятивный, критический, аргументативный, толерантный дискурс), и как национально-, социально- и гендерно-маркированный вид коммуникации (русскоязычный, иммигрантский, феминистский дискурс). Такое разнообразие в употреблении термина, отражающее множественность форм, видов и культурно- и социально-обусловленных конвенций человеческого общения, вся совокупность которых объединяется данным «зонтиковым» термином, естественно, затрудняет возможность типологизации видов дискурса и выделения т.н. дискурсогенных факторов [Силантьев, 2005, с. 58–61].

Наиболее регулярно понятие дискурса пересекается с понятиями функционального стиля, жанра и текста, что находит свое отражение в

таких формулировках, как «средневековый дискурс», «эпистолярный дискурс», «дискурсивный текст», «дискурс текста». Как отмечает В.Л. Наер, такое пересечение обусловлено тем, что и текст, и дискурс, претендуя на статус речевого произведения как единицы коммуникации, уравниваются в своем коммуникативном статусе [Наер, 2004, с. 11]. Пытаясь провести разграничение между текстом и дискурсом за счет выделения аспектов исследования, В.Л. Наер предлагает относить к сфере дискурса такие аспекты, как концепты, эмоции, оценки, прагматические пресуппозиции, коммуникативные стратегии адресанта, фоновые знания, а к сфере исследования текста – лексические, фонетические, стилистические и прагматические средства, макро / суперструктуры и стратегии понимания, то есть все, что относится к языку [Наер, 2004, с. 14]. Дискурсивные исследования, по его мнению, должны быть более коммуникативно-ориентированными, а исследования текста – более лингвистико-ориентированными. Данная точка зрения, как это признает сам исследователь, не претендует на статус абсолютной истины. Во-первых, специалисты в области лингвистики текста сегодня активно изучают текст в когнитивном ракурсе, рассматривая его как сложный концепт, находящий свою актуализацию в языковых единицах разных уровней. Во-вторых, в рамках филологической теории коммуникации, разрабатываемой в трудах А.А. Чувакина, текст рассматривается как одна из форм коммуникации [Чувакин, 2009], что предполагает изучение его эмотивного, оценочного и прагматического аспектов.

Противоречивость взглядов на соотношении текста и дискурса находит свое проявление и в дискуссиях относительно объема данных понятий: в одних исследованиях дискурс трактуется как вариант текста, в других – текст как компонент дискурса. Идея о тексте как компоненте дискурса берет начало от трудов М. Фуко, предложившего предельно широкое понимание дискурса. Дискурс в его концепции предстает как особая форма бытования языка, рассматриваемого не как система знаков (в соссоровском смысле) и не как языковая компетенция (в хомскианском смысле), а как совокупность всех когда-то сделанных или услышанных высказываний, взятая в их материальном аспекте (теле дискурса), вне их связи с конкретным субъектом. В концепции М. Фуко речь идет о т.н. бессубъектном дискурсе, который, по мнению ученого, живет своей собственной жизнью: высказывания могут предаваться забвению, использоваться, подвергаясь различным трансформациям, перемещаться в дискурсивном пространстве. М. Фуко следующим образом описывает характер существования различных дискурсов в метапространстве общего дискурса: «...можно

предположить, что во всех обществах весьма регулярно существует разноразнообразие дискурсов: есть дискурсы, которые «говорятся» и которыми обмениваются изо дня в день, дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны; и есть дискурсы, которые лежат в основе некоторого числа новых актов речи, их подхватывающих, трансформирующих или о них говорящих, – словом, есть такие дискурсы, которые – по ту сторону их формулирования – бесконечно сказываются, являются уже сказанными и должны быть еще сказаны» [Фуко, 1996, с. 60].

В контексте обсуждаемой проблемы для нас представляют особый интерес следующие положения, выдвинутые М. Фуко: рекуррентность единиц, образующих дискурс, возможность их трансформаций и гетерогенность общего дискурсивного пространства, наличие в нем различных дискурсов, что предполагает возможность их взаимодействия, совмещения элементов разных дискурсов во вновь порождаемых дискурсах, то есть возможность интердискурсивности. Анализируя концепцию М. Фуко, О.Г. Ревзина указывает на определенную близость идей М. Фуко и Б.М. Гаспарова, который рассматривает язык как конгломерат хранящихся в памяти различных коммуникативных фрагментов, которые, подвергаясь различным преобразованиям и вступая в различные сочетания, служат в качестве строительного материала будущих высказываний [Ревзина, 1999, с. 31].

Вместе с тем мы хотели бы отметить и существенную разницу в их взглядах. Во-первых, М. Фуко не затрагивает вопрос о том, где и как осуществляется бытие дискурса. Во-вторых, определяя описываемый им дискурс как бессубъектный, он не затрагивает вопрос о том, кто осуществляет трансформации, имеющие место в процессе бытия дискурса, поскольку дискурс в его трактовке предстает как своего рода витальный объект, или языковое тело, которое, по словам Фуко «само себя живет». Очевидно, именно этот смысл содержится в тезисе о том, что не только человек владеет языком, но и язык в известном смысле владеет человеком, предлагая ему уже готовые формы для выражения собственных мыслей и даже направляя их. Эта же мысль высказывалась и Иосифом Бродским, который сказал в одном из своих интервью: «...я думаю, что не человек пишет стихотворение, а каждое предыдущее стихотворение пишет следующее».

Б.М. Гаспаров, говоря о присущем нам свойстве воспроизводить готовые коммуникативные фрагменты в своей речевой деятельности, обращается к проблеме памяти как месту хранения этих фрагментов, что фактически выводит его исследование на когнитивный уровень. При этом речь идет не только о коллективной, но и об индивидуальной

памяти, что подчеркивает антропоцентрическую сущность его подхода. Он отмечает, что «основу нашей языковой деятельности составляет гигантский «цитатный фонд», восходящий ко всему нашему языковому опыту. Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представляемых. Каждая мысль, которую говорящий хочет выразить, уже при самом своем зарождении пробуждает этот цитатный мнемонический конгломерат, актуализирует некоторые его компоненты, которые почему-либо ассоциируются с образом зарождающейся мысли» [Гаспаров, 1996, с. 104–106].

О.Г. Ревзина, в трудах которой нашли дальнейшее развитие идеи М. Фуко, особо подчеркивает динамический характер дискурса, его постоянное пополнение и, на этой основе, ставит вопрос об отношениях между дискурсом и интертекстом. По ее мнению, «интертекстуальность входит в онтологию дискурса, обеспечивая устойчивость и взаимопроницаемость дискурсивных формаций. Устойчивость, воспроизводимость и продвижение во времени дискурсивной формации создается благодаря собственно языковым интертекстам» [Ревзина, 2005, с. 68].

Говоря об интердискурсивности, следует отметить, что, подобно дискурсу, термин «интердискурсивность» сегодня употребляется настолько часто, что в отдельных случаях он начинает конкурировать с термином «интертекстуальность» и даже вытеснять его. Так, В.Е. Чернявская, последовательно разграничивая т.н. широкую, или радикальную модель интертекстуальности, основанную на литературоведческом и культурно-семиотическом подходе, и узкую модель, трактующую интертекстуальность как текстовую категорию, эксплицитно представляемую языковыми средствами, берет их за основу дифференциации интертекстуальности и интердискурсивности. Под интертекстуальностью исследователь предлагает понимать лишь эксплицитно маркированную отсылку к другому тексту или к текстообразовательной модели другого текста, а сходство тем, сюжетов, мотивов считать проявлением интердискурсивности [Чернявская, 209, с. 212]. По мнению автора, интертекстуальность является текстовой категорией, а интердискурсивность – когнитивной категорией [Чернявская, 209, с. 227]. Данная трактовка представляется нам достаточно дискуссионной по следующим причинам. Во-первых, из нее вытекает, что литературоведы занимаются проблемами интердискурсивности, а не интертекстуальности, но ведь они исследуют тексты. Во-вторых, разделение категорий на текстовые и когнитивные также кажется не вполне приемлемым, поскольку все категории являются когнитивными в своей основе, так как они являются результатом деятельности сознания, или форматами знания. Вместе с тем

мы полностью разделяем мнение В.Е. Чернявской о том, что текст не противостоит дискурсу, а сосуществует с ним, и термин «интердискурсивность» отражает те когнитивные процессы, которые предшествуют текстовой реализации, и в которых происходит взаимодействие между разными системами, или областями знания [Чернявская, 2009, с. 227].

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что дискурс может быть представлен как обширная совокупность высказываний, относящихся к различным областям знания, хранящегося в памяти и служащего основой для построения новых высказываний и новых текстов. Понимаемый таким образом, данный термин может быть сопоставлен с такими близкими по смыслу терминами, как «цитатный фонд» (Б.М. Гаспаров), «интертекстуальная энциклопедия» (Г.В. Денисова), «вертикальный контекст» (И.В. Гюббенет) и др. В свою очередь, новые тексты и высказывания, закрепившиеся в памяти и регулярно воспроизводимые в коммуникации, пополняют дискурс, способствуя продвижению языка во времени и пространстве. Таким образом, отношения между текстом и дискурсом характеризуются взаимонаправленностью: в тексте могут находить репрезентацию элементы различных дискурсов, что и отражает сущность интердискурсивности. С другой стороны, тексты и отдельные высказывания (коммуникативные фрагменты), становящиеся рекуррентными, пополняют пространство дискурса и служат для производства новых текстов. Следовательно, важнейшей характеристикой дискурса является его открытость и способность как пополняться новыми единицами, так и освобождаться от элементов, утративших способность к воспроизводству в текстах или устной коммуникации. Гетерогенность как важнейший дискурсообразующий признак, совмещение дискурсов, относящихся к разным областям знания и их актуализация в тексте имеет своим результатом интердискурсивность, то есть совмещение в тексте элементов разных дискурсов. Таким образом, тесная взаимосвязь интердискурсивности и интертекстуальности проявляется в том, что интердискурсивность как процесс взаимодействия различных дискурсов находит свою реализацию в тексте и может изучаться только на основе анализа текстов как результатов дискурсивной деятельности. По сути дела, только анализ текстов позволяет нам реконструировать процесс взаимодействия дискурсов, участвующих в текстопорождении. Таким образом, есть все основания считать, что, понимаемая как процесс взаимодействия разных дискурсов, имеющий место при порождении текстов, интердискурсивность находит свою текстовую репрезентацию в интертекстуальности. Употребляемый по отношению к характеристике текста, данный термин акцентирует неоднородность элементов дискурса, представленных в тексте, в то время как термин «интертекстуаль-

ность» не содержит указания на эту неоднородность. Рассматриваемая в этом ракурсе, интердискурсивность может рассматриваться как один из вариантов интертекстуальности, спецификой которого является использование в качестве интекста элемента дискурса, отличного от принимающего текста.

Подобно интертекстуальности, интердискурсивность может служить как маркером определенной тенденции в литературе или даже литературной моды, так и маркером идиостиля конкретного писателя. Следует отметить, что современная литература явно тяготеет к использованию приема интердискурсивности. Приведем в качестве примера такого «многоголосия» роман современного британского писателя Адама Торпа «Ulverton», в котором в повествование включаются фрагменты писем, проповедей, историографии. При этом, включая в повествование фрагменты дискурсов, относящихся к различным эпохам, автор сохраняет правила орфографии и синтаксиса XVIII века, что позволяет придать многоголосию не только пространственную, но и временную перспективу. Приведем пример: «*You shalt see how deep to the heart hath this poison entered, my children, when this true history is wound up*» (A. Thorpe).

Большой интерес в плане изучения феномена интердискурсивности как элемента идиостиля и авторской эстетической стратегии представляют произведения авторов, которые являются одновременно и писателями, и филологами-исследователями. Таковы, например, тексты романов Д. Лоджа, в которых широко представлены элементы философского, литературоведческого и феминистского дискурса. Данный прием используется автором как одно из средств создания образов персонажей. Приведем отрывок из его романа «*Nice Work*», в котором представлен диалог между преподавателем литературы университета Робин Пенроуз и менеджером промышленного предприятия Виком Уилкоксом. «...*it's a very straightforward metonymic message*». «*Metowhat?*» «*Metonymic. One of the fundamental tools of semiotics is the distinction between metaphor and metonymy. D'you want me to explain it to you?*» «*It'll pass the time*», he said. «*Metaphor is a figure of speech based on similarity. In metaphor you substitute something like the thing you mean for the thing itself, whereas in metonymy you substitute some attribute or cause or effect of the thing for the thing itself*». «*I don't understand a word you are saying*» (D. Lodge). Этот диалог, иллюстрирующий невозможность персонажей понимать друг друга в силу их принадлежности к разным интеллектуальным сферам, играет важную роль в развитии сюжета, поскольку он послужит стимулом для Вика посещать занятия в университете и получить возможность обсудить с Робин подобные темы.

Интермедиальность, подобно интертекстуальности и интердискурсивности, также является зонтиковым термином, объединяющим разные по своей глубинной сущности процессы. Понимаемая в самом широком смысле, интермедиальность означает взаимодействие кодов разных искусств в рамках единого художественного целого. Следует подчеркнуть, что, как и в случае интертекстуальности, практика использования элементов интермедиальности началась задолго до создания теории и появления самого термина, введенного в 1983 году [Hansen-Löve, 1983]. Произведения литературы и других видов искусств, в которых использовались приемы синтеза искусств, сделали необходимым их теоретическое осмысление. Назовем в качестве примеров таких произведений музыку А.Н. Скрябина, «кинематографически окрашенную» поэзию футуристов [Смирнов, 2001, с. 114], живопись М. Чюрлениса, поэзию А.А. Вознесенского.

Становление теории интермедиальности как отдельного направления связано, с одной стороны, с работами, посвященными взаимодействию, или синтезу искусств. Так, в 1918 году была опубликована статья М.П. Алексеева «Тургенев и музыка», положившая начало теории взаимодействия искусств (см. об этом: [Тишунина, 2001, с. 149]). В 1928 году Н.И. Жинкин в своем докладе, посвященном взаимодействию литературы, живописи, кино и театра и музыки, говорил о том, что «искусства одновременно все общи друг с другом и дифференциальны», что каждый вид искусства создает и открывает для нашего сознания некоторое свойство, которое сконцентрировано именно в этом виде, но может присутствовать во всех других искусствах, что свидетельствует об их взаимодействии [Жинкин, 2010, с. 63].

С другой стороны, изучение интермедиальности было стимулировано семиотическими исследованиями, рассматривающими всю культуру как текст, представленный разными кодами, вступающими во взаимодействие. Ю.М. Лотман неоднократно высказывал мысль об обогащении культуры за счет взаимодействия ее различных форм. Рассматривая эту проблему в семиотическом плане, он писал о том, что «семиосфера многократно пересекается внутренними границами, специализирующими ее участки в семиотическом отношении. Информационная трансляция через эти границы, игра между различными структурами и подструктурами, направленные непрерывные семиотические «вторжения» той или иной структуры на «чужую территорию» образуют порождения смысла, возникновение новой информации» [Лотман, 1992, с. 92]. Таким образом, он приходит к выводу о том, что «зашифрованность многими кодами есть закон для подавляющего числа текстов» [Лотман, 1992, с. 143].

Мощным стимулом для изучения теории интермедиальности послужило стремительное развитие различных средств коммуникации, все возрастающая тенденция использовать различные средства подачи информации с целью усиления ее воздействия на получателя. Сегодня под интермедиальностью понимается широкий круг явлений, что приводит к необходимости ее дальнейшей дифференциации. Исследователи выделяют несколько видов интермедиальности [Тимашков, 2007, с. 24–25]:

а) так называемый синтез медиа, результатом которого является поликодовый текст, сочетающий слово и рисунок или диаграмму, слово и видеоизображение. Этот вид интермедиальности имеет самое большое распространение в сегодняшней культуре, в которой широко используются различные формы гибридизации. Простейшим примером данного вида интермедиальности может служить текст и иллюстрации к нему. При этом могут складываться разные типы отношений между используемыми кодами. В программе «Наблюдатель» от 12.11.2015 года, посвященной творчеству художников-иллюстраторов, А.Г. Трауготт возражал против употребления самого термина «иллюстратор», объясняя это тем, что художник, создающий рисунки к тексту, взаимодействует с текстом, и в процессе этого взаимодействия он может не соглашаться с автором и предлагать свою трактовку произведения. Рисунок может, по его мнению, дополнять текст, придавая ему большую степень эмоциональности. Так, выполняя рисунки к рассказу Л.Н. Толстого о льве и собачке, текст которого показался ему лаконичным и лишенным эмоций, он пытался передать эмоции в рисунке.

б) Трансмедиальная интермедиальность, суть которой состоит в воплощении одной и той же темы или сюжета средствами различных видов искусства. Лучшим примером такого вида интермедиальности могут служить многочисленные воплощения библейских сюжетов в разных видах искусства.

в) Трансформационная интермедиальность, заключающаяся в перекодировании одной знаковой системы в другую, например, словесное описание картины или музыкального произведения. Данный вид интермедиальности наиболее полно представлен в художественных и искусствоведческих текстах, посвященных творчеству художников или музыкантов. Подобное перекодирование смысла произведения искусства требует не только эрудиции в той области искусства, о которой идет речь, но и эмпатии, то есть способности увидеть или услышать мир глазами другого и воспроизвести в словесной форме, мыслить не словами, а музыкальными или живописными образами. Вот, например, как это удается Максиму Кантору, обладающему способностью как визуализировать абстрактные понятия, так и вербализовывать смысл живописного полот-

на: «Картина, как это свойственно зрелому Петрову-Водкину, написана без аффектации, повествование ведется очень спокойно, никак не интонированным языком... Это (что исключительно важно) не иносказание. Подлинный мастер никогда не говорит так называемым Эзоповым языком, просто всякий образ имеет много уровней прочтения» [Кантор, 2014, с. 83].

г) Так называемая онтологическая интермедийность, выражающаяся в наличии общих черт у разных форм искусства, что находит свое проявление в музыкальности или кинематографичности прозы, в живописности поэзии и т.п. Интермедийность такого вида – явление достаточно редкое, поскольку в нем находит выражение многосторонность дарования автора, его способность передать в слове особенности мировосприятия с помощью другого кода. Лучше всего это удается авторам, которые одновременно занимались и литературным, и иным творчеством, что позволяет им реализовать мультимодальность собственного художественного мировосприятия в такой словесной форме, которая несет на себе специфику этого мировосприятия и становится важной чертой их идиостиля. Так, исследователи творчества Джеймса Джойса считают, что если бы он не стал писателем, он мог бы стать композитором, и, возможно, именно этим можно объяснить особую музыкальность его «Улисса», который одни сравнивают с сонатой, другие – с фугой. В. Вулф, которая выросла в атмосфере взаимодействия литературы, живописи и музыки, постоянно стремилась отразить в своем творчестве результаты такого взаимодействия. Она писала в одном из своих писем: «*I always think of my books as music before I write them*» (*Я всегда думаю о своих книгах как о музыке прежде, чем я пишу их*) (W. Woolf). Исследователи творчества Л.Н. Толстого, в частности, его «Крейцеровой сонаты» отмечают, что писатель записывал свои впечатления от произведения Бетховена как о разговоре музыкальных инструментов, переводя таким образом язык нот на язык слов, вербализуя звучание, в котором каждая нота в сочетании с другими составляла музыкальную фразу и выражала определенную идею, которую он затем передавал в словесной форме [Петрова, 2011, с. 39]. Музыкальность художественного текста может также отражать специфические черты звучащей речи определенного этноса. Так, например, природная музыкальность речи афроамериканцев находит свое отражение в особенностях идиостиля афроамериканских авторов. В текстах Т. Моррисон, как показывают исследования, можно услышать отголоски джазовых импровизаций [Каркавина, 2011].

Основное различие между перечисленными видами интермедийности состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с поликодовым текстом, в котором эксплицитно представлены разные коды, во-

втором – с воплощением одной темы в разных произведениях искусства, то есть в разных семиотических системах, и, в третьем и четвертом – с переводом невербального кода в вербальный и отражением результатов этого перекодирования в смысловых и стилистических особенностях текста. Подобные тексты требуют особой методики интермедиального анализа, позволяющей выявить и описать следы взаимодействия различных кодов в тексте. Так, Дж. Кэри в своем романе «*The Horse's Mouth*», описывая эпизод знакомства художника с коллекционерами, передает синтаксическими средствами особенность восприятия внешности персонажей глазами художника, перечисляет с помощью коротких номинативных предложений отдельные детали, бросающиеся в глаза, что создает впечатление создания наброска их внешности: «*Voice like a Liverpool dray on a rumbling bridge. Charming manners. Little bow. Beaming smile. Lady tall, slender. Spanish eyes, brown skin, thin nose. Greco hands. Collector's piece*» (J. Cary).

Вместе с тем следует признать, что границы между перечисленными видами интермедиальности иногда оказываются достаточно диффузными, а потому возможно их пересечение и наложение друг на друга в текстовых практиках.

Подведем краткие итоги. Будучи производными от интертекстуальности в широком понимании этого явления и тесно связанными с ней, явления интердискурсивности и интермедиальности имеют и существенные различия в семиотическом плане. Их сходство с интертекстуальностью состоит в том, что в основе всех трех процессов лежит принцип взаимодействия, а специфика заключается в качественном различии единиц, участвующих в этом взаимодействии. В интертекстуальности и интердискурсивности участвуют единицы одной семиотической системы (но разных дискурсов в случае интердискурсивности), а в интермедиальности – единицы разных семиотических систем, подвергающиеся перекодированию и словесному представлению в тексте, что лишь подтверждает тезис Ю.М. Лотмана о присутствии в тексте следов разных кодов. Таким образом, именно текст выступает той средой, в которой находят свое воплощение процессы взаимодействия различных дискурсов и кодов.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
 Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

- Жинкин Н.И. О языке кино и типологии искусств // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 2.
- Каркавина О.В. Языковая реализация интермедиальных отношений в творчестве Тони Моррисон: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011.
- Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия (когнитивно-семиотический подход) // Когнитивные исследования языка. М., Тамбов, 2015. Вып. XXI.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4.
- Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х тт. Таллинн, 1992. Т. 1.
- Наер В.Л. Дискурс и текст: речевое произведение // Вестник МГЛУ. Серия Лингвистика. М., 2004. Вып. 496.
- Олизько Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Челябинск, 2009.
- Основы теории текста. Барнаул, 2003.
- Петрова С.А. Интермедиальная специфика повести Л.Н. Толстого «Крейцерова Соната» // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
- Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. № 1.
- Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8.
- Силантьев И.В. Многофакторная модель типологии дискурсов // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. Барнаул, 2005.
- Смирнов И.П. Порождение Интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб., 1995.
- Смирнов И.П. Смысл как таковой. СПб., 2001.
- Тиба Д. Симфоническое творчество Альфреда Шнитке: опыт интертекстуального анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Тимашков А.В. К истории понятия интермедиальности в российской и зарубежной науке // žmogus ir žodis. 2007. № 11.
- Тимашков А.Ю. Интермедиальность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012.
- Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных научных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Серия «Симпозиум». СПб., 2001. Вып. 12.
- Фуко М. Археология знания. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/fuko_michel/arheologiya_znaniya.html
- Фуко М. Воля к истине. М., 1996.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.
- Чувакин А.А. Коммуникация как объект исследования современной филологии // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009. Ч. 1.
- Hansen-Löve Á. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst – am Beispiel der russischen Moderne // Dialog der Texts. Wiener Slavistische Almanach. Wien, 1983.
- Higgins D. Horizons: The Poetics and Theory of Intermedia. Carbondale Edwardsville, 1984.

Still J., Worton M. Introduction // *Intertextuality. Theories and Practice*. Manchester and New York, 1990.

Warner W. *Musicalization of Fiction A Study in the Theory and History of Intermediality*. Amsterdam, 1999.

Источники

Кантор М. Свидетель истории // *Story*. 2014. № 9 (73).

Поляков Ю. Гипсовый трубач, или конец фильма. М., 2008. Ч. 1.

Филатова О. Агузарова, «Браво» // *Story*. 2015. № 7 (82).

Cary J. *The Horse's Mouth*. Lnd., 1990.

Lodge D. *Nice Work*. Lnd., 1989.

Thorpe A. *Ulverton*. Lnd., 1992.

«НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ЖИТИЯ»: ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПОДВИЖНИКОВ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

Т.А. Пируская

Ключевые слова: Достоевский, Джордж Элиот, роман XIX века, социальное подвижничество, «несостоявшееся житие», святость.

Keywords: Dostoyevsky, George Eliot, 19th-century novel, social devotee, «might-have-been saints», sanctity.

Ф.М. Достоевский и Джордж Элиот – современники и даже ровесники, культурно далекие, но в каких-то аспектах неожиданно близкие, – равно озабоченные проблематикой бытия человека в мире профанном и растерянном, тоскующем по трансцендентным основаниям морали, ищущем и не находящем «замещения» святости. В романах, обращенных к современной им социальной реальности, оба писателя косвенно размышляют об этом, пытаются представить себе образ «современного святого».

Мировоззренческие и биографические контексты их творчества, траектории интеллектуального развития различны. Достоевский прошел сложный путь от вполне традиционного воспитания, подразумевавшего знакомство с основами православного вероучения, к охлаждению церковной веры, увлечению социалистическими идеями, сближению с мыслителями, видевшими во Христе лишь человеческий идеал, затем поч-

венничеству и славянофильству. О сомнениях писателя и трудном обретении им веры свидетельствуют часто цитируемые слова из его письма к Н.Д. Фонвизиной от конца января–февраля 1854 года: *«Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»* [Достоевский, 1991, с. 96].

Не менее сложен был путь духовных поисков Джордж Элиот, ею самой резюмируемый (в письме от декабря 1859 года) так: *«Думаю, что едва ли когда-то говорила Вам о своей сильной приверженности к евангелическому христианству с пятнадцати до двадцати двух лет и о том, как много мне пришлось беседовать с искренними последователями различных религиозных учений. Когда я была в Женеве, я еще не вполне утратила ту склонность к отрицанию, которая сопряжена с отказом от какого бы то ни было убеждения... Десять лет опыта существенно изменили мой внутренний настрой: я более не испытываю враждебности к какой-либо вере, в которой нашли свое выражение печаль человека и его стремление к чистоте; более того, я чувствую к ней симпатию, перевешивающую все логические доводы. Я не вернулась к догматическому христианству, – к тому, чтобы исповедовать постулаты того или иного вероучения, равно как и к признанию надчеловеческого откровения Невидимого, – однако вижу в нем высшее выражение религиозного чувства, когда-либо имевшее место в истории человечества, и меня глубоко интересует внутренняя жизнь искренне верующих христиан любой эпохи»* [Haight, 1954, p. 230–231] (перевод мой. – Т.П.).

Творчество Достоевского и Элиот равно, но по-разному требовательно к читателю, предъявляет ему сложнейший синтез религиозной, социальной, нравственной, психологической проблематики. Острее всего обоих писателей интересовала возможность практического «бытия в истине», жизни по правде, высшей, чем расчет и личный интерес. В свете этого любопытны попытки обоих романистов переосмыслить агно-

графическую жанровую модель в рамках сюжетов, изображающих стремление человека к святости при неумении или отсутствии возможности к ней приблизиться¹.

Прежде чем обратиться непосредственно к творчеству обоих писателей, следует задаться вопросом: что могла для них значить святость?

В христианстве сущность святости понимается как устремленность к Богу, преображающая человека, а святыми считаются люди, «чья причастность к Богу была явлена церкви как достоверный факт» [Живов, 1994]. Агиографическая литература создавалась в соответствии со строгим канон², предполагавшим описание праведных деяний житийного героя, мученичества за веру, подвижничества, способности творить чудеса. Но имела распространение и мысль о безвестных, неканонизированных святых, не совершавших чудес, но являвших святость самой своей жизнью. «Я думаю, в том только дело в святости, – писал православный богослов и философ митрополит Антоний Сурожский, – чтобы человек был свидетелем о вечных ценностях, о вечной жизни, о Боге...» [Антоний Сурожский, 2014, с. 358].

Но как может осуществляться свидетельство о вечных ценностях, если не во взаимодействии с другими людьми? Очевидно, что свидетельствовать можно не иначе, чем перед кем-то, кому-то, для кого-то, – иначе само это слово лишается смысла: свидетельство обращено к адресату, может быть, невольному. А может быть, именно к невольному, ставшему таковым «волею судеб» или в силу нужды (возможно, не осознаваемой) в опосредованном откровении. У Достоевского и у Элиот речь и идет, как правило, об откровении сострадания – «главнейшего и, может быть, единственного закона бытия всего человечества»³, создающего «крепкие узы нежной дружбы» [Элиот, 2014, с. 236] между людьми⁴. Тема эта – сквозная для творчества обоих писателей, применительно

¹ Следует также отметить, что почитание святых в Англиканской Церкви было предметом противоречивого отношения, а евангелическим учением, оказавшим серьезное влияние на Мэри Энн Эванс в юности, отвергалось. Но Элиот, не причислявшая себя ни к одной христианской конфессии, была начитана в богословской литературе и, очевидно, знакома с практикой канонизации и почитания святых в католичестве.

² «Житийный канон складывался из предисловия и краткого послесловия агиографа, обрамляющих собственно повествование, включавшее в себя следующие вехи: похвала родине и родителям святого, чудесное предвозвещение его появления на свет, проявление святости в детском и юношеском возрасте, искушения, решительный поворот на путь духовного спасения, кончина и посмертные чудеса» [Православие, 2007].

³ Слова главного героя романа «Идиот» – князя Мышкина (см.: [Достоевский, 1996, с. 233]).

⁴ В оригинале – «a bond of loving fellowship».

к тому или другому освещалась неоднократно¹, но попытки сопоставительного сближения на этой основе еще только намечаются².

«Мидлмарч», роман из жизни провинциального английского города, открывается рассуждением о жизни святой Терезы и множестве ее потенциальных последовательниц, чей бескорыстный энтузиазм не находит достойного применения, так что каждой из них «ничего не дано основать» [Элиот, 2016, с. 6]. Затем повествователь – за исключением одного беглого упоминания ближе к началу романа – «забывает» об этом сравнении до последних его строк, где вновь возникает такая фраза: «*Тереза нашего времени едва ли сумела бы осуществить преобразование монашеского ордена...*» [Элиот, 2016, с. 814]. Между неутешительным выводом и зачином, в этой явной «рамке» – вся жизнь героини, имя которой, кстати, в финале употребляется в такой же нарицательно-множественной форме, в какой в начале говорилось о святой Терезе: «*Но мы, люди незначительные, своими повседневными речами и поступками формируем жизни многих Доротей, и судьба той Доротей, чью историю мы рассказали, еще не самая прискорбная из всех*» [Элиот, 2016, с. 814]. С одной стороны, жизнь Доротей явно лишена соизмеримого с ее внутренним складом масштаба. С другой – по отношению к «нам, урядным людям», она стоит на некоторой высоте, к тому же ее судьба стала достоянием прошлого, обрастает легендами для людей, лично с Доротеей незнакомых, причем далеко не все среди этих «преданий» толкуется в пользу героини, да и сам повествователь, казалось бы, признает: «*И в самом деле, оба эти столь важные в ее жизни поступка [первое и второе замужество] не блистали блagоразумием*» [Элиот, 2016, с. 814]. Повествователь и не пытается идеализировать героиню: при всей симпатии к ней он, особенно в начале романа, допускает и некоторую иронию по отношению к Доротее. В частности, он указывает на то, что за желанием самоотвержения и равнодушием к мнению большинства нередко скрывается гордость, высокомерие, снисходительный взгляд на это «большинство», неспособное понять ее мотивов.

¹ См., например: [Mitchell, 1997; Staten, 2014; Натарзан, 2000; Новикова, 1997; Григорьев, 2009].

² Так, разработка одного из аспектов этой проблематики была очерчена в недавней статье И.Ф. Гнюсовой, которая говорит о «священнослужении в миру» двух главных героев последних романов Достоевского и Элиот (см.: [Гнюсова, 2016, с. 83–93]). В статье автор высказывает утверждение о «схожести религиозно-философских взглядов» писателей, на наш взгляд, весьма спорное; интересно скорее то, что Достоевский и Элиот, читая произведения одних и тех же социальных и религиозных мыслителей, однако двигаясь во многом в противоположных направлениях, были удивительно созвучны в своем видении взаимосвязи между святостью и социальностью.

Читатель просто обязан задумываться о природе незаурядности, о том, что позволяет сблизить героиню романа с Терезой Авилаской. Та была реформатором испанского монашества, основала несколько монастырей, оставила обширное литературное наследие; Доротея вполне могла бы посвятить себя социальным реформам или науке, которые ей, очевидно, близки. Мы видим, что на доступном ей поприще Доротея пытается улучшить жизнь других, интересуется архитектурной планировкой, проектированием, стремится изучать древние языки, ей не чужды разговоры на общественные и философские темы. Неоднократно в тексте упоминается и пылкая «религиозность» Доротеи, вызывающая даже некоторые пересуды среди соседей и представляющаяся многим излишней. Эта религиозность, с одной стороны, многое определяет в поведении и облике героини¹, с другой – носит расплывчатый, неопределенный характер. Так, например, сама Доротея говорит об этом Ладиславу:

– ...У меня есть моя вера, и она меня утешает.

– Какая же? – ревниво спросил Уилл.

– Я верю, что желать высшего добра, даже не зная, что это такое, и не имея возможности делать то, к чему стремишься, все-таки значит приобщиться к божественной силе, поражающей зло, значит добавить еще капельку света и заставить мрак чуть-чуть отступить.

– Это прекрасный мистицизм, он...

– Не надо названий, – умоляюще произнесла Доротея. – Вы скажете – персидский или еще какой-нибудь, не менее географический. А это – моя жизнь. Я сама пришла к такому убеждению и не могу от него отказаться. Еще девочкой я искала свою религию. Прежде я много молилась, а теперь почти совсем не молюсь. Я стараюсь избегать себялюбивых желаний, потому что они не приносят пользы другим, а у меня и так уже всего слишком много [Элиот, 2016, с. 389].

Неопределенность этой «религии» подчеркивает сама Доротея: речь идет о ее индивидуальном веровании («моя вера»), в центре которого – стремление к добру, сущность которого, однако, может оставаться неясной («даже не зная, что это такое»); героиня сама просит Ладислава не давать никакого названия ее убеждению. Очевидно, что оно обращено не к личностному Богу, как было некогда («Прежде я много молилась, а теперь почти совсем не молюсь»), однако не исключает и такой возможности («почти совсем» все-таки не значит «никогда»). Эта личная,

¹ Об этом неоднократно говорится в тексте (см.: [Элиот, 2016, с. 8–10; 14; 21]). И это только начало романа – список примеров можно было бы продолжить.

неоформленная религиозность носит «практический» характер: руководствуясь заботой о других, она перерастает в своего рода «социальное подвижничество», как это мы видим в романе.

Искания Доротеи, несомненно, близки самой Элиот, которая видела в религии свидетельство «духовных борений», устремление к «высшему Добру», единству с другими людьми и жажду идеала¹.

В этом контексте очень показательно меняющееся отношение героини к другим: восприятие окружающих как чуждых ей, пренебрежительное отношение к «мнению большинства», взгляд свысока (не всегда даже осознанный), искание какой-то особой «миссии» жизни (мотив, побуждающий ее к замужеству) – и, впоследствии, – повертывание «лицом» к другим, осознание значимости их мнения. Жизнь Доротеи – это жизнь человека, постоянно ищущего чего-то большего, проявляющего себя в помощи другим, но в конечном счете вынужденного ограничить применение своих немалых сил узким домашним кругом. Но как раз ее способность преодолеть бытовой эгоцентризм, увидеть глазами другого, почувствовать боль другого, возможно, и заставляет повествователя упорно утверждать, что в других обстоятельствах, в другую эпоху эта «неидеальная героиня» могла бы стать «новой святой Терезой».

Элиот волновала и сама проблема самоотречения, вдохновляемого самолюбием, – этот парадоксальный комплекс характерен не только для Доротеи в начале «Мидлмарча» но и для героини «Мельницы на Флоссе», более раннего романа писательницы: там коллизия изображена с большей остротой и развитие ее венчается трагической развязкой. Стремление к самоотречению у Мэгги Талливер пробуждается благодаря случайно попавшей ей в руки книге Фомы Кемпийского. В дальнейшем она старается нарочно выполнять самую тяжелую и грязную работу, даже когда в этом нет необходимости, спит на жестком полу, отказывается от чтения и любимых ею прогулок и т.д., – это самозабвение является бессознательной утехой самолюбия, напоминает повествователь, – оно скорее уводит от подвижничества

¹ «Все великие религии мира <...> по праву вызывают глубокое почтение и симпатию – они свидетельствуют о духовных борениях, подобных нашим собственным. Для меня это верно в первую очередь в отношении иудаизма и христианства, на котором я сама была воспитана в юности. И в этом смысле я не испытываю враждебности к какой-либо религиозной вере – напротив, горячо сочувствую ей. Любое собрание людей во имя поклонения высшему Добру (которое олицетворяет Бог) захлестывает меня своей волной; и если бы не причины, заставляющие меня сопротивляться этой наклонности, я бы постоянно ходила в ту или иную церковь ради того прекрасного чувства общности, которое я ощущаю в религиозных собраниях...» Letter to J.W. Cross, Sunday, October 20th, 1873 [Cross, 1885, p. 155–156] (перевод мой. – Т.П.).

более достойного: «Путь мученичества и долготерпения, где растут лавры, куда более нам по душе, чем крутая тропа терпимости, справедливой снисходительности и самообвинения, где никто не возложит на наше чело лавровый венок» [Элиот, 2014, с. 355]. Побуждения Мэгги, тем не менее, искренни – в книге она слышит «живой голос» из «далекого Средневековья» и принимает его как руководство к действию. Источник мотивации, вдохновляющий Мэгги, как и Доротею, удален во времени и тем подчеркнута противопоставлен современности, лишенной «вертикального измерения». В отличие от Доротеи, Мэгги в детстве имеет смутные представления о святых и мучениках¹, а в дальнейшем пытается следовать этим образцам слишком буквально и наивно. Ее постепенное и упорное продвижение к пониманию праведности обрывается гибелью, вместе с братом, при наводнении, и о предполагаемом дальнейшем пути героини нам остается говорить только в сослагательном наклонении. Уже здесь, как впоследствии в «Мидлмарче», проявляется мотив «несостоявшегося жития».

Нечто подобное мы видим и у Достоевского, чей роман о «положительно-прекрасном» человеке венчается трагическим финалом. Князь Мышкин искренне принимает всех и каждого, бесконечно сострадателен, «не ищет своего» и невольно притягивает к себе окружающих, даже тех, кто в иные моменты говорит о нем с недоумением или насмешкой. Почему же он в конечном счете оказывается беспомощным перед действительностью, запутывается в сети отношений, теряет внутреннюю устойчивость? В черновиках к роману Мышкин иногда фигурирует как «Князь Христос», но похож ли финал «Идиота» на ту самую картину, от которой «у иного вера может пропасть»? Можно спорить относительно того, насколько в образе Мышкина присутствуют элементы «театральности», романтизации («рыцарь бедный»), о которой говорит, например, Рене Жирар [Жирар, 2012, с. 81–82], но, несомненно, это скорее образ человеческой хрупкости, чем святости.

Окружающие иногда называют князя «юродивым» с насмешкой или жалостью, чем акцентируется неоднозначность слова: «ненормальный» и / или «мнимо безумный», «безумный для мира», «юродивый Христа ради». Но может ли князь, «духовидец и праведник», быть назван «наследником... древнерусской святости» [Эпштейн,

¹ «Святые и мученики никогда не интересовали Мэгги так, как мудрецы и поэты. Она мало что знала о святых и мучениках, а из того, чему ее учили в школе, вынесла впечатление, что они служили временной мерой предосторожности против распространения католицизма и все погибли в Смитфилде» [Элиот, 2014, с. 346].

2000]? Утрата им внутренней цельности в заключительных частях романа, потеряемость в лабиринте отношений, из которого он не в силах выбраться, делают его скорее «страдательным» и романтическим¹, чем «житийным» героем. Причиной того, что жизнеописание не становится житием – и в данном случае именно этим оно содержательно для читателя, – оказывается человечность героя, его бессилие в одиночку разрешить все противоречия, примирить всех между собой, как он того хочет.

Любопытно, что в своих последних, итоговых произведениях и Достоевский, и Элиот (первый – в «Братьях Карамазовых», вторая – в «Дэниэле Деронде») дают новый поворот теме, явно обоих и увлекавшей и мучившей. Оба романиста предпринимают сверхусилие с целью все же предъявить читателю образ «современного святого» – не как упушенную, а как состоявшуюся возможность.

Новый «положительно-прекрасный» герой Достоевского – Алеша Карамазов, повествование о котором симптоматично осталось неоконченным, – во многом не похож на князя Мышкина. В самом начале романа повествователь отмечает, что Алешу все любят и принимают, он – везде свой (в отличие от Мышкина, который конечном счете всюду чужой). Как и князь, Алеша «совершенно верит в людей» и умеет с ними разговаривать, чем и располагает их к себе, вызывая доверие тех, кто между собой при этом может находиться в натянутых и даже враждебных отношениях (его отец и братья, Грушенька и Катерина Ивановна). Окружающие, в том числе Федор Павлович, чувствуют, что Алеша совершенно искренне не склонен к осуждению, видит в людях не дурное, а «исковерканное». Он так же, как и Мышкин, полон сострадания к другим, однако в Алеше, несмотря на его открытость и чистоту, нет незащищенности перед людьми², того «надрыва», который в главном герое «Идиота» оборачивается траги-

¹ Уже упоминавшийся Рене Жирар пишет: «Главный образец для Мышкина – это Христос, являющийся здесь скорее романтическим, чем собственно христианским, это Христос, каким он предстает у Жан-Поля, Виньи, в «Химерах» Нерваля, Христос, всегда изолированный от людей и от своего Отца и пребывающий в постоянной и несколько театральной агонии. Этот «возвышенный» и «идеальный» Христос бессилён спасти людей, он умирает целиком и полностью. Тревога, которую испытывает князь Мышкин перед слишком реалистичным «Снятием с креста» Гольбеина, символизирует то разьединение плоти и духа, к которому ведет романтический идеализм» [Жирар, 2012, с. 81–82].

² И этому трудно подыскать однозначное объяснение: чем Алеша «защищеннее» Мышкина? Может быть, именно сознанием, что он *должен* быть здесь, в мире, среди людей, не впадать в смятение от окружающей бури, а идти ей навстречу, стараясь защитить от нее других, как когда он говорит Ивану, что его «Бог послал сказать» брату, что не он убил отца. В Мышкине нет этого сознания, и он беспомощнее, пассивнее.

ческой невозможностью противостоять сгущающемуся хаосу страстей и страданий. В главе «Кана Галилейская» старец Зосима, наставник Алеши, отправляет своего подопечного из монастыря в мир, «к людям», которым нужно его присутствие, нужны поддержка и помощь. Известно, что это решение было принципиально важно не только для героев романа, но и для его автора¹.

В контексте сопоставления творчества двух романистов параллель между Алешей Карамазовым и Дэниэлом Дерондой напрашивается сама собой. Можно сказать, что Элиот создала своего «положительно-прекрасного» героя: Дэниэл Деронда почти поневоле постоянно оказывается в роли доброго гения других: спасает от самоубийства Миру, которая на его глазах собирается утопиться, и приводит ее в дом к Мейрикам; становится почти жизненно необходим Гвендолен, которая чувствует себя одинокой и опустошенной в своем несчастье²; Мордекай угадывает в нем своего давно чаемого друга. Нет такой ситуации, к которой он остался бы безучастен, – именно поэтому к нему тянутся все нити повествования, он никогда не «в стороне». Самоотречение в каком-то смысле становится для него привычным. «Я всегда полагал, что должен быть готов отказаться от этой надежды, а не лелеять ее», – говорит он встреченной им наконец матери о союзе с Мирой и тут же добавляет: «Но думаю, что, наверное, отношусь так и к счастью вообще. Придет оно или нет, надо попытаться и быть готовым обойтись без него»³. Это «кредо» Деронды – свидетельство его всегдашней готовности не только пожертвовать чем-то ради других, но и «обойтись без счастья», если судьбе не угодно, чтобы он был счастливым, или если его счастье сделает несчастным кого-то другого⁴.

Способность преображать окружающих, пусть ненадолго, – характерная черта, присущая «положительно-прекрасным» героям как у Элиот, так и у Достоевского. Так, даже те, кто называет князя Мышкина «идиотом» и «юродивым», при встрече с ним нередко поддают-

¹ См. письмо Н.А. Любимову от 16 сентября 1879 года: «Последняя глава... “Кана Галилейская” – самая существенная во всей книге, а может быть, и в романе» [Достоевский, 1984, с. 127].

² По справедливому замечанию И.Ф. Гнусовой, «мысли, внушаемые Дэниэлом героине, очень близки тем истинам, которые традиционно высказывает духовник» [Гнусова, 2016, с. 87].

³ Цитаты из романа «Дэниэл Деронда» переведены мной за неимением адекватного и полного русскоязычного варианта книги. – *Т.П.*

⁴ Случается, что он досадует на окружающих, которые настолько привыкли видеть в нем прежде всего альтруиста, что не принимают в расчет даже возможности каких-то его собственных чувств, – впрочем, досада эта скорее мимолетна.

ся обаянию его кротости. Соприкасаясь с Алешей Карамазовым, явно смягчаются его братья, становится добрее и хотя бы иногда перестает «скоморошничать» отец, задумывается Грушенька – во многом, как уже было сказано, благодаря тому, что они чувствуют не-осуждение Алеши. Уместно вспомнить и «Мидлмарч», где мы видим благодатное влияние Доротеи, оправдывающей Лидгейта в глазах общественного мнения. Благодаря Деронде, постоянному диалогу с ним, радикально меняется Гвендолен – тема внутренней перемены под воздействием другого несколько раз отчетливо проговаривается в романе.

Дальнейшие (за пределами сюжета) планы Деронды известны читателю лишь в общих чертах – он отправляется «на Восток» претворять в жизнь некоторые идеи Мордекая, то есть, по всей видимости, с некой религиозно-социальной миссией. То, что он открывает о своем происхождении, дает ему «корни», которых он был раньше лишен, вписывает его в общность с другими людьми – в данном случае общность сионистского движения, соединяющего в себе религиозную и светски-политическую составляющие. Он обретает незнакомое ему прежде «чувство общности», становится не просто «сострадавательным героем», а подвижником, но о дальнейшей его деятельности читатель ничего не узнает, как и о судьбе Алеши Карамазова.

Исключительно выразительно то, что (и то, как) Достоевский и Элиот упорствуют в усилиях написать убедительный образ современного человека, близкий к образу святого, – оба писателя, с риском впасть в тенденциозность, «усиливают» образ положительного героя нескрываемой, даже слишком откровенной авторской симпатией к нему. Но оба же не доводят замысел до конца: у романа Элиот открытый финал, запланированный Достоевским «роман об Алеше» остается ненаписанным, едва ли не состоявшееся житие – неоконченным.

Отдельно следует сказать о некоторых образах второстепенных персонажей в романах обоих писателей – священнослужителей или монахов, которые своим статусом призваны к свидетельствованию о Боге, к посредничеству между человеческим и трансцендентным. Старца Зосиму из «Братьев Карамазовых» «второстепенным» персонажем можно назвать лишь условно: практически не участвуя в сюжете, он, однако, оказывает решающее влияние на главного героя романа – Алешу. Кроме того, жизни и наставлениям Зосимы посвящена отдельная книга романа – «Русский инок», одна из глав которой носит название «Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым». О жизни Зосимы до монастыря, о его детстве и молодости читатель узнает с его собственных слов,

жизнеописание соединяется с изложением поучений старца, а слово «житие» имеет в том числе и полемический подтекст. Старец Зосима в романе при жизни воспринимается многими как святой, но при этом у него немало недругов в монашеской среде, полагающих его наставления неуместными, чуть ли не еретическими, а кончина его превращается в почти скандальную историю, предмет всеобщих сплетен, злорадства недоброжелателей и разочарования многих, уверенных в святости старца, – все обеспокоены исходящим от тела «тлетворным духом», и даже в душе Алеши поднимаются «бунт» и горечь. Достоевский разграничивает веру и наивное ожидание «знамения» (которого не случилось, из чего многие делают однозначный вывод – старец вовсе не был таким уж праведным)¹. Для Алеши это становится испытанием, которое он должен преодолеть, шагом к взрослению.

В отличие от старца Зосимы, занимающего в «Братьях Карамазовых» видное место, о Тихоне из «Бесов» (его прототипом, кстати, считается святитель Тихон Задонский) мы знаем немного, да и глава, в которой он появляется, в окончательном варианте романа оказывается за пределами основного текста². Он эпизодический персонаж романа, хотя и достаточно важный. Тихон кажется пришедшему к нему Ставрогину странным, раздражает его, но одновременно этот загадочный и непонятный для него Тихон проявляет неожиданную зоркость и проницательность. Ставрогина поражает не только необыкновенное проникновение монаха в его самые потаенные и даже самому себе не высказанные мысли, но и сам облик Тихона, его слова о Боге, пронизанные личным опытом. Здесь снова показано, как соприкосновение с таким человеком меняет, хотя бы ненадолго, других людей, как в данном случае происходит со Ставрогиным.

В рассматриваемых нами романах Элиот подобных персонажей – подвижников из собственно религиозной, церковной среды – нет, что само по себе выразительно. И в «Мельнице на Флоссе», и в «Мидлмарче» фигурируют священнослужители – соответственно доктор Кенн и викарий Фербратер. Оба изображены не без симпатии

¹ Интересно, что ровно такие же споры возникли вокруг Зосимы-персонажа и автора романа: некоторые считают, что Достоевскому действительно удался живой образ «идеального христианина», другие усматривают в этом герое расхождение с православным (и даже вообще с христианским) учением (ср., например: [Кравцова, 2006; Фридендер, 1980, с. 17; Волгин, 1980, с. 192–206; Ветловская, 1983, с. 163–178; Белопольский, 1988, с. 39–51]).

² Стоит отметить, что сами «Бесы» были написаны отчасти на основе другого замысла – романа «Житие Великого грешника», от работы над которым Достоевский впоследствии отказался.

– как люди сердечные, участливые, но не без слабостей, обладающие опытом и мудростью, но мудростью скорее житейского свойства. Фербратер явно не стремится к какому-то излишнему аскетизму и в целом выглядит как человек вполне «от мира сего»: благородный, в чем-то самоотверженный (он не делает попытки воспользоваться размовкой Фреда и Мэри Гарт, к которой сам равнодушен), но при этом никак не подвижник. Доктор Кенн из «Мельницы на Флоссе» оказывается одним из тех немногих, кто проявляет сочувствие к Мэгги, нашедшей в себе мужество вернуться после несостоявшегося бегства со Стивенем, более того – он старается ей помочь, устраивает было ее у себя в качестве помощницы по хозяйству. Но упорные пересуды не дают пастору довести свое благородное дело сопротивления молве до конца: он вынужден предложить Мэгги другое место и посоветовать ей уехать из города. Эти персонажи Элиот, при всей их доброте, знают меру состраданию – тогда как ее же герои-«подвижники» ни о какой мере чаще всего не думают.

В романе «Дэниэл Деронда», однако, есть персонаж, роль которого по отношению к главному герою во многом аналогична роли старца Зосимы – духовного наставника Алеши. Это Мордекай, от которого Деронда и получает «в наследство» завет – ехать «на Восток», подобный завету Зосимы Алеше – идти в мир. Функционально образ Мордекай близок образам Зосимы и Тихона у Достоевского: это люди, обладающие непонятной для окружающих пронизательностью и силой воздействия, поскольку их вера неотделима от их существа. Это сообщает им особый статус – «посредников» между земным и небесным, с одной стороны, аутсайдеров в церковно-религиозной среде – с другой.

Пристальный интерес к «псевдо-агиографическому» герою роднит Достоевского и Элиот при всей разности их мировоззренческих и эстетических позиций. Модальность «несостоявшегося жития» или жития «в сослагательном наклонении» типична для творчества и российского романиста, и британской романистки, – именно она заставляет читателя задаваться вопросами: что именно мешает возможности воплотиться в реальность? в чем зерно конфликта между современностью и святостью? Совместимы ли «свидетельствование о вечном» и обживание современной системы социальных координат? Очевидно, что для Достоевского и Элиот социальность в ее предельном понимании переливается в святость, и наоборот, святость воплощается в отношении всепонимания, всепрощения, неограниченной контактности, открытости миру людей. Взаимоперетекание святости и расширенной, альтруистически осознанной социальности оба

писателя изображают с настойчивостью, и этот аспект их творчества исключительно интересен и перспективен для сопоставительного анализа.

Литература

- Антоний Сурожский. Святость // Труды. Книга первая. М., 2014.
- Белопольский В.Н. Достоевский и Шеллинг // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Вып. 8.
- Ветловская В.Е. Pater Seraphicus // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Вып. 5.
- Волгин И.Л. Достоевский и правительственная политика в области просвещения (1881–1917) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Вып. 4.
- Гнюсова И.Ф. Священнослужение в миру: главный герой в романах «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и «Дэниел Деронда» Джордж Элиот // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34).
- Григорьев А.Г. Творчество Ф.М. Достоевского и древнерусская мистико-аскетическая традиция: Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Нил Сорский. М., 2009.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Л., 1984. Т. 30. Кн. I.
- Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 7 тт. с дополнит. восьмым томом. М., 1996. Т. 2.
- Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 тт. Л., 1991. Т. 15.
- Живов В.М. Святость. Краткий словарь агнографических терминов. М., 1994.
- Жирар Р. Критика из подполья. М., 2012.
- Кравцова Т.В. Старец Зосима – «идеальный христианин» Ф.М. Достоевского // Молодежь и Церковь: проблемы и идеи (по материалам первых Свято-Филаретовских чтений). М., 2006.
- Натарзан Е.В. Житийные мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского. Новосибирск, 2000.
- Новикова Т. Агнографические мотивы в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Русский язык за рубежом. 1997. Вып. 1–2.
- Православие. Словарь-справочник. М., 2007.
- Фридлиндер Г.М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Вып. 4.
- Элиот Дж. Мельница на Флоссе. СПб., 2014.
- Элиот Дж. Мидлмарч: картины провинциальной жизни. М., 2016.
- Эпштейн М. Фигура повтора: философ Николай Федоров и его литературные прототипы // Вопросы литературы. 2000. № 6.
- Haight G.S. (ed.). The George Eliot Letters. New Haven; London, 1954.
- Mitchell S.L. Saint Teresa and Dorothea Brooke: The Absent Road to Perfection in Middlemarch // Victorian Newsletter. September 1997. I. 92.
- Staten H. Spirit Becomes Matter: The Brontes, George Eliot, Nietzsche. Edinburgh University Press, 2014.
- Cross J.W. (ed.). George Eliot's Life as Related in her Letters and Journals. New York, 1885. Vol. III.

РАЗИН КАК ЭДИП. К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА В.М. ШУКШИНА

Р.В. Шубин

Ключевые слова: В. Шукшин, образ Разина, миф об Эдипе, слепота, женщины.

Keywords: V. Shukshin, the image of Razin, the myth of Oedipus, blindness, women.

0. Степан Разин, русский разбойник и заступник народа, – этот двойственный образ настолько близок Василию Макаровичу Шукшину, что степень этой близости позволяла ему уверенно возводить свою родословную (а в герменевтическом смысле – реконструировать свое прошлое / память) к участникам крестьянско-казацкого движения XVII века, называть себя «разинцем», искать в художественном образе донского казака образ своего отца, самому жить в долгом и томительном ожидании воплощения в роль Разина. Связь настолько сильная, укрепившаяся через многолетнюю тяжбу Шукшина с Госкино, его запретами и критикой, что как только было получено разрешение на съемки фильма, Василия Макаровича не стало. Не будет лишним заметить, что смерть Шукшина на теплоходе «Дунай» и место пленения Разина в Кагальницком городке, на острове, объединила река Дон, а разъединило около 300 километров, что является мизерным с учетом пройденного писателем пути по стране Советов. При этом оба совершили последнее свое путешествие с Дона в Москву не по своей воле, один – чтобы быть публично четвертованным, а другой – чтобы обрести могилу и покой.

1. Наличие реликтов мифа об Эдипе «художественной антропологии Шукшина» обнаружил Александр Куляпин [Куляпин, 2013, с. 27], что в целом подтверждается герменевтическим, то есть толковательным свойством национальной ментальности, направленным на углубление в слово, в миф. Центральный персонаж шукшинской прозы, носитель авторской амбивалентной субъектности, будучи демиургом, народным предстателем, обладая сверхъестественными возможностями, тем не менее не знает своей судьбы, движется наощупь, пребывает во власти рока, доверяя то своей интуиции, то своим глазам. Это проблема мифологического человека тем не менее преодолевается при помощи самопознания. Как заметил польский исследователь Эдвард Павлак вслед за кинокритиком Владимиром Соловьевым, Шукшин

выступает «следопытом смыслов», его путь во внешнем мире оборачивается познанием и самопознанием [Pawłak, 1981, с. 87, 58].

2.1. Миф об Эдипе в определенной степени является универсальным мифом, в котором обнаруживаются «следы всех базовых концептов человеческого сознания» [Гринцер, 1998, с. 384]. Судьба Эдипа моделирует тип страдающего культурного героя, пребывающего на границе миров, отсюда двойственная оценка его миссии (он спаситель и проклятие Фив) и амбивалентность патоса: страдание как искупление собственной вины и страдание за род человеческий [Гринцер, 1998, с. 390, 392].

Миф об Эдипе в применении к постмифологическому периоду целесообразно разбить на несколько компонентов: 1) «эдипов комплекс», описанный Фрейдом; 2) «эдипов сюжет», разработанный Маргаритой Климовой на материале русской литературы, в его основе лежат мотивы инцеста и отцеубийства [Климова, 2006, с. 62]; 3) «эдипов человек», наделенный такими мотивами культурного героя, как страдание (Гринцер), тирания и позрение (Аверинцев), слепота и самопознание (Топоров). К данной группе можно отнести герменевтический образ Эдипа как дурака и матушкиного сына (Айрапетян).

2.2. В этом плане и Степан Разин в романе «Я пришел дать вам волю» – деятельная, обладающая магическим даром притяжения к себе, умом, силой, но ослепленная гневом и своеволием личность. «Слепота» Разина, безусловно, взята в переносном значении – как неведение, незнание. Тут стоит задаться вопросом: «Чего не видел Разин»? Действуя в строго детерминированном мире, поделенном на своих и чужих, в пределах перепадов от крайностей к крайностям: самоуверенность и сомнения в себе, деспотия и внимание к человеческой личности, казни и милость, – шукшинский герой в принципе не может разглядеть Другого. Пределно упрощая, можно сказать, что в романе доминируют «я» героя и «они», к числу которых относятся как близкие герою люди, так и дальние: враги, царь. Исключение, пожалуй, представляет независимый в воззрениях Матвей Иванов, способный своим «ты» дать оценку атаману. Отсутствие Другого создает ряд подмен в поле зрения героя, о которых мы скажем ниже, более того, драматически окрашивает сам мир романа, в котором создается попытка сохранить единство воли, «связь личности и мира» [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 454].

Рассмотрим различные аспекты Эдипова сюжета в рассказах Шукшина.

3.1. В основу Эдипова комплекса, как известно, легла теория сексуальности Зигмунда Фрейда (конкретнее – теория сексуального вл-

чения сына к матери и ревности к отцу) как определяющей доминанты психологических расстройств и неврозов. В нашем случае трактовка комплекса несколько пересмотрена. Мотив инцеста нигде явно не проявляется у Шукшина, но представлен лишь проспективно и гипотетически. Мотив же ревности во многом подкорректирован биографическими данными писателя: репрессированный в 1933 году отец писателя оставил смутный след в воспоминаниях четырехлетнего мальчика. Поэтому вполне оправданным является усиленное ответственное отношение Василия Макаровича к матери Марии Сергеевне и своей сестре Наталье Макаровне.

Напрашивающимся эдиповым комплексом можно объяснить психологическую завязку в биографическом рассказе «Племянник главбуха», где подросток-тиран возревновал свою одинокую мать к потенциальным женихам. Так, сын, испытывая тягу к «большим сильным мужикам», подсознательно приуготовил для матери роль своей жены, а мать так же непонимающе воспроизводит в нем «мужчину»: *«Плакала и сама не понимала от чего: от радости ли, что сын помаленьку становится мужчиной, от горя ли, что жизнь, кажется, так и пройдет...»* [Шукшин, 1985, т. II, с. 60]. По сути своей, сбежавший от дяди обратно к матери мальчик стал «матушкиным сыночком», но уже не сократовского типа (см. ниже), а эдипова (не знающий своей судьбы Витька «с голубыми девичьими глазами»).

Фигура отсутствующего отца драматически окрашивает характер и судьбу главного героя рассказа «Сураз». В отношениях между матерью и сыном присутствует отец, приобретающий зримую форму в образе сына: Спирька Расторгуев «вылитый отец» и его двойник. А «тайные струны» в душе героя, вызванные лаской (*«Нашел впотьмах голову матери, погладил по жидким теплым волосам. Он, бывало, выпивши ласкал мать»*) [Шукшин, 1985, т. II, с. 60]), о которой как о «сокровенной сердечной работе» пишет В. Ничипоров [Ничипоров, 2009, с. 177], в аспекте мифа об Эдипе, отсылают к драматическому действию рассказа: если можно сказать, что герой узнал свою мать (и ласки не имели сексуального подтекста), то своей пары, за которую он по сюжету принимает чужую жену, он не узнал.

К мифу об Эдипе напрямую отсылает и сюжет с незрячим певцом Ганей («В воскресенье мать-старушка»), в котором можно увидеть сочетание различных психологических и мифологических планов: живший с матерью Эдип коррелятивен живущему с некрасивой, немолодой «супружницей» Матреной (заместительнице матери и жены), словно бы воспользовавшейся слепотой и беспомощностью Гани.

3.2. Главных мотивов Эдипова сюжета – инцеста и отцеубийства – в непосредственном виде у Шукшина, как уже говорилось, нет, но есть различные формы неузнавания, которые в конечном итоге могли бы привести к ним: например, неузнавание братом – брата («Земляки»), матерью – сына и братом – своей сестры (фильм «Калина красная»). На этом фоне показательно взаимное узнавание дочери и отца в рассказе «Приезжий». Отцеубийство происходит в отдаленном смысле в рассказе «Охота жизнь», когда бежавший из тюрьмы зек убивает спасшего его лесника, и при этом именуется на протяжении всего рассказа «отец»: *«Так лучше, отец. Надежней»* [Шукшин, 1985, т. II, с. 214]. Не узнает Разин и того, что, разрубая иконы, он рубит и свою связь с матерью, на что указали другие персонажи: *«Не ее ты ударил! – Он показал на икону. – Свою мать ударил, пес...»* [Шукшин, 1984, т. I, с. 588].

4.1. Основные линии мифа об Эдипе сочетаются в герое романного типа Степане Разине. Связь Разина с героем древнегреческого мифа осуществляется целой системой разнородных указаний, от внешних совпадений до глубинных интерпретаций эстетической формы. И царь Эдип, и донской атаман в определенный момент воспринимаются как спасители и заступники. Оба не знают своей трагической судьбы, а также не имеют представлений о конечных целях своей власти, но идут к ней напролом – через убийства. Прохождение войска Разина в устье реки Волга после персидского похода, а также покорение городов с помощью военной хитрости параллельно воцарению Эдипа в Фивах после посещения Сфинги – в обоих случаях проявляется ум или хитрость героя. По мнению С. Аверинцева, преступление Эдипа ведет его, «хорошего гражданина и человека с благими намерениями», к тирании, к спеси – «ὄβρις лже-божества» [Аверинцев, 1972, с. 99]. Шукшину также важно показать языческие источники силы: Разин молится *«богу своему – могучему, древнему – Волге...»* [Шукшин, 1984, т. I, с. 617]. Но и Разина ведет «социально-революционная» ненависть к царю Алексею Михайловичу (Тишайшему), боярству, богатству, сытости, и на этом пути онтологическая категория воли, определенная как «связь личности и мира» [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 454], заменяется своеволием, а свободолюбие – деспотией, эгоцентризмом. Так, Разин, зарубивший казака Куприяна за то, что тот привез плохие вести, радикализирует гонения, которым подвергся прорицатель Тиресий. Изгнание Эдипа из Фив его сыновьями параллельно пленению Разина его соратниками (во главе которых стоял крестный отец Корней Яковлев) – с этого мотива, отраженного в раннем рассказе «Стенька Ра-

зин», собственно, и начинается большая тема образа Разина в творчестве Шукшина.

4.2. Попутно отметим и фрейдовский аспект мифа. Приравнивая Степана Разина в расшатывании «бородатой, разопревшей в бане лесовой Руси» к сыну Алексея Михайловича Петру Первому, Шукшин наделяет разинский бунт против царя=отца личными мотивами, ориентирующими на эдипов комплекс. Смещение царя с трона («*Вот тебе, великий!...*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 641]) видится Разину во сне, в забытии, то есть подсознательно. В этом и заключается, по нашему мнению, авторская позиция Шукшина, который как бы мстит за неоправданное «величие» и упрекает русского царя, «фигуру заведомо среднюю, унылую», в том, что он оказался слишком «Тишайший», не был «личностью яркой, неповторимой» и «не дотянул до великана» [Шукшин, 1984, т. I, с. 569]. Скорее всего, у Разина мотивы были иными.

4.3. Женщина. Но и сопоставимый со спесью (ὕβρις)¹ Эдипа болезненный гнев Разина, излучаемый его глазами и обликом, также предполагает наличие страшной тайны. Версий мстительности Разина и его загадочной «болести» выдвигается несколько: от мести за старшего брата, казненного на его глазах, до «надорванного» от жалости ко всем людям сердца. Но есть и более подходящая мифу причина: некий исходный грех, в котором Шукшин заставляет Разина исповедаться Фролу. Подобно Эдипу до воцарения, в своем мирном прошлом Разин совершил «большой грех»: зарубил старого мужа и его молодую жену, «поманившую» его. Шукшин подчеркивает: этот разинский грех может пересилить всю тягу к правде, он может повлиять и на будущее: «*Бабу зарубить – большой грех. Можно зашибить кулаком, утопить... Но срубить саблей – грех. Как ребенка приспать. Оттого и мучился Степан, и молился, и злился. До сей поры об этом никто не знал, только Фрол. Тем тяжелей была Степану его измена. Грех молодости может всплыть и навредить*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 513].

Но в грехе убийства скрыт другой, кровосмесительный грех, намекающий на связь с мифом: убитая Аганька была собственно невесткой старика, а после смерти сына стала «и за хозяйку, и за жену сильного старика» [Шукшин, 1984, т. I, с. 511]. Тяжесть эдипова греха Разин перекладывает на других, поэтому, оправдывая себя («Степан слегка все-таки щадил свою совесть»), он предполагает, что и Аганька, и ее свекор-муж изначально «убить хотели» его, для этого и заманили.

¹ Ср. другие значения данного слова: «ὕβρις 1) наглость, нахальство, дерзость, грубость, глумление; 2) бесчинство, насилие, оскорбление; 3) (о животных) строптивость, горячность; 4) ущерб, вред» [Дворецкий, 1958, с. 1659].

На самом деле здесь тщательно скрывается эротическая подоплека: «молодая ядерная кровь заиграла в ней», «баба огромная, красивая и приветливая» [Шукшин, 1984, т. I, с. 511].

Этот «грех молодости» дает о себе знать в сцене убийства Разиным персидской княжны. Для В. Шукшина беспричинность поступка Разина также составляет загадку. Но следы убийства женщины можно обнаружить во всем тексте, и ведут они к так называемому женскому вопросу в судьбе мифологического героя Эдипа. Интересно, что в одном из снов Степан проникается жалостью к живой княжне (видимо, воскресшей), но ее тут же зарубил «хитрый» Фрол Минаев [Шукшин, 1984, т. I, с. 618] – человек, не захотевший делить со Степаном его судьбу. В этом сне, как и в случае с Аганькой, происходит переложение вины на других, а эротическое влечение к женщине вытесняется концепцией ее вины. Получается, таким образом, что женщины, окружающие Разина, им не узнаны в полной степени. Он не хочет признаваться в своих слабостях, а продолжает считать, что они обладают виной перед ним.

4.4. Страдание. Как уже было сказано, страдание культурного героя двойственно: за личную вину и за людей. Идея страдания-искупления возникает под влиянием поздних восточных традиций и мистериальных культов [Гринцер, 1998, с. 392]. Так же смешанно концептуализируется и теневая сторона образа донского казака. Личная вина жестокого атамана не конкретизирована, однако болезненные припадки, свидетельствующие о муках совести, достигают своего апогея в желании атамана обезглавить самого себя. *«Не могу больше: грех замучает. Змеи сосать будут – не помру. Срубите! <...> Подальше оттолкните потом, – посоветовал. – А то прибьет волной»* [Шукшин, 1984, т. I, с. 616]. Надо сказать, мотив срубленной головы достаточно часто появляется у Шукшина [Глушаков, 2012]. По нашему мнению, этот мотив связан с состоянием крайнего эгоцентризма, или самости, по Юнгу, не различающей себя и *другого*: нереализованное желание убить себя затем переходит в убийство другого (ситуация Губошлепа, от злости кусающего себя, но убивающего Егора Прокудина).

Что касается других людей, то в их отношении разинские чувства более артикулированы. *«Веришь, нет: мне за людей совестно, что они измывательство над собой терпят. То жалко их, а то – прямо избил бы всех в кровь, дураков»* [Шукшин, 1984, т. I, с. 519]. Очевидно, что Разин не отличает жалости от сострадания и склонен смешивать жалость и злость; злость вообще для Шукшина социальна и коммуникативна. Сходным образом думает и другой «гуманист» – рязанский мещанин Матвей Иванов: *«А то ведь руки чешутся тоже – тоже бы*

кому в зубы сунуть. Злюсь тоже. Прямо мука, истинный Христос. И не уйдешь от их никуда, от людей-то, и на их глядеть – сердце разрывается: горе горькое воет» [Шукшин, 1984, т. I, с. 545]. Однако при всей разнице идейного плана между мифом и романом, Эдипа и Разина объединяет в этом случае спесивое, горделивое отношение культурных героев (в том числе и Прометея) к несовершенным людям, людям-дуракам, обреченным на унижение и глупость.

4.5. Зрение–слепота. Зрячий Эдип и Разин видят, но не знают, ослепший Эдип «во мраке физической слепоты ищет иную мудрость – мудрость-самопознание» [Гринцер, 1998, с. 98]. Если в трагедии Софокла конечное знание выражается хором, то за Разина знают и говорят другие персонажи. Стырь, Фрол Минаев, Матвей Иванов, Корней Яковлев, каждого из них Разин пытается своими вопросами и каждый из них высказывает определенную «правду» о Разине. Вглядываясь в других, Разин пытается угадать себя – он сам для себя является самой большой загадкой. Причем загадки он не отгадывает, а задает: «Загадки загадываешь, атаман, а ответ не знаешь» [Шукшин, 1984, т. I, с. 540]. Разгадавший загадку Свинги, Эдип не разгадал загадку о себе; по мнению В. Топорова, полный ответ на загадку Сфинги должен быть: «не просто человек, а я сам, Эдип» [Топоров, 1977, с. 258].

На этом фоне объясняется особенная прозорливость и внимательность шукшинского героя к чужому лицу: он умеет читать в лицах, ни одно движение мускула лица не может укрыться от его в буквальном слове всевидящего ока. Но в этой зоркости заключается сила и одновременно ограниченность всевидения: знание атамана держится исключительно на зрении и в самопознание не перерастает, наедине с самим собой Разин превращался в беспомощное существо. Так, он не может понять себя, прозреть роль женщины рядом с ним. Очевидна аналогия с Эдипом: зоркий Разин был слеп в отношении к себе, в плане самосознания. Показателен здесь взгляд назад: отвернувшийся, обернувшийся, «смотрящий назад» (ср. Эпитемей «Задний ум») Разин лишь смутно прозревал свой крах: «Он видел, он догадывался: дело, которое он взгромоздил на крови, часто невинной, дело – только **отвернешься** – рушится. Рассыпается прахом. Ничего прочного **за спиной**» [Шукшин, 1984, т. I, с. 616]. В герменевтике Айрапетяна с именем Эпитемея связывается «возвращение к изначальной целостности», русское «возвратное развитие», рост как движение на месте, противопоставленные европейскому «безоглядному прогрессу» и коммунистическому «Впе-

ред!» [Айрапетян, 2011, в524, д5462]¹. Разин – можно сказать, в редкий проблеск «заднего ума», – видел «за собой», что «дело рушится», в то время как то, что он сам является субъектом кровавого дела, не видел.

4.6. «Познать свой род». Говоря о второй загадке, которую отгадал Эдип, – зловещей загадке своего рода, В.Н. Топоров отмечает: «оказалось, что *узнать* – значит *познать свой род*, подобно тому, как *родить* означает *узнать, открыть* – в соответствии с этимологией этих слов и глубинной семантической мотивировкой» [Топоров 1977, с. 249]. Это «на уровне игры звуков и смыслов... (γένοιτο : γένος)... узнавание обернулось самопознанием, о котором говорят и надпись на стене дельфийского храма Аполлона, и Сократ платоновской Аполонии» [Топоров, 1977, с. 258].

Казалось бы, такого сильного прозрения и раскаяния, как у Эдипа, в жизни Разина не происходит. И между тем Разин пытается навести связь со своим родом, прежде всего ориентируясь на воинственную мужскую линию – отца и старшего брата. Но и в этой памяти рода была закономерность, выраженная казаком Стырем и уводящая к образу Эдипа: только убитый человек имеет цену. Это утверждение делает Разина косвенным виновником смерти своих друзей. Ср: «*Но мысль эта – что он не жалеет товарищей, а жалеет, только когда их убьют, – эта колючая мысль застряла занозой*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 367]. В словах Стыря эта мысль приобретает евангельский подтекст: «*Ты только об мертвых сокрушаешься! <...> Что потом кости-то жалеть? Ты лучше меня живого приветь*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 366] – и аллюзию на слова Христа «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8:21). Важно и то, что память о брате Иване Разин был казнен в польском походе, по сути, за дезертирство: «*Весь проступок казаков был в том, что они – по осени – послали горделивого князя Долгорукого к такой-то матери, развернулись и пошли назад – домой: зимой казаки не воевали*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 363].

Младший же брат Фрол, «материн сын, Черток», отсылает к женской линии рода, оставшейся явно недооцененной и не признанной. Матери отведена пассивная роль, напоминающая роль матери Остапа и Андрия в гоголевской повести «Тарас Бульба»: «больше всего на свете боялась войны, а жила с воином и воинов рожала» [Шукшин, 1984, т. I, с. 461]. Между тем женская линия не составляет для него определяющих критериев поведения, но лишь обслуживает эгоцентризм героя.

¹ В силу того, что данное исследование по форме состоит из ризоматической сети комментариев, вместо страниц указан буквенно-цифровой номер фрагмента.

Чего не видит Разин (подобно Эдипу в браке с Иокастой), так это мнимой подлинности своего рода, не замечает, что настоящая его семья *неродная*: «*И не чувствует, как хлопочут над ним два родных человека: крестная мать и жена*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 496]. На поверку оказывается: мать – это тетя по матери, Матрена Говоруха, материнскую любовь подменившая заговариванием и словом; невенчанная жена Алена – на самом деле чужая жена, отбитая из татарского плена, а мальчик Афонька – пасынок, полукровка. Эпизод с уговариванием Степана (от сползания в войну с Москвой) обнаруживает двойственность оценки: с одной стороны, Алена хотела «*удержать Степана возле себя, для себя, для счастливой, спокойной жизни*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 477]; с другой стороны, она пошла на двусмысленный «сговор» с крестным отцом Степана Корнеем Яковлевым, выступившим в конце концов инициатором пленения Степана. Поэтому неудивительно, что Разин в Алене и ее «огромной, всепожирающей любви» не узнает материнской любви.

Говоря о жестокости Разина, Шукшин обращает внимание на то, что и «*Христос был очень жестокий человек. Когда я впервые прочитал, что он своей матери сказал: а что у нас общего, – то, в сущности, он же оттолкнул ее*» [Шукшин, 2010, с. 745]. Так же отталкивает Христос и память о роде в процитированных выше словах из Евангелия от Матфея. Евангельские слова укладываются в шукшинскую концепцию революционной личности, во имя дела отказавшейся от семьи. Но Шукшин в последние годы жизни явно обозначил иной поворот: к фольклорному аспекту «слез и жалости», как пишет Анатолий Дуров, в котором возникает образ матери, спасающей от «всесветного бардака» [Durov, 1997, s. 220], мотив «*всеобъемлющей, спокойной доброжелательности, какая бывает у мудрых стариков*» [Шукшин, 1985, т. II, с. 195]. «*Мать – самое уважаемое, что ни есть в жизни, самое родное – вся состоит из жалости, – программно декларирует автор в рассказе «Боря». – <...> Оставь ей все, а отними жалость, и жизнь в три недели превратится во всесветный бардак*» [Шукшин, 1985, т. II, с. 194].

В романе заметно наложение этих двух концепций: убивая женщин и детей, Разин остается в семейственном ореоле и со своими женщинами не порывает. Однако мать не препятствует насилию, поскольку оказалась «заговоренной», подмененной сестрой Говорухой, а материн голос в жене Алене не был узнан. В «огнедышащей прозе», как назвал Шукшин свой роман о чудовищном человеке, логика развития действия показывает, что родовое начало, представленное женской линией (мать и жена), оказалось неузнанным и в силу этого подменен-

ным, а в итоге правда рода подавлена эксцентричным, ничем не уравновешенным мужским эгоцентризмом.

5.1. В русской герменевтике В. Айрапетяна личностный тип Эдипа противопоставлен Сократу: Эдип и Сократ – два разных интеллекта, две разные личности: архаично-соборная и прогрессивно-индивидуальная, два дурака: «незнающий знайка, мнимый дурак» и «знающий незнайка, мнимый мудрец» [Айрапетян, 2011, б14134, д52112], и два матушкиных сына.

Во фрагменте «Три прозвища мужчины» русский герменевт пишет: «“Трижды человек дивен бывает: родится, женится, умирает”, таким дивным человеком-мужиной стал для нас Сократ, послушный сын строгой повитухи Фенареты, добродушно терпеливый муж сварливой Ксантиппы, готовый к исцелительнице смерти герой платоновых *Апологии Сократа*, *Критона* и *Федона* и даже школьного силлогизма» [Айрапетян, 2011, б14131].

На фоне матушкиного сына Сократа Эдип стал сыном-мужем по неволе, овладев матерью и Фивами и принеся им несчастья, а свою связь с матерью-родом реализовал натуральным образом. Эдип, «весь бессознательное», бездумно доверяется пророчествам, Сократ, «весь здравомыслящее (само)сознание», создает майевтику – «возвышает повивальное искусство своей матери до мужской диалектики» [Айрапетян, 2011, д52112], позволяющей путем вопросов и ответов самому прийти к истине. Путь толкователя – путь Сократа, Эдип же, незнайка, – вопрошатель других.

Что касается шукшинского Разина, то его связь с образом Эдипа в этом плане представляется сильнее. Женское окружение Степана также значимо: мать, оставшаяся в прошлом, представлена своей сестрой, которая подменяет любовь ворожкой; жена, обладая «огромной» любовью, не в состоянии остановить войну Степана с царем. Но эти женщины не могут также остановить Степана Разина от казни женщин и детей, от преступления против родового закона. Добавим сюда и третью женщину, реконструированную из процитированной поговорки: смерть в образе женщины. На нее достаточно прозрачно намекает казачья песня в начале романа: «*Ты скажи: твой сын жениться захотел, В чистом поле положил-то я его, Обнимает поле чистое теперь...*» [Шукшин, 1984, т. I, с. 331]. Именно к ней, женщине-смерти, Разин неудержимо движется от матери-рода через трупы своих друзей и женщин.

6. Итак, очевидно, что, наделяя исторический образ Разина психологическими мотивировками, создавая образ личности, убивающей, но чувствующей, действующей во имя правды, но также из глубинных,

подсознательных побуждений, Василий Макарович Шукшин плотно подходит к мифологической основе культуры, и национальной, и мировой. В этом плане тип героя, который *не знает*, к чему приведет его дело, но в то же время *ищет причину внутри себя*, окруженный не только простыми друзьями и хитрыми врагами, но и женщинами, близкими к родовому знанию, приближается к культурному герою Эдипу и его драме. Углубляя анализ, мы показали, что отдельные мифологические мотивы, входящие в миф об Эдипе и его общепризнанные интерпретации, способны сложить целостный образ Разина как Эдипа. Это, в свою очередь, обогащает мифологический контекст неординарного исторического персонажа, ставшего, по словам Д.С. Лихачева, одним из выразителей «свободы личности» русского человека [Лихачев, 1990, с. 4].

Литература

- Аверинцев С.С. К истолкованию символики мифа о Эдипе // Античность и современность: К 80-летию Ф.А. Петровского. М., 1972.
- Айрапетян В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. М., 2011.
- Глушаков П. О текстологии и поэтике В. Шукшина // Текстологический Временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2012. Кн. 2
- Гринцер В.П. Миф о страдающем герое. Эдип и его мифологическая история // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.
- Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. II.
- Климова М.Н. К истории «Эдипова сюжета» в русской литературе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 8.
- Куляпин А.И. Миф о настоящем человеке в творчестве В.М. Шукшина // Филология и человек. 2013. № 4.
- Лихачев Д.С. О национальном характер русских // Вопросы философии. 1990. № 4.
- Ничипоров И.Б. Образы матерей в рассказах В. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве. Барнаул, 2009.
- Топоров В.Н. О структуре «Царя Эдипа» Софокла // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. М., 1977.
- Шукшин В. «Надо иметь мужество...» // Шукшин В. Космос, нервная система и шмат сала. М., 2010.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений. В 3-х тт. М., 1985. Т. 2.
- Шукшинская энциклопедия. Барнаул, 2011.
- Durov A. To Cry, Laugh and Understand: Notes of a Russian Folk Culture Researcher after Bachtin // Face to Face. Bachtin in Russia and the West. Sheffield, 1997.
- Pawłak E. Wasilij Szukszyn. Warszawa, 1981.

РАБОТА М.А. БУРАНГУЛОВА СО СКАЗИТЕЛЯМИ И НАД ЭПОСОМ «УРАЛ-БАТЫР»

А.М. Сулейманов, З.С. Аманбаева

Ключевые слова: сэсэн-сказитель, кубаир, иртэк, мифологический эпос, искусство игры на курае.

Keywords: susan-narrator, kubair, irtek, mythological epos, art of playing the kuray.

Каждый народ свой национальный эпос называет по-своему: у русских – былина, украинцев – дума; азербайджанцев, киргизов, татар, узбеков, уйгур – дастан; турков – *destan*; туркмен – *dessan*; саха-якутов – олонхо; казахов, ногайцев – жыр; хакассов – алыптых нымах; карел – руны и т.д. Великий башкирский поэт-просветитель, этнограф, фольклорист и историк М.И. Уметбаев писал: «Старинные песни башкирского народа называются улян (өлән, – *авт.*). Өлән – есть хикаят, то есть эпос... Все башкирские батыры воспеваются в улянах» [Уметбаев, 1984, с. 189-192]. Башкиры, как их ближайшие южные соседи казахи, в отношении и эпосов, и сказок, и легенд, и преданий, а также других жанров повествовательного фольклора раньше также применяли термин «*карһуз*» («*кархуз*») – соответствующий русскому слову «старина». У южных башкир, в частности, у представителей племени Усарган этот термин до сих пор в ходу. После обращения М. Горького на Первом съезде писателей СССР (1934) с призывом изучать национальный фольклор каждого народа, башкирские фольклористы стали отдавать предпочтение термину «эпос».

Башкирский народный эпос-улян (кархуз) дошел до нас в основном в двух формах, за исключением общетюркских дастанов, а также коранического жанра кисса. Основные версии эпических памятников, как «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбузат», «Идукай и Мурадым», «Мэргэн и Маянхылу», «Карас и Акша», «Билал и Дусян», «Ерэнсэ-сэсэн», «Карахакал», «Юлай и Салават», «Баик Айдар-сэсэн» сохранились целиком или преимущественно в поэтической форме, а такие, как «Заятуляк и Хыухылу», «Алпамыша и Барсынхылу», «Кузый-Курпес и Маянхылу» – в прозе, лишь некоторые перемешиваются со стихотворными куплетами. Первых принято называть *кубаирами* либо *эпическими кубаирами*, вторых – *иртэками*. Отметим, что сказители целиком и полностью могут повествовать не только иртэк, но и эпический кубаир. Исходя из этого и, в целом, современного состояния башкирского эпоса, А.Н. Киреев полагал, что прозаическая форма эпоса изначально

предшествует поэтической [Киреев, 1971, с. 51], а его ученик С.А. Галин писал, что, по его мнению, «стихотворная форма башкирского эпоса древнее смешанной и прозаической форм. Здесь необходимо помнить о том, что уровень развития литературы и искусства может и не соответствовать уровню развития общества» [Галин, 2004, с. 7]. Мы тоже придерживаемся этого взгляда. Не вдаваясь в историю возникновения языка, отметим лишь, что наши далекие предки, изображая, хотя и очень абстрактно, на скалах, на земле фигуры зверей или создавая зооморфные скульптурные портреты объектов своей охоты, учились охотничьему делу. Если брошенные на них камни или копья попадали в цель, то они радовались «победе», хором издавая различные звуки под ритмичные веселые прыжки. Эти звуки становились зачатками ритмически организованных слов, поэтической речи, в том числе и эпического характера. Поэтому правомерно применение термина «кубаир» или «эпический кубаир» в отношении всего эпического репертуара башкир, несмотря на то, что сегодня известны тексты не только в поэтической, но и в прозаической форме, а также тексты, представляющие собой смесь прозы и стихов, то есть «иртэки», которые возникли со временем в результате разрушения кубаира по объективным и субъективным причинам. Однако при этом надо учесть то, что помимо поэтического эпоса кубаиром принято называть одические и дидактические бессюжетные стихи, которые относятся к народной лирике. Учитывая современное состояние форм бытования национального эпоса, те сюжеты, которые сохранились полностью или частично в поэтической форме, мы правомерно отнести в одну жанровую разновидность эпического кубаира, в отношении к которым, считаем, применим термин «собственно кубаиры», а термин «иртэк» – в отношении текстов в прозе.

Самым ярким примером из древнейших башкирских мифологических эпосов, дошедших до нас и относящихся к жанровой разновидности собственно кубаир, является «Урал-батыр». Его многочисленные версии и варианты дошли до нас, то в виде отрывков, то – в сжатых сюжетах. Интересно то, что подобные примеры встречаются зачастую в форме контаминации или интертекста, включенных в состав сюжета других эпических памятников [Сулейманов, 2013, № 2, с. 55–82]. Наглядным примером тому являются сжатые пересказы сюжета двух версий «Урал-батыра» старцем Тараулом и Хумай, женщиной-птицей – женой Урал-батыра, персонажами собственно кубаира «Акбузат» [Сулейманов, 2013, № 2, с. 55–57]. А некоторые полноценные самостоятельные эпические сюжеты, как «Идель и Яик», «Акбузат», «Миняй-батыр и царь Шульген» и

«Кунур-буга», в логическом и в хронологическом плане, и идейно-тематическом отношении, и по системе образов образуют продолжение «Урал-батыра» [Сулейманов, 2013, № 3, с. 3–70; № 4, с. 40–82; № 5, с. 18–53]. В последние годы стали известны варианты поэтической версии или сведения о них, среди которых особо выделяются тексты, записанные от сказительницы А.М. Усмановой, родившейся в 1930 году в ауле Утарбаево Хайбуллинского района Башкортостана. Она запомнила содержание оригинального варианта в форме иртэка версии кубаира «Урал-батыр», записанной М.А. Бурангуловым из уст Габит-сэсэна и Хамит-сэсэна. Вариант был рассказан ей отцом Мавламирде Габдельхатовичем Турумтаевым, когда ей было около восьми-девяти лет [Султангареева, 2012, с. 208–244]. Как свидетельствует уроженец аула Абубакирово того же района офицер запаса Биалал Биалалов, в 30-е годы прошлого века сказительница Киньябика Юланова (либо Исянбаева) из аула Верхнее Смаково Маграйского района Башкортостана «отрывками несколько вечеров рассказывала» детям этот кубаир. Позже, когда он ознакомился с содержанием эпоса по публикациям, то понял, что «оказывается, Киньябика-иняй знала [эту версию] почти слово в слово», лишь с некоторыми отклонениями [Биалалов, 2012]. Из книг фольклориста А.Н. Киреева мы узнаем еще об одной прозаической версии «Урал-батыра». Но об этом речь пойдет чуть позже.

И в первой московской публикации сокращенного варианта башкирского народного эпоса «Урал-батыр» в переводе на русский язык, осуществленной И.С. Кычаковым, А.С. Мирбадалевой и А.Х. Хакимовым [ГЭНС, 1975, т. 1, с. 537], и в комментариях других последующих изданий непременно отмечается, что это «сказание записано в 1910 году [будущим] народным сэсэном М. Бурангуловым (1888-1966) от двух сэсэнов-кураистов: Габита из аула Нижнее Идрисово Иткуловской волости Оренбургской губернии (ныне Баймакский район Башкирской АССР) и Хамита из аула Малое (или 2-е) Иткулово той же волости» [БНЭ, 1977, с. 477]. В дальнейших изданиях добавлены их фамилии, уточнены годы жизни. В 1987 году в комментариях к первому изданию этого эпоса на русском языке (поэтический перевод был осуществлен поэтом Газимом Шафиковым) в составе многотомного свода «Башкирское народное творчество» уточнены фамилии этих информантов. Первый сэсэн назван Габитом Аргынбаевым (1856-1921), второй – Хамитом Альмухаметовым (1861-1923) [БНТ, 1987, т. 1, с. 499].

В последующие годы стали известными детали, восполняющие информацию о Габит-сэсэне и Хамит-сэсэне. Они оказались сопле-

менниками, но лишь с той разницей, что первый был выходцем из рода Горного Бурзяна, второй же – представителем рода Степного Бурзяна, это – во-первых; во-вторых, тогда как Хамит-сэсэн и его предки были коренными местными жителями, корни Габит-сэсэн исторически берут свое начало из аула Янхары (Еянхары) – ныне Ново-Субхангулово Бурзянского района Республики Башкортостан, граничащего с Баймакским районом. Его дед по отцу, Аргынбай, чтобы заниматься хлебопашеством, переселился в степной район [Сагитов, 1986, с. 45; Сулейманов, 2015, с. 25]. Именно поэтому в кубаире «Урал-батыр», исполненном им в паре с Хамит-сэсэн, подробно описывается местность в Бурзянском районе, где расположены Шульган-куль – Ыылкысыкканкуля и пещера Шульганташ. В-третьих, сэсэнны были связаны родственными отношениями: Хамит-сэсэн приходился кейәү-зятем Габит-сэсэн, последний же в отношении его был кайнаға¹. Оба могли импровизировать и песни, и лирические кубаиры, а также юмористические и сатирические стихи на любую тему.

Сказители мастерски владели искусством игры на национальном духовом музыкальном инструменте курай, были непременными участниками состязаний кураистов и всегда завоевывали призовые места. Так, например, Габит-сэсэн никому не уступил первенство ни в «Губернаторском байги-конкурсе» в 1912 году, прошедшем в Оренбурге в честь 100-летия Отечественной войны (1812–1814), где самое активное участие принимали 28 башкирских конных полков, ни в конкурсе в 1920 году, организованном Правительством Советского Башкортостана – первой автономной республики в составе Советской России [Бурангулов, 1995, с. 101].

Габит Аргынбаев и Хамит Альмухаметов были не только сэсэнными-исполнителями, но и сэсэнными-созидателями, импровизаторами [Сулейманов, 2015, с. 25-36]. Например, лирические стихи первого «Баит о курае» и «Баит о Хакмаре», юмористические «Приключения охотника», «Колкие слова» вошли в «Антологию башкирской поэзии» и «Антологию литературы тюрков, не входящих в Турцию» [Антология, 2001, т. 1, с. 253; TDTEA, 2004, с. 262-263].

М.А. Бурангулов не раз посещал этих сэсэннов на их родине. По словам местных жителей, в том числе правнучки Габита-сэсэн – Салимы-апай Альмухаметовой и местного краеведа Давлетбая Ибрагимова, заслуженного учителя Республики Башкортостан, относительно

¹ Кайнаға – так у башкир зять обращаются к старшему брату своей жены, а сноха (килен) – к брату своего мужа.

приезда Мухаметши-сэсэн в гости к старому знакомому Габиту-сэсэну, Хамит-сэсэн не раз приглашал их в свою яйляу-летовку, находящуюся вблизи аула 2-й Иткул и поныне называемую Хэмит йэйлэуе – Летовкой Хамита. По башкирскому народному обычаю в честь этих трех великих сэсэнов благородные баймаковцы установили памятную стелу. Потому что, по их словам, здесь из уст двух сэсэнов-родственников третий сэсэн М.А. Бурангулов записывал ряд кубаиров, в том числе какую-то часть эпоса «Урал-батыр»¹.

Почему «к старому знакомому» и «какую-то часть эпоса “Урал-батыр”»? Дело в том, что М.А. Бурангулов был знаком с Габит-сэсэном еще задолго до того, как записал от него эпос «Урал-батыр». Об этом мы узнаем из его заявления к секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову (1962 год), где есть такие слова: «Я фольклорист, с 1905 года начал собирать фольклорный материал и обрабатывать его» [НА, 1962, ф. 25, оп. 1, № 6, с. 33-84; Сулейманов, 2015, с. 196], а также из его очерка «Габит-сэсэн». В последнем он сообщил: «Впервые с ним (Габит-сэсэном. – *авт.*) я познакомился в 1907 году» [Бурангулов, 1995, с. 101]. Потом состоялась серия их встреч. В том же очерке М.А. Бурангулов об этом поведал следующим образом: «После этого (то есть 1907 года. – *авт.*) встречался я с Габит-сэсэном в 1910-1912 годах два раза в Оренбурге. [И мы] по десять дней провели вместе. [Я] прожил у него самого в 1918 году – пятнадцать дней, в 1920 году – четыре месяца» [Бурангулов, 1995, с. 102].

Из автобиографии М.А. Бурангулова, хранящейся в научном архиве УНЦ РАН, известно, что после окончания русской начальной школы в ауле Юлдаш, в 1901 году он поступил учиться в медресе в слободе Каргалы. С 1903 по 1906 год был на заработках в Казахстане, где работал и официантом, и мельником, а затем обучал казахских детей, в 1910-1911 годах учился в знаменитом медресе «Хусаиния» в городе Оренбурге [НА, 1930, ф. 25, оп. 1; Баимов, 1995, с. 4-14].

Все это время – находясь у казахов, а также, будучи шакирдом-учеником медресе – М.А. Бурангулов собирал фольклор. Сбором народного творчества он продолжал заниматься и позже, в период своего участия летом 1907–1908 годов в кампании дополнительной переписи населения среди башкир [НА, 1930, ф. 25, оп. 1]. М.А. Бурангулов никогда не конкретизировал когда, где и что записал. Ограничивался только информацией о том, что «это (Габит. – *авт.*) – сэсэн, рассказавший (“һөйләп биргән”. – *авт.*) “Урал”,

¹По данным фольклорной практики студентов Башкирского государственного университета 2000 года под руководством А.М. Сулейманова.

“Идел и Яик”, “Акбузат”, “Хары-мулла”, “Кусяк-би”, “Тамъян”, “Батырша”, “Карахакал”, “Салават” (последний нам известен под названием “Юлай и Салават”. – *авт.*) и многие другие эпосы, многие легенды и песни» [Бурангулов, 1995, с. 102]. Заметим, что тексты из перечисленных выше эпосов «Идел и Яик», «Хары-мулла», «Кусяк-би», «Тамъян» до нас не дошли. Возможно, они бесследно исчезли во время обыска на квартире Бурангуловых либо во время конфискации их имущества, когда по политическим соображениям его арестовали и отправили на десять лет в ГУЛАГ (1950 год).

Можно допустить и такое предположение: возможно, М.А. Бурангулов по каким либо причинам не смог записать все эпосы сразу во время исполнения их Габит-сэсэн, он мог ограничиться лишь слушанием некоторых из них, в том числе вышеназванных четырех эпосов, которые могли быть восстановлены им по памяти позже. Не зря ведь, перечисляя названия эпосов, он не употребил слово «записывал», а только сказал: «это (Габит. – *авт.*) – сэсэн, рассказавший...». Какие произведения имел в виду М.А. Бурангулов, выражаясь «рассказавший <...> и многие другие эпосы»? Этот вопрос тоже остается без ответа.

Примечательно и то, что, упоминая в списке эпосов кубаир об Урал-батыре, М.А. Бурангулов его особо не выделил. Более того, архивный вариант этого произведения, отпечатанный в конце 30-х и в начале 40-х годов прошлого столетия под названием «Урал-батыр» на машинке с латинскими буквами, содержал ряд орфографических и лексических ошибок, а также лакун. В своем очерке М.А. Бурангулов назвал его просто «Урал». Может быть, этот очерк был написан им раньше, чем текст самого эпоса? В заявлении, адресованном Первому секретарю КПСС Н.С. Хрущеву (1962 год), он назвал его «эпос “Урал батыры”» («Богатырь Урала») [НА, 1962, ф. 56, оп. 1, № 4, с. 29], а в автобиографии, приложенной к заявлению Союза советских писателей БАССР, написанной в 1956 году, есть такая строка: «В настоящее время работаю над продолжением этой поэмы (имеется в виду “Кубаиры” в 2000 строк, находящейся, по словам М.А. Бурангулова, в Башкнигоиздате. – *авт.*) и героическим эпосом “Урал-батыр”» (выделено нами. – *авт.*) [НА, 1956, ф. 25, ол. 1, ед. хр. 58].

Что касается вопроса фиксации эпоса «Урал-батыр», то мы полагаем, что невозможно было исполнить его, тем более продиктовать фольклористу, вооруженному лишь карандашом или пером с тетрадь, за один-два присеста. Возможно, М.А. Бурангулов записывал его в течение нескольких сеансов с 1907 вплоть до 1920 года включительно. Он не прекращал работать над текстом кубаира и после того, как он

был отпечатан на машинке и выверен им. Очевидно, что эта работа была возобновлена им и после своего досрочного освобождения из заключения в 1956 году. В этом плане много значат откровения из его известной автобиографии, написанной в 1946 году. Слова, на которые мы сослались выше, он повторяет и в новой редакции автобиографии (1956 год), приложенной к заявлению в правление Союза писателей БАССР. Там же он делится и такой информацией: «Из своего архивного материала мною составлен героический эпос о башкирском батыре (Карахакал, Мэргэн, Акбузат, Салават) в объеме 10 п.л.» В вышеупомянутом заявлении в адрес Н.С. Хрущева, М.А. Бурангулов позволил себе сказать: «<...> эпос “Урал батыры” (“Богатырь Урала”¹), <...> написанный мною». Однако подобные выражения как: «*работаю <...> над героическим эпосом “Урал-батыр”*», «*мною составлен героический эпос о башкирском батыре*», «<...> эпос “Урал батыры” (“Богатырь Урала”», <...> написанный мною» нельзя понимать в буквальном смысле. Эти выражения он употребил для привлечения внимания руководителей и чиновников к проблеме плагиата. Дело в том, что некоторые его бывшие коллеги по писательскому цеху начали переиначивать тексты эпоса, представленные им для хранения в Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы им. М. Гафури. По этому поводу А.Н. Киреев, в частности, писал, что помимо версии «Урал-батыра», сюжет которого «впервые записан в Оренбургской области (вернее, губернии. – авт.) от сэсна Габитова (?) М. Бурангуловым в форме иртэка, имеют хождение и варианты, составленные некоторыми писателями и учеными» [Киреев, 1981, с. 65]. Это – во-первых. Во-вторых, по нашему мнению, используя эти выражения, он имел в виду обработку записанного им фольклорного материала в пределах установленных традиционных правил. Кстати, об этом он сам писал в заявлении, адресованном в 1962 году секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову: «*Я как фольклорист с 1905 года начал собирать фольклорный материал и **обрабатывать** его*” (выделено нами. – авт.). На проблему, о которой идет речь, проливают свет и такие слова собирателя М.А. Бурангулова из письма в правление СП БАССР: «Из своего архивного материала мною составлен героический эпос о башкирском богатыре (Карахакал, Мэргэн, Акбузат, Салават) в объеме 10 п.л. и увидел свет в 1947 году. (Автор письма допустил опечатку. Речь идет о книге «Богатырские эпосы», изданной в 1943 году, что послужило причиной для резкой ее критики в Постановлении ЦК

¹В выдержках из личных документов М.А. Бурангулова, хранящихся в научном архиве УНЦ РАН, орфография и пунктуация даются по оригиналу.

ВКП(б), а впоследствии ссылки его самого в ГУЛАГ. – *авт.*). Мною были собраны материалы эпоса “Идукай и Мурадым” в двух вариантах (вернее версиях. – *авт.*), которые были опубликованы в 1940 году в разных номерах газеты “Кызыл Башкортостан” и в журнале “Октябрь” (Уфа. – *авт.*)» [НА, 1956, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 58]. Хотя здесь эпос «Урал-батыр» и не упоминается, нетрудно догадаться, как работал М.А. Бурангулов в качестве собирателя фольклора над этим эпосом, как был «записан», «составлен», «обработан» текст произведения.

В то же время нельзя забывать и другую истину. М.А. Бурангулов сам тоже был известным и даже официально признанным народным сказителем сэсэн БАСССР. Это почетное звание было присвоено ему Президиумом Верховного Совета БАСССР еще в 1944 году. Как и Габит-сэсэн Аргынбаев и Хамит-сэсэн Альмухаметов, М.А. Бурангулов тоже обладал искусством и сээсна-исполнителя, и сээсна-созидателя. Поэтому и при желании невозможно отрицать тот факт, что, как и в иных эпосах, прошедших через его руки, в кубаире «Урал-батыр» легко заметить чисто бурангуловское авторское начало, отразившееся как в стиле повествования, так и в его художественном мастерстве. А признанному сээсэну разрешены подобные вольности. Поэтому оспаривать его творческую работу над сюжетом кубаира «Урал-батыр» считаем занятием непродуктивным. Если же мы будем отрицать подлинность кубаира «Урал-батыр», то надо отрицать и всемирно известные эпосы «Калевалу» карело-финнов и «Калевипозга» эстонцев, а также “Лачплесис» латышей. А ведь они были созданы с учетом отсутствия национального эпоса этих народов совершенно, так сказать, на пустом месте. Они были созданы путем объединения национальных рун: первый – в XIX веке фольклористом Элиасом Ленротом, второй – Фридрихом Робертом Фельманом (1798-1850) и Фридрихом Рейнгольдом Крейцвальдом (1803-1882), третий национальным поэтом Латвии XIX века Андреем Пумпуром [Петросян, 1982, с. 84–87]. Ныне эти три эпоса считаются национальным достоянием каждого из вышеназванных народов. В отличие от них, М.А. Бурангулов не кроил эпос «Урал-батыр» из разрозненных самостоятельных произведений как *сводный текст*, а творчески работал над готовым цельным сюжетом.

Литература

Антология башкирской поэзии: С древнейших времен до конца XX века. Уфа, 2001. (На башкирском яз.).

Баимов Б.С. Завещание сээсна // Бурангулов М.А. Завещание сээсна. Уфа, 1995. (На башкирском яз.).

- Башкирия в русской литературе. В 6 тт. Уфа, 1989. Т. I.
 Башкирское народное творчество. Уфа, 1989. Т. I.
 Башкирский народный эпос. М., 1977.
 Билалов Б. Основатель родословий // Башкортостан. 2012.12.05. (На башкирском яз.).
 Бурангулов М.А. Завещание сэсна. Уфа, 1995. (На башкирском яз.).
 Галин С.А. Башкирский народный эпос. Уфа, 2004.
 Героический эпос народов СССР. М., 1975. Т. I.
 Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970.
 Киреев А.Н. Башкирское народное устно-поэтическое творчество. Уфа, 1981. (На башкирском яз.).
 Петросян А.А. История народа и его эпос. М., 1982.
 Сагитов М.М. Древние башкирские кубаиры. Уфа, 1987. (На башкирском яз.).
 Сулейманов А.М. Большой «Урал-батыр» // Ватандаш. 2013. № 2. (На башкирском яз.).
 Сулейманов А.М. Большой «Урал-батыр» // Ватандаш. 2013. № 3. (На башкирском яз.).
 Сулейманов А.М. Большой «Урал-батыр» // Ватандаш. 2013. № 4. (На башкирском яз.).
 Сулейманов А.М. Большой «Урал-батыр» // Ватандаш. 2013. № 5. (На башкирском яз.).
 Сулейманов А.М. Эпический кубаир «Урал-батыр». Уфа, 2015. (На башкирском яз.).
 Султангареева Р.А. Башкирское сказительское искусство. Уфа, 2012. (На башкирском яз.).
 Уметбаев М.И. Памятки. Уфа, 1984. (На башкирском яз.).
 Türkiye dİsİldaki türk edebiyalaI antolojisi (Nesir–Nazİm). 29. Baskurt TdebiyatI, I. T.C. Ankara, 2004. (На турецком яз.).

Список сокращений

- БНТ – Башкирское народное творчество.
 БНЭ – Башкирский народный эпос.
 БРЛ – Башкирия в русской литературе.
 ГЭНС – Героический эпос народов СССР.
 ед. хр. – единица хранения.
 НА – Научный архив УНЦ РАН.
 оп. – опись.
 TDTEA – Türkiye dİsİldaki türk edebiyalaI antolojisi.
 УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук.
 фф. – фольклорный фонд.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ АДВЕРБИАЛЬНЫХ КОМПЛИКАТОРОВ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

А.В. Дегальцева

Ключевые слова: синтаксис, семантический синтаксис, адвербиализация, адвербиальные компликатеры.

Keywords: syntax, semantic syntax, adverbialisation, adverbial complicators.

Интерес к семантическому устройству предложения, который особенно активно проявился в лингвистической науке в 80–90-ые годы XX века [Арутюнова, 2009; Богданов, 1977; Золотова, 1982; Кормилицына, 2011; Мурзин, 1982; Тулина, 1976; Шмелева, 1980 и др.], позволил ученым по-новому взглянуть на традиционно понимаемые явления и дополнить наблюдения над формальной структурой предложения сведениями о его семантике. Для описания объективных смыслов, заключенных в предложении, большинство современных исследователей использует термин «пропозиция». Это понятие логики, которое пришло в науку о языке. В лингвистике пропозиция понимается как языковая форма воплощения положения дел в действительности [Арутюнова, 2009; Белошапкова, 1989].

С точки зрения семантики грамматически простое предложение может быть как монопропозитивным (содержащим номинацию одной ситуации), так и полипропозитивным (включающим в свой состав несколько номинаций ситуаций). В полипропозитивном предложении одна из пропозиций, базовая, развернута в субъектно-предикатную структуру, другие же, побочные, существуют в свернутом виде. Дополнительные пропозиции могут быть заключены не только в обязательных компонентах семантической структуры, но и в тех членах,

которые не входят в грамматический и семантический минимум предложения [Кормилицына, 2011]. К подобным единицам, способным усложнять семантическую структуру высказывания, относятся, среди прочих, наречия, а также функционально замещающие их предложно-падежные формы существительных с адвербиальным значением.

Предмет данного исследования – определение статуса наречий, а также функционально замещающих их предложно-падежных форм существительных с адвербиальным значением как усложнителей семантической структуры предложения с точки зрения семантико-синтаксического подхода к анализу предложения с целью уточнения их места в синтаксической системе современного русского языка.

С позиции формального синтаксиса сочетание глагола с наречием или предложно-падежной формой существительного представляет собой не что иное, как словосочетание на основе связи примыкание или управление. Ср.: *быстро бежал / озабоченно смотрел, с силой ударил / с грустью проговорил*. Однако если рассматривать такие сочетания с позиций семантической организации предложения, то можно обнаружить существенные различия в приведенных примерах. В сочетаниях *быстро бежал* и *с силой ударил* обнаруживается тесная смысловая «спаянность» наречия и предложно-падежной формы с глаголом: формирование единой развернутой номинации. Такие сочетания, «образующие грамматическое единство, способные выражать цельное значение и служить обозначением» являются словосочетаниями [Виноградов, 1975, с. 233]. В сочетаниях *озабоченно смотрел* и *с грустью проговорил* грамматически зависимые от глагола словоформы содержат в свернутом виде номинации ситуаций: *он озабочен / ему грустно*. То есть данные сочетания слов заключают в себе пропозицию и функционально сближаются с предложениями, способными именовать целую ситуацию, передавать «сообщение о предметах и явлениях действительности» [Бабайцева, Максимов, 1987, с. 56]. Способность словосочетаний определенных классов выполнять функцию номинации фрагментов действительности подробно описана в работе Т.А. Тулиной «Функциональная типология словосочетаний», где исследователь доказывает, что это свойство функционально и семантически сближает отдельные группы словосочетаний с простым предложением [Тулина, 1976].

Очевидно, что рассмотренные нами в качестве примеров лексемы *озабоченно* и *с грустью*, включаясь в предложение, вносят в него дополнительные смыслы. Такие компоненты, вслед за Г.А. Золотовой и М.А. Кормилицыной [Золотова, 1982; Кормилицына, 2011], мы будем называть компликаторами (усложнителями семантической струк-

туры), конкретнее – с учетом их функционального и грамматического статусов – адвербиальными компликаторами (далее – АК).

Согласно проведенному нами многоаспектному исследованию структуры, семантики и функционирования адвербиальных компликаторов на материале общим объемом около 250000 предикативных единиц, извлеченных из текстов разных функциональных стилей (художественной прозы (ХС), газетной публицистики (ПС), письменных официально-деловых (ОДС) и научных текстов (НС) разных жанров, а также записей разговорной речи (РР)), критериями отнесения синтаксем к АК являются синтаксическая роль и функции в предложении, структурные и словообразовательные особенности словоформы и, наконец, возможность трансформации в самостоятельную предикативную единицу внутри высказывания (последний критерий является следствием ранее перечисленных). Факторами, указывающими на наличие в высказывании АК, могут также служить семантическое рассогласование при сочетании предиката с компликатором; окачествование признака, выражаемого наречием; особенности контекста и под., однако они не являются показательными и достаточными для отнесения синтаксемы к группе АК. В данной работе мы рассмотрим каждый из вышеназванных критериев принадлежности синтаксемы к АК. Следует сразу оговорить, что в целях создания оптимального (для более детального и полного анализа явления) объема фактического материала мы ограничимся только такими единицами, которые не связаны с интонационным и пунктуационным обособлением и передачей полупредикативных (в традиционном понимании) отношений.

С позиций формально-синтаксического подхода АК свойственна синтаксическая функция присловного компонента (обстоятельства образа действия), причем словоформа-компликатор, зависящая от глагола-предиката, не может быть связана с передачей комплетивных отношений. При этом содержательно АК соотносятся не только и не столько с предикатом главной пропозиции, сколько с ее актантами или со всей ситуацией. В первом случае АК качественно характеризуют субъект (его эмоциональное, ментальное, физическое или физиологическое состояние, внешний вид, поведение и особенности характера) или объект базовой пропозиции: – *Детки все еще ходят?* – *спросила Лидия с улыбкой* (ХС); *Главы правительств с озабоченностью отмечают сохраняющийся тревожный рост распространения ВИЧ/СПИД в регионе Балтийского моря и указывают на необходимость принятия неотложных мер* (ОДС); *Она допила кофе, поставила окурком несколько черных точек на блюде, устало подня-*

лась и вошла в комнату (ХС); Так и осталась **скособоченно** стоять газель посередине проезжей части в ожидании горе-водителя (ПС); Полиция Еревана **«вежливо»** разогнала митинг на проспекте Баграмяна (ПС); Снежков встал, **галантно** поклонился <...> (ХС); Он у нас очень быстро и **вкусно** готовит (ПС); А оттуда ей совсем **не близко** было добираться до школы// (РР). Во втором случае АК содержат в себе в свернутом виде не диктумную, а модусную информацию. С их помощью говорящий оценивает названную в базовой позиции ситуацию: **Грабитель глупо** погорел из-за MySpace (ПС); Так, к сожалению, термин «крестьянская война» **необоснованно** исчез со страниц школьных учебников в 90-х годах XX века (НС), а также характеризуют ее с точки зрения достоверности/недостоверности: **С некоторой долей уверенности** можно утверждать, что методологически Л. Витгенштейн и М. Фуко дополняют друг друга <...> (НС); Не изменилось отношение к победителям. И **можно без колебаний** заявить: никогда не изменится (ПС).

Словообразовательные и структурные характеристики также являются одними из критериев отнесения словоформы к АК. По нашему мнению, в состав АК входят следующие единицы:

1) наречия, образованные от:

а) качественных прилагательных: *А я говорю / тебя будут ругать / а ты прямо говори / что я сама сильно / **нахально** залезла / на меня сваливай все // (РР); Мистер Френсис Миллз шел ему навстречу и ничуть не удивлен был, увидев его; как-то **грустно** повел глазами по сторонам <...> (ХС);*

б) относительных прилагательных: *Я шла **бесцельно**, как в детстве, глаза по сторонам <...> (ХС); Исполнитель **бесплатно** исправляет только собственные ошибки в разработанных им конфигурациях, если эта ошибка была обнаружена не позднее двух недель с момента выполнения работы (ОДС); **По-дружески** при встрече Михаил Иосифович мне сказал: «Знаешь, мне дали медаль на форуме» (ПС);*

в) действительных причастий настоящего времени: *Она **пони-мающе** покачала головой, а я удивился тому чувству, которое секунду назад испытал после слов «в наших краях» (ХС); Зайчишку я нашел в спальне возле балкона, и, когда вытаскивал его за уши из-под тумбочки, он уже не кричал от ужаса, а **угрожающе**, почти по-кошачьи, фыркал (ПС);*

г) страдательных причастий настоящего времени: *Бегая между стебельками травянистых растений, она склевывает пауков, гусениц, жуков, а выпугнув из травы какое-нибудь летающее насекомое,*

взлетает вслед за ним и **неутомимо** преследует его, делая в воздухе сложные пируэты (НР); Сам Борис Борисович **невозмутимо** стоял на сцене без привычной за последнее время бороды до пояса, и оттого помолодевший лет на 10 (ПС);

д) страдательных причастий прошедшего времени: Он так смотрит на ее **удивленно** // (РР); Ладно, не хотите нанимать сурдопереводчика, но ведь общаться можно и с помощью карандаша и бумаги, – **озабоченно** замечает Зоя Ивановна (ПС);

е) деепричастий, утративших видовременные и залоговые значения [Валгина, Розенталь, Фомина, 2002]: Дима **молча** проводил его до гостиницы и только тут дал волю своему гневу (ХС); <...> **ряженные** могли **крадучись** завалить снегом чужие ворота <...> (НС); Крайне правые **нехотя** включили народ в православно-самодержавную концепцию власти из вполне прагматичных соображений (НС);

ж) других наречий, если словообразующие суффиксы (форманты) передают ослабленную степень признака или выражают экспрессивность: В трех-четыре шагах от Ланкина стоял Андрей Николаевич <...> и потом **осторожненько** стал отходить (ХС); <...> а та мгновенно оценила обстановку, **надменно-суховато** кивнула Марине (ХС); **Спокойненько** так стоит себе в уголке (РР).

Как видим, в качестве словообразовательной базы наречий, участвующих в процессе адвербиализации, выступают признаковые слова знаменательных частей речи: прилагательные и атрибутивные формы глаголов (причастия и деепричастия), что позволяет адвербиальному комплименту выполнять функцию характеристики человека или ситуации.

2) предложно-падежные формы существительных, представленные:

а) немотивированными существительными, называющими эмоциональные состояния: Так уж устроена загадочная русская душа, что мы часто и с **тоской** смотрим «за бугор» <...> (ПС); <...> он в **ужасе** смотрит / даже не на эту женщину / он смотрит как бы сквозь нее // (РР);

б) деадъективами: Отныне народы Южной Осетии и Абхазии могут с **уверенностью** строить мирное будущее <...> (ОДС); Говоря о культуре, в Перу **не без гордости** часто используют термин «перуанизм» («peruanidad») <...> (ОДС);

в) девербативами: **С сожалением** приходится констатировать, что речь идет о работах, написанных довольно давно, относящихся к 60-80 годам (НС); Экономист не дает интервью, не проводит

встречи и переговоры, касающиеся деятельности предприятия, без разрешения руководства предприятия (ОДС).

Из приведенных примеров легко заметить, что моделями, по которым строятся такие неморфологизованные адвербиальные комплименты, являются: а) «с + тв. падеж сущ.», где существительное входит в лексико-семантическое поле качества. Это специализированная форма выражения вторичного значения существительного: значения качества или «состояния, которым сопровождается какое-либо действие» [Толковый словарь русского языка, 2007, с. 848]; б) «без + род. падеж сущ.», антонимичная по смыслу «с + тв. падеж сущ.» и обозначающая отсутствие состояния или качества, важного, по мнению адресанта, для совершения действия [Золотова, 1988]; в) «не без + род. падеж сущ.» [Ножкина, 1986], указывающая на незначительное проявление качества или свойства и г) «в + предл. падеж сущ.» со значением пребывания субъекта в каком-либо эмоционально-ментальном состоянии [Золотова, 1988].

Как известно, предложение, в отличие от словосочетания, обладает признаками предикативности: модальностью, темпоральностью и персональностью. Безусловно, анализируемые нами АК не обладают специальными механизмами актуализации информации, а называемые ими ситуации связаны с отражением модальности, темпоральности или персональности лишь относительно: через соотношение с предикатом главной пропозиции. Несмотря на это, при разворачивании таких компонентов в предикативные единицы обнаруживается модально-временной план, а в некоторых случаях даже отношение к лицу, не являющемуся субъектом базовой пропозиции. При этом значения модальности, темпоральности и персональности, выраженные в основной пропозиции, могут как совпадать, так и не совпадать с реализацией данных значений в свернутой пропозиции. Кроме того, использование подобных наречий и предложно-падежных форм может приводить к появлению в высказывании дополнительных значений причины, следствия, цели или условия. Обратимся к некоторым примерам.

– *Да замолчи, наконец! – крикнула мать и больно шлепнула ее* (ХС). Рассмотрим семантическую структуру третьей предикативной единицы. В ее диктумном содержании обнаруживаются две пропозиции: основная (базовая) и побочная. Структура базовой пропозиции включает в себя S_1 (мать), P_1 (шлепнула) и Ob (ее). Данная пропозиция называет действие в физической сфере. В структуре побочной пропозиции присутствует S_2 (ей), который является объектом базовой пропозиции, и P_2 (больно), именующий физическое состояние, вы-

званное действием S_1 . По справедливому замечанию Г.А. Золотовой, полиперсональность является маркером полипропозитивности высказывания [Золотова, 1982]. Если говорить о соотношении временных планов действия и состояния, отраженных в главной и побочной пропозициях, то совершенно очевидно, что действие S_1 предшествует состоянию S_2 и, кроме того, каузирует его. Итак, в данной формально простой предикативной единице наблюдается семантическое усложнение: полипропозитивность, сопровождающаяся политемпоральностью и полисубъектностью. Как видим, между главной и побочной пропозициями устанавливаются причинно-следственные отношения.

Рассмотрим другой пример. *Нефтяные бизнесмены примирительно обещают затишье цен на внутреннем рынке нефтепродуктов* (ПС). Глагольный предикат *обещают* называет реальное действие, которое совпадает с моментом речи, тогда как наречие-компликатор, содержащее в себе побочную пропозицию, передает значение намерения или целенаправленности («чтобы разрядить обстановку в стране») и именуется потенциальной ситуацией.

Итак, полиперсональность, политемпоральность или полимодальность, появляющиеся в формально простом предложении при введении в него подобных наречий или предложно-падежных форм существительных, наглядно показывают, что сочетания предиката с ними с позиций семантического синтаксиса нецелесообразно рассматривать в одном ряду с традиционно понимаемыми словосочетаниями, детально описанными в грамматиках. Как и словосочетания, сочетания глаголов с АК отличаются от предложения интонационной и смысловой незавершенностью, следовательно, невозможностью выступать в качестве коммуникативной единицы, а также отсутствием признаков предикативности. В отличие от синтаксических дериватов глагольного предиката, которые обладают признаками полупредикативности (деепричастий и деепричастных оборотов, причастий и причастных оборотов, инфинитивов и деевербатов) [Золотова, 1982], рассматриваемые нами наречия и предложно-падежные формы не имеют таких свойств.

На наш взгляд, сочетания АК с глагольными предикатами следует считать словосочетаниями более высокого порядка на том основании, что их денотатами являются различные реальные и ирреальные ситуации (в широком смысле этого слова), в рамках всего высказывания они способны передавать отношения, близкие к предикативным. Следовательно, такие структуры должны занимать промежуточное положение между номинативными (слово, словоформа и словосочетание) и коммуникативными (предложение) единицами. В

лингвистической литературе последних лет подобным образом уже был определен статус девербативов [Долженко, 2012].

Таким образом, основными критериями отнесения синтаксемы к адвербиальному компликатору являются ее структурно-словообразовательные характеристики, синтаксическая роль и особенности функционирования в высказывании (характеристика всей ситуации или одного из актантов пропозиции).

На наш взгляд, на основании того, что АК содержат в себе в свернутом виде ситуации (действия, состояния, качественные характеристики и т.д.) или их оценку и потенциально – посредством общего с главной пропозицией механизма актуализации информации – способны отражать признаки предикативности и различные значения обусловленности, с позиций семантического синтаксиса сочетания АК с глаголом следует считать особым типом словосочетаний, образующим переходную зону между словосочетанием и простым предложением.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 2009.
- Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3 ч. М., 1987. Ч. 3.
- Белашапкина В.А. Синтаксис // Современный русский язык. М., 1989.
- Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
- Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М., 2002.
- Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975.
- Долженко Н.Г. Структурно-семантическое осложнение простого полипропозитивного предложения с девербативным оборотом // Вестник угроветения. 2012. № 3.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. М., 2011.
- Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь, 1982.
- Ножкина Э.М. Развитие в русском языке функциональных вариантов со значением качества, свойства // Вопросы стилистики. Саратов, 1986. Вып. 21.
- Толковый словарь русского языка (с включением сведений о происхождении слов). М., 2007.
- Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976.
- Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентации в предложении // Вопросы русского языкознания. М., 1980. Вып. 3.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ РАСШИРЕНИЯ ЭПИТЕТА В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

Ключевые слова: эпитет, сравнение, идиолект, поэтика, стиль, Марина Цветаева.

Keywords: epithet, comparison, idiolect, poetics, style, Marina Tsvetaeva.

Настоящая статья посвящена распространению эпитета (эпитетного комплекса / эпифразы, то есть единства эпитета и определяемого субстантива), а именно двум видам такого распространения: повторяющемуся эпитету и эпитету, находящемуся в составе конструкции «существительное с союзом «как» + адъектив». Семантический потенциал и образная составляющая признакового слова пока, на наш взгляд, не получили должного описания в лингвопоэтике, которая заостряет внимание исключительно на сравнении в рамках данной конструкции. На материале творчества М.И. Цветаевой делается попытка показать центральную роль эпитета в образном осмыслении реалии.

Типы распространения эпитета. Нами выявлены следующие основные типы распространенного эпитетного комплекса, зафиксированные в текстах произведений М.И. Цветаевой.

1. Расширение эпитета за счет грамматически зависимых от него слов, в том числе сравнительным оборотом, в составе эпитетного комплекса (187 эпифраз).

1.1. Распространение эпитета причастным оборотом (102 эпифразы).

1.2. Распространение эпитета деепричастным оборотом (23 эпифразы).

1.3. Распространение эпитета – его выражение придаточным предложением (27 эпифраз).

1.4. Распространение эпитета компаративным оборотом (35 эпифраз).

2. Удлинение эпитетного ряда за счет нанизывания эпитетов (122 эпифразы).

2.1. «Парное» объединение эпитетов в составе эпитетного комплекса (59 эпифраз).

2.2. Цепочечный эпитетный ряд (употребление трех и более эпитетов в составе одного эпитетного комплекса) (63 эпифразы).

2.2.1. Антонимические цепочечные эпитеты (48 эпифраз)

2.2.2. Цепочечные эпитеты с функцией уточнения (15 эпифраз).

3. Повтор эпитета (101 эпифраза).

3.1. Повтор эпитета при одном определяемом слове (45 эпифраз).

3.2. Повтор эпитета при разных определяемых словах (56 эпифраз).

4. «Блочный» эпитетный комплекс (146 эпифраз).

4.1. Блочный эпитетный комплекс аппозитивного типа (66 эпифраз).

4.2. Блочный эпитетный комплекс с глагольным компонентом (44 эпифразы).

4.3. Местоименные блочные эпитетные комплексы ситуативной семантики (36 эпифраз).

В статье рассмотрим два типа распространения эпитета в виде повтора признакового слова в различных позициях.

Повтор одной и той же лексической единицы в контактной позиции, или геминация, призван подчеркнуть смысловую значимость данного языкового элемента, его дискурсивный вес. Повтор эпитетов в творчестве М.И. Цветаевой пока исследован недостаточно полно: изучались лишь словообразовательные и синтаксические геминации [Погудина, 2003, Черных, 2003]. Единственным полным исследованием корневого повтора в художественной речи М.И. Цветаевой является работа А.М. Надежкина, в которой, правда, эпитету уделено немного внимания [Надежкин, 2014; 2015].

По нашим данным, активны лексемные повторы эпитетов. Например: *Око зрит – невидимейшую даль, / Сердце зрит – невидимейшую связь... / Ухо пьет – неслыханнейшую молвь...* [Цветаева, 1994, т. 1, с. 120]. Однако нельзя не отметить, что в данном случае двукратный повтор лексемы *невидимейший* является элементом более сложной структуры с повторами и корреляциями разного типа: тройной повтор синтаксической конструкции (подлежащее – сказуемое – прямое дополнение с зависимым от него согласованным определением), корреляция лексического наполнения соотносительных элементов параллельной конструкции (*око – сердце – ухо; зрит – зрит – пьет*).

Повторяющиеся эпитеты представлены в большинстве случаев двумя прилагательными, но изредка встречается и объединение трех или четырех эпитетов, в частности, для выражения интенсивности признака: *Длинный, длинный, длинный, длинный / Путь* [Цветаева, 1994, т. 3, с. 146].

Повтор эпитета усиливает оценку, часто влечет за собой семантическое изменение эпитета, подчас парадоксальность. Структурно это может быть повтор эпитета при одном определяемом субстантиве и повтор эпитета в составе различных эпифраз, то есть при разных

определяемых словах. Рассмотрим каждую из этих разновидностей повтора.

Повтор эпитета при одном определяемом слове
(45 эпитфраз)

Мы с тобой неразрывные, / Неразрывные враги [Цветаева, 1994, т. 1, с. 367]; *Измена – <...> ножевое, ножевое* [слово] [Цветаева, 1994, т. 6, с. 245]; *Привычные к степям – глаза, / Привычные к слезам – глаза* [Цветаева, 1994, т. 1, с. 243].

В первом фрагменте близкие по значению адъективные лексемы становятся почти антонимичными по своей семантике: в первом употреблении слово *неразрывные* означает «близкие, родные», при повторном употреблении – в сочетании со словом *враги* лексема существенно меняет свое значение – «неразрывные». В последнем примере повторяющийся эпитет входит в состав распространенного определения, в рамках которого при морфолого-синтаксическом параллелизме различается объектный компонент (*к степям – глаза*). В других случаях повтор слова-эпитета выполняет функции сближения разноплановых понятий (*привычные к степям и к слезам*).

Неоднократный повтор эпитета способствует нагнетанию признака до высшего проявления: *Бегут русы! / Бегут круты! / Шелком скрученные - / Эх! / Моя – круче, / Твоя – круче, / У Маруси – круче всех!* [Цветаева, 1994, т. 3, с. 422]. Неназывание косы в контексте является проявлением табуированности ее номинации в ходе исполнения древнего обряда и признаком избранности героини.

Такие повторы называются в некоторых работах лексическим повтором с «синтаксическим распространением», поскольку уточнение добавляет новую информацию и обогащает повествование. Повторяющаяся лексема может подвергаться сочинительному распространению (*бредут слепцы Калужскою дорогой, – / Калужской – песенной – привычной...*); с другой стороны, к общему повторяющемуся субстантиву могут относиться эпитеты, основанные на подчинительной связи (*В сапогах, подкованных железом, / В сапогах, в которых гору брал*).

Повтор эпитета при разных определяемых словах
(56 эпитфраз)

В составе двух контактных эпитфраз, образованных различными субстантивами, употребление одного эпитета способствует, как уже отмечалось, сближению различных понятий или объектов – роль эпитета в таких случаях первостепенна.

О первая ревность, о первый яд [Цветаева, 1994, т. 2, с. 20]; *О первое солнце над первым лбом* [Цветаева, 1994, т. 2, с. 20]; *Древняя тщета течет по жилам, / Древняя мечта: уехать с милым* [Цветаева,

1994, т. 2, с. 232]; *В маленьком городе, / Где вечные сумерки / И вечные колокола* [Цветаева, 1994, т. 1, с. 355]; *Последние стихи на последних шкурах у последних каминов* [Цветаева, 1994, т. 4, с. 292]; **Высшая степень** душевной разъятости и **высшая** – собранности. **Высшая** – страдательности и **высшая** – действительности [Цветаева, 1994, т. 5, с. 348]; <...> у нее **твердый** кров, **твердый** хлеб, **твердый** угол, а у меня все это – в воздухе [Цветаева, 1994, т. 6, с. 691]; *И литеры встают из-под руки, – / Старинные – из-под руки старинной* [Цветаева, 1994, т. 3, с. 158].

Приведенные выше примеры очень разнообразны: эпитеты объединяют различные понятия, причем наблюдаются следующие семантические отношения между субстантивами в составе эпитетных комплексов:

- а) синонимические (*тицета* – *мечта*);
- б) антонимические (*кров, хлеб, угол* – *воздух; разъятость* – *собранность, страдательность* – *действительность*);
- в) семантическая общность в составе единой ситуации (*сумерки, колокола; солнце, лоб*).

Уподобляются не просто повторяющиеся лексемы-эпитеты, но и сами определяемые субстантивы: *древняя тцета* (общая оценка жизненного пути человека) сближается с *древней мечтой* на основании не только признака (давняя, постоянная), но и сем самого субстантива (мечта – это часто и есть безуспешные попытки что-либо воплотить в жизнь).

Неоднократный повтор одного и того же эпитета передает высшую степень проявления признака. Будучи поэтом предельности, М.И. Цветаева все переживает в высокой степени: страдая в «душевной разъятости», в возможности жить, несмотря ни на что (высшая степень собранности, действительности).

Нанизывание похожих по форме или дублетных прилагательных используется в усилительной функции: последующие эпитеты обоснованно усиливают ассоциативные семантические связи, смысловые впечатления от предыдущего эпитета.

Леня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья [Цветаева, 1994, т. 4, с. 268].

Семантическая близость эпитетов подкрепляется не только контактным их употреблением, но и скрытым обращением к фразеологизму *не разлей вода*.

В цветаевских текстах при одном определяемом субстантиве может находиться целая цепочка различных определений. Данное выска-

зывание представляет собой развернутый эпитетный комплекс с включением в него повторяющихся признаковых элементов.

Повторение признакового слова, в том числе полное, повтор корнеслова в рамках строфы или стихотворения становится лейтмотивом: данный в первых строках образ получает объемную окказиональную характеристику:

– *Что я поистине **крылата**, / Ты понял, спутник, по беде! / А ветер от твоей руки / Отводит **крылышко крылатки** / И дышит: душу не губи! / **Крылатых** женщин не люби!* [Цветаева, 1994, т. 1, с. 132].

Организующим смысл высказывания является эпитет *крылатый* в различных семантических и лексических репрезентациях. Признаковость выражена в первой строке (*крылата*), что задает основной смысл восприятия образа героини: крылатая, то есть поэт, «летающая», неземная. Тавтологичное выражение *крылышко крылатки* способствует развертыванию этого образа: поэт – бабочка, парящая и неуловимая; эпитет *крылатый* в последней строке добавляет новое значение в описании лирической героини: поэт, как бабочка, ускользает, улетает, его трудно удержать: *крылатых женщин не люби*. В контексте *крылатка* используется в значении «бабочка, крылатая» (но возможны и другие толкования: «Крылатка (*samara*), плод растений типа орешка с плоским кожистым или перепончатым придатком. Распространяется воздушными течениями. Крылатка (плод растений) имеется, например, у березы, вяза, ясеня, клена (двукрылатка)», это и вид тюленей (метафорическая номинация ласт, словно крыльев), и рыб).

Повторение определяемого слова развертывает ситуацию посредством употребления близких по значению признаков: максимальное смысловое сближение определяемого и эпитета происходит в последней части эпитетного комплекса (*спи, бессонная*) – перед нами «псевдоповтор» эпитетов: *Спи, успокоена, / Спи, удостоена, / Спи, увенчана, / Спи, подруженька / Неугомонная! / Спи, жемчужинка, / Спи, бессонная* [Цветаева, 1994, т. 1, с. 144].

Постпозиционный и препозиционный повтор эпитета при близких по значению субстантивах создает эффект тавтологического употребления эпифраз, зеркально отражающихся друг в друге: *Обвела мне глаза **кольцом / тeneвым** – бессонница / Опледа мне глаза бессонница / **Teneвым венцом*** [Цветаева, 1994, т. 1, с. 211].

Анафорическое употребление эпитетов акцентирует внимание на признаке, выступая в функции смыслопорождающего компонента в составе эпитетного комплекса: *Мало – тебе – дня, / Солнечного огня! / Мало – меня – звала? / Мало – со мной – спала?* [Цветаева, 1994, т. 1, с. 377].

Редкий, но очень яркий цветаевский способ актуализации признакового слова – повтор в узком контексте одного и того же субстантива, употребленного в контрастных значениях и содержащего при себе различные эпитеты (так называемая *плока*): *Благословляю ежедневный труд*, / *Благословляю еженощный сон*. / *Господню милость – и Господен суд*. / *Благой закон и каменный закон* [Цветаева, 1994, т. 1, с. 223]. Субстантив *закон* развивает в контексте различные значения именно благодаря эпитетам *благой* (справедливый) и *каменный* (суровый). Эта антонимия смыслов одной лексемы подготавливается М.И. Цветаевой в предыдущих строках (*труд* и *сон*; *милость* и *суд*).

Наряду с этим, М.И. Цветаева использует и обратный прием – многократное повторение субстантива с различными эпитетами. Продемонстрируем на примере стихотворения «Плащ» семантический потенциал эпитетных комплексов с повторяющимся субстантивом:

Ночные ласточки Интриги – / Плащи! Крылатые герои / Великосветских авантюр. / Плащ, щеголяющий дырою, / Плащ игрока и прощельги, / Плащ-Проходимец, плащ-Амур. / Плащ, шаловливый, как руно, / Плащ, преклоняющий колено, / Плащ, уверяющий: – темно! / Гудки дозора. – Рокот Сены. – / Плащ Казановы, плащ Лоззена, / Антуанетты домино! / Но вот – как черт из черных чащ – / Плащ – чернокнижник, вихрь – плащ, / Плащ – вороном над стаей пестрой / Великосветских мотыльков, / Плащ цвета времени и снов – / Плащ Кавалера Калиостро! [Цветаева, 1994, т. 1, с. 97].

Определяемый субстантив *плащ* повторяется чаще всего в начале высказывания (15 повторов), при этом задает описание новой ситуации. В начале стихотворения *плащ* – метонимическое обозначение авантюристов восемнадцатого века. Данная мысль развертывается в рамках нескольких эпифраз путем перечисления характерных признаков. «Отправная точка», метонимическая номинация героев-плащей, конкретизируется через признаковое описание ситуаций: игры (*щеголяющий дырою*), любви (*Амур, шаловливый, Проходимец*), магии (*чернокнижник, вихрь*). Плащ становится воплощением эпохи, символом времени.

Итак, повторяющиеся эпитеты в рамках цветаевской эпифразы или эпитетного комплекса структурно представлены очень многообразно. Конфигурация таких эпитетов имеет вид «эпитеты + субстантив» или вид «эпитеты + различные субстантивы»; отмечены случаи псевдоповтора эпитета или зеркального отображения двух эпифраз путем перестановки не только места расположения эпитета по отношению к определяемому слову, но и лексемного его (субстантива)

изменения с сохранением интегральной семантики (кольцо, венец – «круг»).

Обособленные определения могут быть средством выражения эпитета-предиката при определенной структуре предложения-высказывания (отсутствии глагола-сказуемого, пунктуационном оформлении) и подтекстовом смысле, что позволяет атрибутивному обороту приобрести статус предикативного:

По холмам – круглым и смуглым, / Под лучом – сильным и пыльным, / Сапожком – робким и кротким – / За плащом – рдяным и равным... [Цветева, 1994, т. 2, с. 201].

М.И. Цветаева парадоксальным образом решает тему движения без единого глагола движения и без глаголов вообще. О разрыве непосредственной связи между предметом и атрибутом говорят также постпозиция обособленных определительных оборотов и особая пунктуация.

В перспективе кажется интересным рассмотреть другой тип расширения эпитетного ряда, которому почти не уделялось внимание в эпитетологии, – окаймляющий эпитет. Этот тип эпитета состоит в употреблении нескольких эпитетов, «окружающих» определяемое слово, или несколько субстантивов и относящихся к ним эпитетов. Когнитивное наложение признаков, происходящее в такого рода сочетаниях, призвано многосторонне охарактеризовать сложный объект, по-разному высвечивая его различные стороны.

Многокомпонентные эпитеты окаймляющего типа с несколькими существительными и прилагательными достаточно экспрессивны: *нежность: жесткий бич потусторонних встеч; женской лести лебяжий пух* и др. Словесная комбинация с наличием в ней детализирующего прилагательного по отношению к каждому существительному, при условии связи между самими существительными, позволяет говорить о высокой степени смысловой и эстетической самостоятельности таких сочетаний. В данных словесных структурах невозможно выделить отдельное бинарное сочетание (атрибут + субстантив) без искажения его актуального смысла: только совокупность всех элементов конструкции позволяет интерпретировать образ, формируя его целостность. Функциональное назначение таких эпитетов в поэзии М.И. Цветаевой сводится к созданию сложных, многоплановых образов.

В составе многокомпонентных окаймляющих эпитетов выделены определенные тенденции позиционного варьирования имен прилагательных по отношению к субстантиву, которые влияют на их эстетическую актуализацию в контексте. Для лирики М.И. Цветаевой характерны следующие особенности:

1) одновременное употребление двух прилагательных к одному определяемому слову, одно из которых находится в препозиции, а другое в постпозиции: *в сиром воздухе загробном; каменной глыбой серой* и др.;

2) использование двух прилагательных по отношению к одному существительному, из которых одно прилагательное может быть семантически мотивированным, а другое не мотивированным: *в легкой сценке железной* и др.;

3) употребление двух прилагательных в препозиции и в постпозиции по отношению к субстантиву, способных быть семантически мотивированными или не мотивированными: *в братственной ненависти союзной* – прилагательные между собой синонимичны, существительное *ненависть* находится с ними в антонимичных отношениях; *предсмертного ложа свадебного* – по отношению к субстантиву каждый в отдельности атрибут семантически мотивирован и нормативно с ним сочетаем (ср. *смертное ложе; свадебное ложе*), но одновременное употребление этих прилагательных делает их взаимно исключаящими друг друга.

Когнитивный механизм появления таких составных эпитетных комплексов – конструкций, главная функция которых состоит в образном определении реалии, – можно условно обозначить как «реалия + признак + признак...». Присоединение новых признаков, будь то попарно или цепочечно, происходит по принципу эмоциональной кумуляции, что вызывает окказиональное словотворчество. М.И. Цветаева относится к разряду тех писателей, творчество которых является продолжением их эмоциональных порывов, что приводит к бесконечному «когнитивному сбою», становящемуся своеобразным правилом.

Итак, рассматриваемый тип развернутого эпитета – повторяющийся эпитет – очень показателен для идиолексикона поэта. Всегда неординарное значение лексемы признакового типа делает возможным выразить самый широкий спектр эмоций и авторских оценок.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
 Глазунова И.С. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000.
 Глушкова А.А. Лексико-семантическое поле качественно-относительных прилагательных в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.
 Громова А.В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010.

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Избранные труды. Л., 1977.

Маниева Н.С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века: лингвистический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007.

Надежкин А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

Надежкин А.М. Позиционный анализ корневых повторов в художественных текстах М. Цветаевой // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3.

Погудина Е.Ю. Функциональное и мотивологическое исследование прозы и поэзии М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003.

Томашевский Б.В. Стилистика. Л., 1983.

Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 тт. М., 1994.

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ АВТОРИТЕТНОСТИ В СИСТЕМЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е.Э. Уланова

Ключевые слова: речевое поведение, прагматика, коммуникативная категория, языковая категория, авторитетность, дискурс.

Keywords: speech behavior, pragmatics, communicating category, language category, authority, discourse.

Современный комплексный дискурсивно-прагматический подход делает акцент на изучение человека говорящего (*Homo Loquens*) и позволяет более точно описать его речевые действия, намерения, коммуникативную среду и принципы коммуникации. Выходя за границы традиционной лингвистики, современные исследования речевого поведения направлены не только на то, «как что говорится, кто и как говорит, но и почему, с какой целью и кому говорится, как трактуется это сообщение партнером по коммуникации, в какой ситуации происходит акт говорения и понимания, как этот акт коррелирует с ценностями межкультурной коммуникации, аспектами экстра-, пара- и этнолингвистики, проксемики и т.д.» [Потапова, 2003, с. 55-56].

Однако в современной лингвистике статус речевого поведения представляется весьма неопределенным. На это указывает, во-первых, отсутствие четкого определения самого понятия поведения в речи, во-вторых, многообразие используемых терминов для обозначения этого феномена (речевое поведение, вербальное поведение,

языковое поведение, словесное поведение, коммуникативное поведение и др.), а также неоднозначная оценка данного феномена в лингвистических работах.

В соответствии с информационно-кодовой моделью речевое поведение собеседников – это процесс построения, отправления и приема информации лишь на основании общего языкового кода без учета роли интерпретации на выходе [Глушак, 2010]. В рамках инференционной модели коммуникации, которая заключается в том, что речевое поведение рассматривается как передача намерений адресанта с целью вызвать у адресата определенную реакцию, речевому поведению отводится важная роль в организации и регулировании межличностных отношений коммуникантов.

Очевидно немаловажное значение лингвопрагматического аспекта в структуре речевого поведения, так как любое речевое действие одного коммуниканта направлено не только на передачу информации, но и на оказание воздействия на своего собеседника. Воздействие в данном случае является мотивированным и интенциональным, имеющим цель корректировать поведение собеседника, добиваться смены его установок и оценок в соответствии с представлениями говорящего. Для достижения своих целей адресант выбирает модель речевого поведения, адекватную складывающейся коммуникативной ситуации. Реализуя выбранную модель поведения, интерактанты руководствуются основными коммуникативными стратегиями сближения, дистанцирования и поддержания уже сложившегося характера межличностных отношений.

Таким образом, речь является способом внушения, или суггестии, самым мощным из средств воздействия, имеющихся в арсенале человека. Однако вербальное воздействие, как и всякое воздействие, может встретить неприятие, противодействие. По словам психолога Б.Ф. Поршнева, далеко не всякое словесное внушение принимается как таковое, «ибо в подавляющем большинстве случаев налицо контрсуггестия, противовнушение, которое содержит в себе способы защиты от действия речи» [Поршнев, 1972, с. 7]. Одним из видов контрсуггестии Б.Ф. Поршнев называет авторитет.

Далее рассмотрим формирование коммуникативной категории авторитетности.

Осмысливая вышеупомянутое значение авторитета, очень важно понимать, как он формируется и от чего зависит. Мы полагаем, что воздействие посредством авторитета во многом происходит путем реализации коммуникативной категории авторитетности. Рассмотрим ее место в коммуникативном сознании человека.

И.А. Стернин говорил о коммуникативном сознании как о совокупности ментальных коммуникативных категорий и понимал под последними предельно общие коммуникативные понятия, упорядочивающие весь жизненный и социальный опыт человека [Стернин, 2002]. Следовательно, представляется логичным и целесообразным выделение разнообразных коммуникативных категорий, ориентированных непосредственно на процесс коммуникации, реализующих ее механизмы и правила, объединенные их ролью и участием в коммуникации.

В.И. Карасик в рамках социолингвистического подхода к изучению дискурса предлагает выделять «три типа категорий – тип дискурса, формат текста и жанр речи как базовые характеристики текста в коммуникативной ситуации» [Карасик, 1998]. К числу жанрово-стилистических категорий дискурса автор относит категории развернутости / свернутости текста. Выделяя содержательные (семантико-прагматические) категории дискурса и разграничивая «текст как таковой и текст в ситуации общения», В.И. Карасик к базовой категории текста относит информативность в ее трех проявлениях – содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовой. Важнейшей текстовой категорией в ситуации общения признается адресованность, то есть направленность на адресата. Уточнением адресованности, по мнению ученого, является категория интерпретируемости, которая «проявляется в более частных категориях точности, ясности, глубины и экспликативности / имплекативности текста» [Карасик, 1998, с. 185].

Существенным представляется сформулированное Е.П. Захаровой (2000) противопоставление коммуникативных категорий языковым, функционально-стилевым и риторическим. «В отличие от языковых коммуникативные категории связаны не с языком, а с речью, причем на базе одних языков они превращаются в языковые (категория вежливости в японском языке), в других языках остаются на уровне речевых. В противоположность функционально-стилевым категориям коммуникативные проявляются в любой речи, независимо от функционально-стилевой принадлежности речи. От риторических отличаются тем, что они используются не намеренно, им не обучают, но коммуникация без них невозможна» [Захарова, 2000, с. 28-29].

Следовательно, в процессе речевого общения можно выделить два типа коммуникативных категорий: категории обязательные для любого коммуникативного процесса (собственно коммуникативные,

противопоставляются структурно-образующим и информативным) с коммуникативно-организующей функцией и сопутствующие (квалификативные) с регулирующей функцией.

Ниже представлена типология коммуникативных категорий в зависимости от роли и степени их представления в процессе коммуникации [Захарова, 2000]:

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ			
Обязательные (собственно коммуникативные категории) (коммуникативно образующая функция)			
Структурно-образующие			Информативные
Структурно-организующие	Речеобразующие	Определяющие процесс речевого общения	Смысло-организующие
речевые жанры	локальность темпоральность персональность	тональность чуждость неопределенность	информационность значимость неопределенность
Сопутствующие (регулирующая функция)			
Регулятивные			Квалификативные
Социально-этические	Психологические	Эстетические	Риторические
вежливость категоричность официальность	эмоциональность	образность экспрессивность функционально-стилистическая окрашенность	эффективность оптимальность нормативность

Табл 1. Классификация коммуникативных категорий по их роли в коммуникативном процессе

Таблица наглядно демонстрирует, что многомерная структурно-образующая коммуникативная категория включает в себя целый комплекс структурно-организующих, речеобразующих и определяющих процесс речевого поведения категорий. В свою очередь, под информативными категориями следует понимать категории, отражающие смысловую составляющую коммуникации: информационность, значимость, неопределенность и т.д.

Соответственно, если обязательные коммуникативные категории тесно связаны с языковым (речевым) компонентом напрямую, то сопутствующие коммуникативные категории чаще нацелены на

прагматический компонент коммуникации. Во многом из-за того, что социально-этические или эстетические коммуникативные категории зачастую не выражаются вербально, исследователю приходится рассматривать как лингвистический, так и лингвокультурологический аспекты. В свою очередь, именно последний служит базой формирования коммуникативных категорий, способствует их узнаваемости адресатом и усиливает потенциал воздействия [Хутыз, 2010].

Опираясь на типологию коммуникативных категорий, представленную Е.П. Захаровой, мы рассматриваем коммуникативную категорию авторитетности как структурно-образующую, определяющую процесс речевого общения. Следовательно, можно говорить о том, что исследуемая коммуникативная категория в речевом поведении представляет собой единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения.

Благодатной почвой для успешного коммуникативного акта является обоюдное доверие. Степень доверия во многом определяется уровнем авторитетности отправителя слов. Значение авторитета огромно – каждый человек делит для себя всех людей на авторитетных и неавторитетных, так, что склонен доверять первым и отказывается доверять вторым. Поэтому так важно понимать, как формируется авторитет и от чего зависит негласное присвоение конкретной личности весомого авторитета. Данный уровень включает в себя много факторов, среди которых и социальное положение (статус партнера), и его харизматичность, и способность расположить к себе коммуниканта, сфера общения (бытовая, академическая, медийная) и прочее, прочее.

Считаем необходимым дать промежуточное определение феномена коммуникативной категории авторитетности. Так, нам представляется, что исследуемая категория определяется в способности направлять (напрямую не принуждая) действия и мысли другого человека (группы людей) по желаемому сценарию. Следовательно, подобное воздействие возможно за счет положительного отношения людей к авторитетному человеку. Однако важно упомянуть и о благотворной роли авторитета: авторитет не может быть навязан, он может быть только признан. Ценность авторитета многократно возрастает, когда он основан на свободе и вере не столько в человека (оказывающего определенное воздействие в рамках ККА), сколько в приносимую им пользу для других.

Принимая во внимание тот факт, что от проявления авторитета человека / эксперта / специалиста, от его доводов (вербальное пове-

дение), и даже от его манеры держаться (невербальное поведение) напрямую зависит признание его позиции другими участниками коммуникации, мы намереваемся рассмотреть запланированные и спонтанные приемы говорящего, направленные на достижение коммуникативной цели – повышения авторитетности повествования, результатом чего является смена (создание новых) личных установок со стороны собеседника. Таким образом, исследуемая коммуникативная категория авторитетности включена в типологию коммуникативных категорий, как часть системы, в виде структурно-образующей, (пред-)определяющей весь процесс речевого поведения.

Очевидно, что коммуникативная категория в речевом поведении представляет собой единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения. Основной функцией коммуникативной категории является организация коммуникативного процесса, с возможным выделением регламентирующей (регулирующей) и квалификативной функций. Соответственно, представляется закономерным говорить о двусторонней сущности коммуникативной категории авторитетности. С одной стороны, она зависит от комплекса коммуникативно-значимого содержания, но в то же время влияет на сам характер протекания коммуникативного процесса.

Литература:

- Глушак В.М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения: на материале немецкого языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
- Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий. Саратов, 2000.
- Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград–Саратов, 1998.
- Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1972.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. От классической фонологии к современному речеведению // Вестник Московского университета. 2003. № 1.
- Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание. С любовью к языку. М.–Воронеж, 2002.
- Хутыз И.П. Актуальные коммуникативные практики: контекст реальности в прагматике современного дискурса. Краснодар, 2010.

«ПУТЕШЕСТВИЕ КРИТИКИ» С.К. ФЕРЕЛЬЦТА: К ВОПРОСУ О НЕСВОЕВРЕМЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПАМЯТНИКА¹

А.Е. Козлов

Ключевые слова: русская литература XIX века, русский травелог, вторичность и альтернативность, вторичный текст.

Keywords: Russian literature of XIX century, Russian travelogues, secondary-type of narrative and alternatively, secondary text.

Историческое изучение литературы как упорядоченной системы эстетических и социально значимых доминант зачастую корректируется введением в исходные условия новых компонентов – «забытых», исключенных из памяти культуры текстов и «представительствующих» от их имени фигур. Обращение к произведениям второго и третьего литературного рядов зачастую изменяет определяемые внешними условиями индексы, вносит случайные, «стохастические» факторы. С точки зрения истории литературы, обращение к таким текстам значимо в аспекте изучения жанрообразования и сюжетосложения; для лингвистики определенным интерес имеет их стиливая организация.

Наибольшую сложность представляют произведения, некогда исключенные из литературной иерархии, сыгравшие незначительную роль в истории литературной эволюции [Тынянов, 1977; Лотман, 1997], чьи авторы не имели сколько-нибудь устоявшейся биографии или заменяющей ее на определенной дистанции репутации. Фактическое отсутствие этих произведений в истории культуры объясняется недостаточностью образумого ими резонансного поля. Примером такого текста является «Путешествие критики» С. фон. Ф.², написанное С.К. Ферельцтом в первом десятилетии XIX века и опубликованное через 8 лет после соответствующего

¹ Статья подготовлена в рамках реализации грата РГНФ Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII – начала XX века» (грант № 15-04-00508, тип проекта «а»).

² Полное название текста: «Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем» (1818). Считается, что произведение создавалось с 1802 по 1809 год. В большинстве комментариев текст атрибутируется С.К. Ферельцту [Костелянец, 1956; Макогоненко, 1956; Кузьменко, 1967; Овчинников, 1989; Козлов, 2016]. Как отметил Г.П. Макогоненко, «Савелий Ферельцт – ученик русских просветителей XVIII века, причем, безусловно, в большей мере ученик Фонвизина и Новикова, чем Радищева, хотя Радищевское “Путешествие” он отлично знал» [Макогоненко, 1956, с. 719]. Альтернативный вариант атрибуции, связывающий произведение с племянником Д.И. Фонвизина, С.П. Фонвизинным [Кокорев, 1951], кажется недостаточно убедительным. Информацию о памятнике и его авторе см.: РГИА, ф. 733, оп. 118, ед. хран. 38762; РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 27 (Владимирская губерния).

цензурного разрешения. По всей видимости, публикация данного произведения в 1818-м году не произвела сенсации, поскольку большинство тем, затрагиваемых в «Путешествии...», равно как и задействованных стиливых регистров, было характерно для новиковской публицистики и екатерининского театра. Социальный заказ первой трети XIX века был качественно иным и предполагал постепенное усложнение «фактуры» героя, его внешней и внутренней речи и собственно организующего произведения стиля. Кроме того, сама форма «аллегорического путешествия», типологически связанная с «Путешествием Телемака» Ф. Фенелона и «Тилемахидой» В.К. Тредиаковского, также утратила свою релевантность в связи с актуализацией сентиментального и романтического путешествия, моделирующего качественно иные пространственные и временные образы.

Оценивая произведение, советский критик и литературовед Б.О. Костелянец пронизательно писал: «...условен не только адресат – некий “друг”, но, что гораздо существеннее, условным, почти никак не конкретизированным, выступает и повествователь. Само название книги свидетельствует об этом. <...> Путешествует негодующая, но вместе с тем и безличная критика» [Костелянец, 1956, с. 15]. Действительно, текст «Путешествия...» существует вне привычной личностной антропологии; реконструкция языкового портрета говорящего представляется невозможной. Следуя логике эпистолярия, С. Фон Ф. выстраивает сюжет через цепочку писем, при этом идиостиль адресата и адресанта полностью совпадает.

В «Предисловии» к произведению сообщается: «Друг мой никогда не имел желания быть страдальцем учености, или, просто сказать, автором» [Ферельцт, 1951, с. 21]. Таким образом, интенцию пишущего нельзя назвать креативистской: он занимает позицию собеседника, адресанта, отказываясь от права на вымысел и домисел. Это высказывание одновременно лишает нарратора критической компетенции, поскольку основная задача текста – сообщение определенной информации. Следующее за этим предложение дезавуирует цель создания произведения и обозначает его бесполезность: *«Впрочем, я не знаю, какую оно может принести пользу. Ежели предположить, что люди, коих пороки здесь описываются, прочитавши письма сии, ужаснутся преступлений своих и исправятся, так их давно уже и на свете нет...»* [Ферельцт, 1951, с. 21]. Следовательно, в тексте фиксируется определенная временная точка, относительно которой критикуемые пороки не релевантны настоящему моменту. Получается, сюжет «Путешествия критики» ретроспективен, и по своему содержанию описывает давнопрошедшие и утратившие актуальность события. Наконец, в конце предисловия фиксируется еще один аспект произве-

дения – гедонистический: *«Друг мой писал их не с тем, чтобы злословить других и не с тем, чтобы делать другим нравоучения. Короче сказать, он писал только для моего удовольствия; а я вздумал поделиться сим удовольствием с другими»* [Ферельцт, 1951, с. 22]. Данный аспект явно противоречит названию произведения, в котором заключена идея критического осмысления действительности. Таким образом, с первых страниц «Путешествия критики» нарратив представляет несколько взаимоисключающих интенций.

Сюжет «Путешествия...» выстраивается по принципу миметического подobia: слова и вещи уравниваются в произведении Ферельцта, неслучайно большинство сюжетных ситуаций в репликах героев и в их описании сопровождается словом *кажется* (в качестве личных глагольных форм и инфинитивов в составе глагольного сказуемого, модальных и вводных слов), определяющим ирреальную, зачастую оптативную модальность, осложненную модусом неопределенности. Так, например, скатерть в доме помещика Г.А. *«казалось, служила мешком или веретьями»* [Ферельцт, 1951, с. 45]; обдумывая аферу, провинциальные игроки из XVII письма приходят к выводу, что *«тысяча восемьсот рублей покажутся ему (г. Банкометову. – А.К.) за десять тысяч»* [Ферельцт, 1951, с. 85]. Наконец, сам повествователь, позиционируя себя критиком, отступает от своих намерений: *«Если бы возможно было, я не пощадил бы, кажется, жизни для защипления сей любезной, или, сказать, языком романиста, божественной красавицы. Или только так кажется...»* [Ферельцт, 1951, с. 62]. Таким образом, критика становится родом кажимости, общего мимесиса, которому подчиняются не только персонажи, но и сам нарратор, в ведомстве которого находятся все описанные ситуации.

Притворство, или мимикрия, составляет в «Путешествии критики» основу поведения. Как пишет путешественник в XXVIII письме: *«Уметь скрывать пороки свои, по-нынешнему значит быть добродетельным»* [Ферельцт, 1951, с. 116]. Такой тип поведения, отменяя норму, устанавливает некоторую антинорму. Характерным в этом ряду оказывается эпизод, в котором описывается бахвальство немца Вральмана: *«Я был в городе N городничим, сказал он (неоспоримое доказательство)»* [Ферельцт, 1951, с. 67]. Рассуждая о словах Вральмана, повествователь обращается к достоверным источникам: *«В каких летописях ты найдешь, что за несколько лет перед сим в таком-то городе был городничим г. Вральман?»* [Ферельцт, 1951, с. 67]. Ставя такой риторический вопрос, путешественник показывает вымышленность, фикциональность рассказываемой истории, поскольку авторитетный документальный источник отсутствует. Ложь становится ключевым жизненным принципом, определяющим повседневность городских обывателей.

«Путешествие критики» изображает *типы*, предельно обобщенные и связанные с известными пороками и грехами. В связи с этим текст лишен развернутых портретов, которые часто заменяются отсылкой к определенному метатипу: недоросля Митрофана, глупца Простакова, хищного помещика Гура Филатова, обманщика Вральмана и др. Повествователь неоднократно акцентирует внимание читателя на литературной подоплеке многих происшествий: *«В здешнем городе, сколько я мог приметить, всякие приключения, точно в какой-нибудь школе сочинения, всегда делаются из какого-нибудь нравственного предложения или старинной пословицы»* [Ферельцт, 1951, с. 109]. Заканчивая XII письмо, путешественник замечает: *«Здесь по городу носится слух, что один неизвестный писец выпустил в свет драму под заглавием “Вероломная жена или сила корыстолюбия”. Говорят, что он содержит подробное описание сего удивительного брака»* [Ферельцт, 1951, с. 74]. Представленная бытовая ситуация теряет свою единичность и событийную значимость, становясь универсальной картиной пороков целого поколения. Эта мысль находит развитие и в других письмах: *«Особенно попужай журналом, журнал для них всего страшнее; ибо всякий попавшийся в журнал, по мнению их, есть человек подозрительный, лишенный всех чинов, привилегий и самого титула: дворянин»* [Ферельцт, 1951, с. 113]. Таким образом, критика становится действенным орудием, позволяющим исторгнуть персонажа из определенной сословной системы, обнажить существующую антинорму и возвести единичный порок на уровень всеобщего греха. В связи с этим, особое значение получает последнее письмо: *«...мог ли бы я прежде сего поверить, что в природе действительно находятся все те люди, которые в Истории и в театральных пьесах изображены самыми чернейшими красками <...> Сверх сего приметил я, что большая часть из них в подлиннике несравненно сквернее и гаже, нежели каковыми их изображают в комедиях и трагедиях»* [Ферельцт, 1951, с. 133]. Безусловно, понятие подлинника в описанном контексте существенно деформируется и становится частью травестированного художественного мира, логика которого в большей мере соответствует сюжетам драматургии и публицистики екатерининского времени.

Кроме того, «Путешествие...» очевидным образом включалось в игру, наследуя не только обличительные черты радищевского путешествия (произведения *de facto* существующего в культурном сознании), но и иронического сентиментального путешествия Л. Стерна [Шенле, 2004]. Изучение «стерновского» художественного кода составляет отдельную задачу и выходит за пределы настоящей статьи.

Неподлинность персонажей лишает их особого бытийного статуса, превращая в предмет художественной критики. Пространство предстает в

«Путешествии» топосом неподлинности и травестики, где каждый герой вынужден бороться за соответствующий статус в бытии, или уподобляться существующим в пространстве вещам и типам. В этом контексте очевиден металитературный сюжет произведения, поскольку путешествие, описанное С. Фон Ф., лишено реальных очертаний и подразумевает рефлексии о пройденном сатирической литературой пути.

Таким образом, можно утверждать, что в рассмотренном произведении отразилось большинство фабул сюжетов второй половины XVIII века и обозначились основные предпосылки их дальнейшего развития в литературе начала XIX века. Если определять место данного памятника в литературном процессе, справедливо назвать его скрепой, соединяющей «Недоросля» Д.И. Фонвизина (имена персонажей, сюжеты о воспитании) и произведения Н.В. Гоголя (отдельные типы-пороки, обобщение частных ситуаций, изображение мира антинормы). В то же время, «Путешествие критики» типологически завершает ряд просветительских путешествий и разрабатывает достаточно продуктивную модель стернианского сентиментального путешествия, в котором голос повествователя распадается на несколько самостоятельных голосов.

На сегодняшний момент остается не проясненной история критики и чтения «Путешествия...». По отсутствию развернутых критических отзывов складывается впечатление, что произведение не нашло своего читателя в XIX веке.

В заключение, возвращаясь к теории литературной эволюции, кажется уместным провести аналогию между подобными «забытыми» литературными памятниками и рудиментами и атавизмами в органической теории видов. Несмотря на видимую сложность стохастических процессов в культуре, можно видеть тождество между различными «мутациями», имеющими взрывной эффект, и появлением прецедентных и классических текстов с уникальной структурой, а также утверждать сходство между рудиментами и элементами стиля, языка, сюжета, утратившими свою актуальность для читателя-современника и последующего поколения читателей. Поскольку эти рудименты зачастую аккумулируются литературой более сложного уровня, вопрос об изучении таких произведений как «Путешествие критики» С. Фон Ф. не может быть снят, что свидетельствует о «ступиковой линии» русской литературы. Изучение таких линий и определяющих их развитие случайностей в конечном итоге приводит литературоведа и любого квалифицированного исследователя к мысли о закономерности появления эстетического феномена в сфере классики и беллетристики как образующего центра и литературной периферии, влияющей на него через серию сюжетно-мотивных приближений.

Литература

- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
- Костелянец Б.О. Русский очерк // Русские очерки: В 3 тт. М. 1956.
- Кузьменко А. Кто ж автор «Путешествия критики»? // Архивы Украины. 1967. № 2.
- Овчинников Г.Д. Савелий Ферельцт – автор «Путешествия критики» // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16.
- Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М., 1956.
- Козлов А.Е. Рефлексия и нарратив в «Путешествии критики» С.К. Ферельцта // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410.
- Кокорев А.В. Путешествие критики – социальная сатира писателя-радищевца // Путешествие критики. М., 1951.
- Ферельцт С.К. Путешествие критики или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частью сам был очевидным свидетелем. Сочинение С. Фон Ф., 1818. Памятник русской сатирической публицистики начала XIX века. М., 1951.
- Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб., 2004.

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА «ФАКТ»

Р.Ф. Рохвадзе

Ключевые слова: факт, объективность, субъективность, личность, событие, пропозиция.

Keywords: fact, objectivity, subjectivity, human being, event, proposition.

Факт как логико-философский феномен обсуждался в исследованиях отечественных ученых (Л.Я. Аверьянов, Г.А. Бережная, Н.С. Звездов, М.Б. Лига, С.Х. Ляпин, С.Ф. Мартынович, Л.С. Мерзон, и другие). Особо следует упомянуть цикл исследований зарубежных логиков и философов (С. Ammer, С.А. Baylis, R.L. Clark, D. Davidson, W.H. Everett, M. Freedman, N. Goodman, B. Russell и др.), в которых феномен «факт» рассматривается как категория философии и логики. Перечисленные научные изыскания внесли определенный вклад в изучение сущности феномена «факт», но до сих пор остается актуальной проблема определения его природы.

В философии рассматривается проблема реальности факта, а в логике – это вопросы структуры и проблема его представления. Согласно приведенным научным трудам, факты рассматриваются в онтологиче-

ском (независящем от сознания) и логико-гносеологическом (результат познавательной деятельности субъекта) аспектах. Точки зрения относительно того, что есть факт, расходятся. Некоторые исследователи сравнивают факт и событие. Например, Ф. Рамзей считает, что предложение не следует связывать с событием, оно соответствует факту [Ramsey, 1927, p. 153]. Е.С. Кубрякова отмечает, что «факт скандала описать невозможно, а скандальное событие можно описать во множестве деталей, которых лишен факт. Происходят процессы, события, явления, но не факты» [Кубрякова, 1981, с. 19].

Одно из заключений З. Вендлера постулирует, что причины являются фактами, а не событиями [Вендлер, 1986, с. 301]. Напротив, Б. Рассел считает, что конкретные факты (*particular matters of fact*) являются определенными событиями, которые происходят один раз [Russell, 1966]. Таким образом, событие является синонимом факта.

Согласно Б. Расселу, мир состоит из событий или фактов, которые существуют объективно. Соответствие им делает высказывания истинными, а несоответствие – ложными; языковым выражением факта является атомарное предложение (пропозиция) [Russell, 1980, p. 94-95].

В изучении факта важную роль сыграла работа З. Вендлера, который считает, что «можно только попросить логиков узаконить существование фактов, введя факт в число тех единиц, которыми они оперируют» [Вендлер, 1986, с. 276]. Интересными для настоящего исследования являются следующие заключения: такие имена, как *fact*, *cause*, *result* и *outcome*, сочетаются с придаточными предложениями, требующими глагол *know*. Подобные имена не являются объектами глагола *believe* или *trust*. Можно знать *причины*, *факты*, *результаты*. В то время как другие имена: *theory*, *statement*, *fortelling* – сочетаются с глаголом *believe*. *Теории* и *мнения* формулируются или конструируются человеком. Напротив, *факты* и *причины* не имеют обладателей. Они являются объективно существующими данными; человек может только открыть и понять их [Вендлер, 1986, с. 232]. Факты не создаются человеком, так как они не представляют результат речемыслительной деятельности субъекта [Вендлер, 1986, с. 252].

З. Вендлер рассматривает факты как «мебель природы», то есть реально существующие в действительности объекты: *facts belong almost literally to the «furniture of the universe», to the world itself, not merely to the apparatus by means of which we represent it. It is chiefly this that separates facts from propositions, which are so often mentioned in the same breath with facts* [Vendler, 1967, p. 211]. В онтологическом смысле факт

– это независящее от наблюдателя состояние действительности или свершившиеся события [Аверьянов, 2008].

Данную точку зрения поддерживают и зарубежные ученые. Например, Б. Рассел отмечает, что большинство фактов не зависит от человеческого сознания, поэтому они считаются суровыми, упрямыми, неустрашимыми [Russell, 1962]. По мнению Г. Фреге, факты объективны, так как они существуют в окружающем мире [Frege, 1966, p. 34], который человек может воспринимать, ощущать и понимать. Напротив, Л. Витгенштейн в своем логико-философском трактате говорит о наличии аналогии в структуре мыслимого образа и факта [Витгенштейн, URL]. Постулат «мир состоит из фактов» указывает на концептуальную картину мира, а не на объективную реальность [Витгенштейн, URL]. В.С. Шелтон, исследующий объективность фактов, отмечает невозможность объективно выражать события в мире в виде фактов в языке, так как, по его мнению, человек не способен быть объективным. И даже в том случае, когда человек своими глазами видит некоторые вещи, он придает им свое индивидуальное понимание и осмысление: *«No one can be objective. It's not that people don't want to be objective. But human beings don't have the capacity to directly know the truth. Even when we see things with our own eyes, they remain our eyes. The human brain can't take in information without simultaneously giving it meaning»* [Shelton, URL].

Факт – это суждение о действительности, потому что его выражение требует логической деятельности человека. Факты представляют собой результат длительного наблюдения коллективного разума общества за проявлением внешнего и внутреннего мира субъекта.

Разрешить противоречие между утверждениями *факты это «мелочь природы»* [Frege, 1966, p. 34; Russell, 1962; Vendler, 1967, p. 211] и *«невозможность объективно выражать мир в языке в виде фактов»* [Shelton, URL] представляется возможным следующим положением: непосредственная связь человека и факта заключается в том, что последний является классификатором ментального и информационного плана. К числу таких классификаторов относятся: *известие о том, что...; сообщение о том, что...; подозрение о том, что...* – эти имена произведены от пропозициональных глаголов. Смежность факта с ними является неопровержимым доказательством того, что он схож с суждением, а не положением дел в мире. Имена, коррелятивные предложению (*факт, суждение, мнение*), соответствуют категориям ментального плана.

В философии факт рассматривается как предложение, включающее знание о чем-либо. Понимание факта в логике, а точнее в логиче-

ском позитивизме, сходно с философским толкованием: факт понимается как протокольное предложение, фиксирующее эмпирические данные, опыт, явления, процессы и события; факт является базисом для построения теории [ФЭС, 1997]. Это объективное наблюдение, которое может быть верифицировано, поэтому он противопоставляется фантазии, вымыслу, гипотезе и теории. Например, если какое-либо утверждение не может быть подтверждено, то оно не может называться фактом. Факты истинны и их истинность может быть доказана, например, с помощью верификации, которая заключается в сопоставлении факта с действительностью. С этой позиции, факт порожден от *res cogitans* (человека, освободившегося от своих оценок и пристрастий). Чтобы быть объективным и истинным, факт должен отделиться от эмоций человека. Следовательно, предложение должно исключить из себя субъективный модус. Пропозиция должна быть лишена лексики, имеющей связь с личностью субъекта, который ее актуализирует. Объективность факта понимается как одинаковость результата эксперимента или наблюдения независимо от того, кто его проводит.

Проблема факта актуальна в философии, что объясняет наличие двух концепций: теоретизма и фактуализма. Согласно теоретизму, он зависит от теории, и выбор теоретических постулатов может повлиять на факты. В неокантианстве факты подчиняются теоретическим установкам исследователя. Таким образом, они имеют характер твердо установленных элементов содержания сознания. Напротив, фактуализм провозглашает независимость фактов по отношению к теории. Более того, противоречивая природа фактов породила концепцию, суммирующую и первую и вторую концепции.

В лингвистику рассматриваемое понятие вошло вместе с концепцией пресуппозиций – той информации, которая в составе высказывания принимается за истинную. Это смысловой компонент высказывания. Пресуппозиция рассматривается как «общий фонд знаний, опыта, тезауруса, общие предварительные знания» [Красных, 2003, с. 261]. В лингвистических работах [Арутюнова, 1988; Степанов, 1995] нашли отражение некоторые лингвистические аспекты данного феномена на материале русского языка, а также на материале английского языка [Russell, 1962; 1966; Рохвадзе, 2011а; 2011б; 2011в; 2012а; 2012б; 2012в; 2012д]. Современные дискуссии о сущности феномена «факт» и его представления в языке свидетельствуют о его синкретичности. Факт, по мнению Н.Д. Арутюновой, не может иметь в качестве своего референта событие и ситуацию действительности [Арутюнова, 1988]. Он получает доступ к действительности только через знание истинности, то есть при оппозиции истины и лжи (соответ-

ствия / несоответствия действительности). Устранение субъективного модуса, связывающего суждение с говорящим субъектом, укрепляет связь «факта» с действительностью и дает ключ к распространенному определению этой сущности как нечто объективное [Арутюнова, 1988, с. 103].

Согласно Ю.С. Степанову, подходящей формой выражения факта является неполная номинализация предложения-высказывания. Напротив, языковой формой для события является предложение-высказывание (полная номинализация). Таким образом, языковой формой для «факта» является нечто между именем и предложением (пропозицией, высказыванием) [Степанов, 1995, с. 51]. Такого же мнения придерживается В.А. Белошапкова: неполная номинализация может выражать факт. Неполная номинализация актуализирует фактическое суждение [Современный русский язык, 1989]. Эти номинализации со значением факта выражаются в сложноподчиненном предложении с соотносительными словами *the fact that...*, *that fact that...*, *that case that...* и *the case that...* [Рохвадзе, 2012₂]. Одним из положений, которое объединяет все рассмотренные выше теории и воззрения на факт, можно считать попытку дать определение факту путем выявления наиболее характерных признаков. Проведенный анализ логико-философских и лингвистических работ свидетельствует: факт представляет собой синтез гносеологического и онтологического опыта человека.

Литература

- Аверьянов Л.Я. Факт и его интерпретация. [Электронный ресурс]. URL: <http://aver3.vusnet.ru>
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бережная Г.А. Факт и заблуждение // Вопросы философии и общественной психологии. 1971. № 4.
- Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/witt/01/01.html>
- Звездов Н.С. Проблема научного факта в методологии научного познания // Вестник ЛГПИ. 1992. № 2.
- Красных В.В. Свой среди чужих, миф или реальность. М., 2003.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
- Лига М.Б. Факты в философском знании // Высшая школа: гуманитарные науки и гуманитарные основы образования и воспитания. 1996. № 2.
- Ляпин С.Х. Понятие факта: две программы в исследовании факта // Принципы, понятия, категории. Л., 1975.
- Мартынович С.Ф. Философский анализ научного факта. Саратов, 1973.
- Мартынович С.Ф. Факт науки и его детерминация // Философско-методологический аспект. Саратов, 1983.
- Мерзон Л.С. Роль фактов в философском знании // Философские науки. 1982. № 2.

Никифоров А.Л. Научный факт и научная теория // Творческая природа научного познания. М., 1984.

Рохвадзе Р.Ф. Метафорические модели концепта fact в современном английском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011а. № 9.

Рохвадзе Р.Ф. Категориальные признаки 'fact' (на материале современного английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011б. № 20.

Рохвадзе Р.Ф. Когнитивно-аксиологический аспект концепта fact в современном английском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011в. № 2.

Рохвадзе Р.Ф. Метафоры концептов fact, truth, reality в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012а. № 2 (61).

Рохвадзе Р.Ф. Категориальная ситуация fact в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012б. № 1 (60).

Рохвадзе Р.Ф. Метафорические образы концептов truth и fact // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012в. № 3 (62).

Рохвадзе Р.Ф. Синтаксические конструкции, актуализирующие категорию fact в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012г. № 8 (67).

Рохвадзе Р.Ф. Оценочно-прагматическая модель факта / fact (на материале современного английского языка) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012д. № 9 (68).

Современный русский язык. М., 1989.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М., 1997.

Ammer C. The facts on File dictionary of clichés. New York, 2001.

Baylis C.A. Facts, propositions, exemplification and truth // Philosophical review. 1948. № 3.

Clark R.L. Facts, Fact-correlates, and Fact-surrogates. Fact, value, and perception. Durham, 1975.

Davidson D. True to the facts // Journal of Philosophy. 1969. № 66.

Everett W.H. Our knowledge of Fact and value. Durham, 1961.

Freedman M. Fact and object. New York, 1920.

Frege G. Der Gedanke: eine logische Untersuchung // Logische Untersuchungen. 1966. № 4.

Goodman N. Fact, fiction and forecast. London, 1955.

Ramsey F.P. Facts and Propositions. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/4106403>

Russell B. Essays in skepticism. New York, 1962.

Russell B. Fact and fiction. New York, 1966.

Russell B. Inquiry into Meaning and Truth. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.org/stream/BertrandRussell-AnInquiryIntoMeaningAndTruth/AnInquiryIntoMeaningAndTruth_djvu.txt

Shelton W.C. Facts, truth, and objectivity in the age of attack ads. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesomervilleneews.com/archives/8874#comment-70842>

Vendler Z. Linguistics in philosophy. Cornell, 1967.

**«ВЕРНУТЬСЯ В РУСЬ»: ПОЭТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ В.М. ШУКШИНА¹**

А.И. Куляпин

Ключевые слова: поэтика, художественное пространство, индивидуальная мифология, национальная идентичность.

Keywords: poetics, art space, individual mythology, national identity.

Активная фаза творчества Шукшина оказалась очень непродолжительной, вместившись в промежуток между 1961-м и 1974-м годом. Краткость писательского пути, однако, вовсе не означает, что шукшинская художественная система за эти неполные полтора десятка лет не претерпевала никаких изменений. Напротив, творческая эволюция писателя была на редкость стремительной. Наряду с другими составляющими поэтики Шукшина существенной трансформации подверглась и его художественная география.

Со школьных времен у будущего писателя сформировался устойчивый интерес к географии, ставшей одним из его любимых учебных предметов. По весьма правдоподобию предположению Д.В. Марьина, самым первым творческим проектом Шукшина мог быть воображаемый «дневник путешествий по городам СССР», созданный для участия в конкурсе журнала «Затейник» в 1947 году [Марьин, 2015, с. 21]. Впоследствии биография Шукшина – режиссера и актера – будет связана уже не с виртуальными, а с настоящими путешествиями по многим городам Советского Союза и Европы.

Хотя в своих произведениях Шукшин чаще всего использует подлинные топонимы, его географическая топика далека от реальной.

Поэтика раннего Шукшина ориентирована на соцреалистический канон, что определило сильную степень идеологизации его рассказов начала шестидесятых годов. В них предстает специфически советская картина мира, «единое гомогенное советское пространство» [Куляпин, Скубач, 2013, с. 22]. Даже если действие рассказа разворачивается в далекой сибирской деревушке, в тексте незримо присутствует образ всей советской страны – «весь СССР». Так, в частности, организовано художественное пространство рас-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках научного проекта № 16-14-22001 «Семиотика пространства а региональной литературе: особенности геопоэтики В.М. Шукшина».

сказа «Светлые души» (1961), в котором Михайло Беспалов объясняет жене насущную потребность в рекордных урожаях пшеницы: «*Весь СССР прокормить – это... одна шестая часть*» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 74].

Формула «СССР – одна шестая часть земли» своей популярностью во многом обязана стихотворению С. Есенина «Русь советская» (1924).

*Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь»*
[Есенин, 1967, с. 24].

«Русь советская» – очевидный оксюморон. Есенин парадоксально соединяет древность с современностью, национальное с интернациональным, русское с советским. Нечто подобное можно будет обнаружить и в творчестве Шукшина, но пока, в рассказе «Светлые души», писатель создает образ однородно советского пространства.

Впрочем, спустя всего несколько лет Шукшин уже иронизирует по поводу стереотипов официальной литературы, оказавших столь заметное влияние на его первые произведения.

Герой рассказа «Непротивленец Макар Жеребцов» (1969) подобно Михайле Беспалову из «Светлых душ» мыслит масштабами всей советской страны:

«Макар подходил к пряслу, вешал свою сумку на колышек, закуривал.

– Сколько у нас, в СССР, народу?

Старуха не знала.

– Дьявол их знает, сколько? Много небось.

– Много. – Макар тоже точно не знал, сколько. – И всем надо выдать пенсию...» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 28].

Для Макара Жеребцова, как и Михайло Беспалова, СССР – некая абстракция: «много» и «одна шестая часть» в данном случае инвариантные понятия. Разница в том, что беспокойство Макара за всех жителей страны притворное. Абсурдна его реплика о необходимости выдать пенсию «всем», ведь получается, что каждый гражданин СССР – пенсионер, каждый находится на иждивении у госу-

дарства. При этом показушная забота обо всех – это повод не заботиться о каждом.

В написанной в 1966–67 годах, но опубликованной лишь в последний год жизни писателя повести-сказке «Точка зрения» пародируется знаменитая строчка из «Авиамарша» Ю. Хайта и П. Германа: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Жест для тех времен достаточно смелый. В одной из сцен повести «некто хромой и бойкий» рассказывает Пессимисту про «волшебный мир»:

– *Кстати, что это за волшебный мир? Что вы там делаете? – поинтересовался Пессимист.*

– *Мы хотим жизнь превратить в сказку!*

– *Да?*

– *Да!*

– *Хотел бы я знать, как вы это болото превратите в сказку.*

Бульдозерами, что ли? Засыпете?

– *Это не ваше собачье дело! – почему-то вдруг обозлился Некто»* [Шукшин, 2014, т. 3, с. 286].

Сходство между «волшебным миром» повести и «страной чудес» (как частенько называли СССР) не только в самом стремлении превратить жизнь в сказку, но и в средствах достижения цели, а, самое главное, в специфичности этой сказки. «*Видите ли, в той сказке, которую мы хотим создать, предполагаются... как бы это выразиться... представители темных сил, что ли*», – разъясняет Некто. Довершает картину признание «хромого и бойкого»: «*В нашем волшебном мире <...> много пьют*» [Шукшин, 2014, т. 3, с. 286].

Подобно многим современникам к неприятию советского строя Шукшин придет после разоблачения сталинского культа личности на XX съезде КПСС. До 1956 года он склонен не замечать противоречий между русским и советским. Будучи членом бюро ВЛКСМ постановочного факультета ВГИКа, Шукшин активно участвовал в борьбе с увлечениями западной культурой. В письме к И.П. Попову (ориентировочно датируется 1955 годом) Шукшин сетует: «*Попробовал развернуть кампанию против стилига – в райкоме получил благодарность, в институте врагов*» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 159]. Поразительно, но, включившись в комсомольскую антизападническую агиткампанию 1954–1955 годов, Шукшин отстаивает культуру даже не России, а Руси. В незаконченной статье «*Мода...*» (1969) он вспоминал то время: «*Я, например, так увлекся этой борьбой, так меня раззадорили эти “узкобрючники”, что, утратив, еще и чувство юмора, всерьез стал носить... сапоги. Я рассуждал так: они копируют Запад, я “вернусь” назад, в Русь*» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 42].

Конечно, довольно часто «Русь» в текстах Шукшина – это всего лишь элемент устойчивых словосочетаний. Например, регулярно встречается у него выражение «матушка-Русь». Однако и этому стертому обороту речи писатель сумел придать концептуальное значение.

Во второй книге романа «Любавины» «матушка-Русь» фигурирует в лексиконе абсолютно противоположных героев – шофера Ивана Любавина и учителя Юрия Александровича.

Под впечатлением от встречи со своим дядей Николаем Поповым Иван размышляет: *«До чего ж протестный мужик! Пустили же такого в свет белый – умного русского хорошего человека. А теперь он пустит – пятерых сразу, если не больше, тоже таких же неглупых, добрых... Сильна матушка Русь. Неистребима»* [Шукшин, 2014, т. 2, с. 321]. Чрезмерная пафосность и некоторая книжность выражений, в целом нехарактерных для Ивана Любавина, выдают присутствие во внутреннем монологе героя авторского голоса.

Юрий Александрович – персонаж однозначно отрицательный. Не без иронии Шукшин излагает замысел книги, которую тот собирается написать: *«Приехав в Сибирь, учитель Юрий Александрович решил писать книгу. С ходу. А что? И пусть в редакции журнала или издательства попробуют отнестись к ней неуважительно. Называться она будет “Даешь Сибирь!” или “Дорогу осилит идущий (Записки учителя)”*. Начнется книга с того, как героя – “я” – провозжают в Сибирь. Потом размышления в купе, на верхней полке... А за окном поля и поля. Велика ты, матушка-Русь! Дорожные знакомства. Перевалили Урал... Когда проезжали столб “Европа – Азия”, крики “ура”, смех, шутки. А кто-то плачет (как потом выяснилось, девушка-десятиклассница, сбежавшая из дома в Сибирь: ей, видите ли, страшно стало). Опять дорожные знакомства – скуластые сибиряки, ужасно темные и добрые. Тоска и размышления на верхней полке интеллектуального, чуточку оппозиционного “я”» [Шукшин, 2014, т. 2, с. 421]. Нетрудно заметить, что весь фрагмент – набор самых затертых стереотипов, и «матушка-Русь» оказывается в их числе. Это, впрочем, не помешало Шукшину в киноповести «Печки-лавочки» использовать восклицание Юрия Александровича уже в поле авторской речи:

«Велика матушка-Русь!

И на восходе солнца, и на заходе солнца, и белым днем и ночью – идут, идут, идут поезда. И куда только едут люди? Куда-то все едут, едут...» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 288].

И, наконец, в рассказе «Чужие» (1974) писатель также не смог обойтись без все того же штампа. Последняя фраза последнего рассказа Шукшина выглядит так: *«Вот уж чужие так чужие – на веки вечные. Велика матушка-Русь!»* [Шукшин, 2014, т. 7, с. 114]. Клише «Велика матушка-Русь» появляется у Шукшина в тех случаях, когда речь заходит о раздробленности страны и разобщенности нации, и тут уже не важно, кто говорит – герой или автор.

В 1970 году Шукшин делает в рабочей тетради запись, в которой со всей откровенностью выражает свою боль за судьбу отечества: *«Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую»* [Шукшин, 2014, т. 8, с. 316]. Именуя Советский Союз Русью, писатель перебрасывает мостик из древней истории в современность.

Шукшин вообще склонен к циклизации исторических событий. Студент-заочник Николай из раннего рассказа Шукшина «Экзамен» (1962) воспроизводит в ответе шаблоны «дурацкого», по определению профессора Григорьева, предисловия к «Слову о полку Игореве»: *«– ...Князья были разобщены, и... В общем Русь была разобщена, и когда половцы напали на Русь...»* [Шукшин, 2014, т. 1, с. 90]. С оценкой профессора нельзя не согласиться, что не отменяет правоты неведомого автора предисловия. Более того, к середине XX века разобщенность в русском обществе стала еще глубже. Узнав от Николая, что семеро солдат, когда-то вместе бежавших из немецкого плена, не поддерживали и не поддерживают никаких отношений, профессор растолковывает этот факт: *«Конечно. Это все, дорогой мой, очень русские штучки. А вы еще “Слово” не хотите читать. Да ведь это самая русская, самая изумительная русская песня»* [Шукшин, 2014, т. 1, с. 94].

Необычность хронологической модели Шукшина заключается в том, что при максимальном ослаблении горизонтальных связей связи вертикальные в ней очень прочны. В советском социуме начала шестидесятых люди разъединены, но зато они с легкостью отождествляют себя с обитателями Киевской Руси. Профессору Григорьеву на берегу Днепра кажется, что он *«там ходил когда-то. Давно. Во времена Игоря»* [Шукшин, 2014, т. 1, с. 93], а студент-заочник настойчиво отождествляется и с автором «Слова...», и самим князем Игорем.

«– Как чувствовал себя в плену князь Игорь?! – почти закричал профессор, опять испытывая прилив злости. – Как чувствует себя человек в плену? Неужели даже этого не понимаете?!»

Студент стоя некоторое время непонятно смотрел на старика ясными серыми глазами.

- Понимаю, – сказал он.
- Так. Что понимаете?
- Я сам в плену был.
- Так... То есть как в плену были? Где?
- У немцев.
- Вы воевали?
- Да.

Профессор внимательно посмотрел на студента, и опять ему почему-то подумалось, что автор “Слова” был юноша с голубыми глазами. Злой и твердый» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 91].

В журнальной публикации рассказа выстраивалась еще более сложная схема. «*Крепкое, строгой чеканки лицо*» Николая вызывало у профессора ассоциацию не только с автором «Слова» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 90], но и с Лермонтовым [Шукшин, 2014, т. 1, с. 353]. Двойниками оказываются все: и автор «Слова», и князь Игорь, и Лермонтов, и профессор, и студент. Персонажи максимально сближены по той простой причине, что все они русские люди.

Хрущевская «оттепель» стала катализатором процесса утраты советской идентичности и стимулировала поиски какой-то иной ее формы. Шукшинская «Русь» – это как раз попытка конструирования идентичности нового типа.

«Шукшин никогда об этом прямо не писал, но можно предположить, что идеалом общественного устройства была для него вольная Русь, Беловодье, которое много веков искали на Алтае предки его земляков», – считает А.Н. Варламов [Варламов, 2015, с. 189]. Если гипотеза биографа Шукшина и верна, то надо признать, что писатель скоро убедился в утопичности этого идеала.

В пустую и бессмысленную риторику выливается спор о Руси героев рассказа «Гена Пройдисвет» (1973). Социальный маргинал Гена без всяких на то оснований заявляет: «за мной – Русь». «*Речь идет о Руси! А этот... деляга, притворяться пошел. Фраер, – обличает Гена вдруг уверовавшего дядю. – Душу пошел насиловать... уважения захотел... Врать начал! Если я паясничаю на дорогах, – Генка постучал себе с силой в грудь, сверкнул мокрыми глазами, – то я знаю, что за мной – Русь: я не пропаду, я еще буду человеком. Мне есть к кому прийти! – Генка закричал, как на базаре, как на жадную, бессовестную торговку закричал, когда вокруг уже собрались люди и уже все равно и не стыдно кричать*» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 119].

Собственное желание «вернуться назад в Русь» Шукшин высмеивает дважды: в публицистическом тексте (в статье «*Мода...*») и в

художественном (в рассказе «Мастер», написанном в 1969 году, опубликованном в 1971).

XVII век, по Шукшину, стал переломным в русской истории. Именно тогда кончилась Русь и зародилась Российская империя, доказывает Шукшин-историк в авторском отступлении из романа «Я пришел дать вам волю»: «*“Тишайший” много строил, собирал, заводил, умирал... Придет энергичный сын, и станет – империя; однако все или почти все – много – было готово к тому. Ведь то, что есть суть и душа империи – равнение миллионов на фигуру заведомо среднюю, унылую, которая не только не есть личность, но и не хочет быть ею, из чувства самосохранения, – с одной стороны, и невероятное, необъяснимое почти возникновение – в том же общественном климате – личности или даже целого созвездия личностей ярких, неповторимых – с другой стороны, ведь все это, некоторым образом, было уже на Руси при Алексее Михайловиче, но только еще миллионы не совсем подравнялись, а сам Алексей Михайлович явно не дотянул до великана. Но бородатую, разопревшую в бане лесовую Русь покачнул все-таки Алексей Михайлович, а свалили ее, кажется, Стенька Разин и потом, совсем – Петр Великий» [Шукшин, 2014, т. 4, с. 228-229].*

Данный контекст раскрывает смысл мечты писателя Николая Ефимыча из рассказа «Мастер» перенестись именно в XVI век: «непревзойденный столяр» Семка Рысь создает в его городской квартире искусную имитацию деревенской избы шестнадцатого века. Однако для того, чтобы «вернуться в Русь», мало носить сапоги или настелить некрашеных плах на паркет. Результаты экспериментов двух писателей смехотворны. Особенно курьезно выглядит затея Николая Ефимыча. Шестнадцатый век выбран им еще и потому, что это эпоха «Домостроя», но в интерьере избы-симулякра патриархальных отношений не наладить. Отголосок «крупного разговора», невольно подслушанный Семкой, недвусмысленно свидетельствует совсем не о «домостроевских» отношениях в семье писателя. Никакой он не хозяин дома, порыв к «древней воле» (А. Блок) обернулся для него кабалой.

Помимо Николая Ефимыча – идеолога эмиграции в прошлое, и Семки – исполнителя проекта, вернуться в Русь явно замыслил и безымянный мастер, построивший Талицкую церковь. Способ, выбранный им, внешне ничем не отличается от Семкиного – создание «более или менее точной копии» древности. В качестве образца архитектор XVII века выбирает «*Владимирский храм Покрова. Двенадцатый век*» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 171]. Мотивы этого выбора понятны

– ведь аналогия между эпохой дробления Руси на самостоятельные княжества и «бунташным веком» буквально напрашивается.

Вместо привычного линейного развертывания истории в хронологическом порядке писатель предлагает неомифологическую концепцию, ориентированную на «...представление о времени как о некоем “колебании” между полюсами» [Мелетинский, 2012, с. 158].

Реактуализация событий – это не просто их повторение. Ограниченные материальные возможности князей Борятинских позволили заказать лишь уменьшенную и ухудшенную копию храма Покрова на Нерли. Замысел строителя, как убеждается Семка, остался недоовощенным, а после превращения Талицкой церкви в родовую усыпальницу Борятинских она еще и «слегка покосилась на один бок» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 171]. Эти и некоторые другие детали – ясные приметы оскудения русского мира. В XX веке темпы деградации становятся устрашающими.

Среди рабочих записей Шукшина за 1970 год есть цитата из стихотворения Есенина «Устал я жить в родном краю» (1916): «*А Русь все так же будет жить: плясать и плакать под забором!*» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 316]. Сознательно или нет, но Шукшин искажает есенинские строки. У Есенина было: «*А месяц будет плыть и плыть, / Роняя весла по озерам, / И Русь все так же будет жить, / Плясать и плакать у забора*» [Есенин, 1966, с. 194]. Разумеется, «плакать у забора» и «плакать под забором» – это далеко не одно и то же.

Литература

- Варламов А.Н. Шукшин. М., 2015.
Есенин С.А. Устал я жить в родном краю // Есенин С.А. Собрание сочинений: в 5-ти тт. М., 1966. Т. 1.
Есенин С.А. Русь советская // Есенин С.А. Собрание сочинений: в 5-ти тт. М., 1967. Т. 3.
Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи: монография. М., 2013.
Марьин Д.В. Несобственно-художественное творчество В.М. Шукшина: системное описание. Барнаул, 2015.
Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2012.
Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти тт. Барнаул, 2014.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ СОДЕРЖАНИЯ И СТИЛЯ ПИСАТЕЛЬСКОГО ДНЕВНИКА А.В. ЖИГУЛИНА**В.В. Колобов**

Ключевые слова: Анатолий Жигулин, дневник, история отечественной журналистики и литературы.

Keywords: Anatoly Zhigulin, a diary, history of Russian journalism and literature.

Материалы писательского архива А.В. Жигулина (различные документы, дневники, рабочие тетради, письма и т.д.), поступившие в соответствии с волей вдовы поэта Ирины Викторовны Жигулиной в 2011–2013 годах на постоянное хранение в Воронежский литературный музей имени И.С. Никитина, открывают новые, ранее неизвестные, страницы жизни и творчества известного писателя, вносят дополнительные штрихи в историю отечественной журналистики и литературы.

По объему дневниковое наследие А.В. Жигулина, которое только сейчас становится доступным исследователям его творчества, составляет около 300 дневниковых книжек и 250 рабочих тетрадей. К сожалению, примерно 25 записных книжек в переданном в литературный музей архиве писателя отсутствуют. Дневниковые книжки представляют собой, в основном, ученические тетради объемом от 240 до 12 страниц или блокноты различного формата. Отдельно поэт вел «рабочие тетради» – это своеобразная творческая лаборатория, включающая в себя черновики стихотворений, отдельные строфы и даже слова, темы будущих произведений. На титульном листе каждой из них каллиграфическим почерком автора обязательно сделана надпись: *«Дневниковая книжка (рабочая тетрадь) номер... Начата... Окончена... Принадлежит поэту, члену Союза писателей СССР... В случае нахождения утерянной книжки-тетради просьба сообщить, возвратить. Дом. телефон... Адрес...»*

По времени дневники А.В. Жигулина охватывают период с 7 апреля 1954 года и практически до последнего дня жизни (поэт скончался 6 августа 2000 года). Жанровая организация дневника включает в себя элементы литературной, общественной, политической хроники, философского осмысления событий, творческой лаборатории. Основное внимание автора сосредоточено на следующих темах: собственное поэтическое творчество, литературный процесс в целом, события в стране и мире, личная (семейная) жизнь.

Художественное время и художественное пространство в дневнике А.В. Жигулина выступают выразителями ценностной картины мира и в этом смысле представляют собой одну из классических форм хронотопа [Бахтин, 1975, с. 234-407].

Стилю дневника А.В. Жигулина (особенно в зрелый период его жизни и творчества) присущ ряд особенностей, свидетельствующих о тяготении к документально-мемуарной точности изложения событий и одновременно литературно-художественной выразительности текста: лапидарность, метафоричность, образность языковых единиц всех уровней, эмоциональность и экспрессивность, монологический характер повествования. Здесь уместно вспомнить слова известного литературоведа, академика АН СССР, основоположника крупнейшей научной школы в отечественном языкознании В.В. Виноградова: «...*Речь художественная по самой сути своей есть речь образная, “иносказательная”*» (см.: [Виноградов, 1980, с. 240-249]). И, несомненно, цель, которую ставил перед собой автор, была достигнута. Дневник А.В. Жигулина читается как самостоятельное документально-автобиографическое произведение; отсутствие классического литературного сюжета в полной мере компенсируется драматургией жизненных и творческих обстоятельств, личными переживаниями писателя, его размышлениями о вечных и преходящих ценностях.

Невольно вспоминаются слова М.Ю. Лермонтова о том, что *«история души человеческой <...> едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление»* (предисловие к «Журналу Печорина») [Лермонтов, 1962, с. 339].

Несомненный интерес для исследователей литературного процесса XX века представляют дневниковые записи А.В. Жигулина о его личных и творческих отношениях с выдающимся поэтом, главным редактором самого популярного в годы хрущевской «оттепели» журнала «Новый мир» Александром Трифоновичем Твардовским (1910–1971) и лауреатом Нобелевской премии по литературе, великим писателем и общественным деятелем Александром Исаевичем Солженицыным (1918–2008).

Также в дневнике А.В. Жигулина содержится интересная информация о его встречах и беседах с К.М. Симоновым, А.А. Вознесенским, Б.А. Ахмадулиной, Б.Ш. Окуджавой, Ф.А. Искандером, В.П. Астафьевым, Б.А. Слуцким, Л.А. Аннинским, другими известными писателями и критиками. Как свидетельствуют записи,

А.В. Жигулин очень высоко оценивал творчество С.А. Есенина, И.А. Бунина, В.М. Шукшина, В.И. Белова, В.С. Высоцкого.

Подробно рассказывается о его деятельности в качестве штатного сотрудника редакций литературно-художественных и общественно-политических журналов «Подъем» (1960), «Дружба народов» (1972–1975) и «Литературной газеты» (1967).

Первые дневниковые книжки А.В. Жигулина датированы весной 1954 года. В это время будущий поэт еще находился в местах лишения свободы, как «враг народа».

«Писать в небольших записных книжках Анатолий начал с 1954 г., когда его привезли с Колымы в один из воронежских лагерей в связи с пересмотром дела молодежной антисталинской организации, – вспоминала И.В. Жигулина, супруга и верный друг поэта. – Первые две записные книжки (№ 1 и № 2) написаны карандашом. Первая книжка почти вся посвящена поэзии. Он восстанавливает первые строчки стихов, написанных в тюрьме во время долгого следствия 1949–1950 гг., в лагере (без объяснения, что это за строчки). Тексты из осторожности не записывались. Он жадно пытается писать новые стихи, делает вольные переводы из Горация, размышляет о поэзии, о жизни, но ни слова – о лагерном прошлом...

...Записная книжка № 2 – как пульсирующее обнаженное сердце. Он уже откровенно пишет о своих мучительных ощущениях, сомнениях. Делает записи о Колыме, о военном детстве... 21 июля начспецчасти сообщает, что завтра – освобождение. 22 июля Жигулин с двумя товарищами вышел за ворота лагеря – закончился еще один тяжкий отрезок жизни. Закончена записная книжка № 2» [Жигулина, 2000].

Выйдя на свободу, А.В. Жигулин практически ежедневно делает записи в дневнике об основных событиях в жизни, о своих наблюдениях и переживаниях.

Приведем несколько записей, свидетельствующих о том, какое важное значение автор придавал своему дневнику. Сразу скажем о том, что ссылки на источники в статье даются в строгом соответствии с нумерацией, сделанной при жизни самим А.В. Жигулиным (первая цифра означает номер дневниковой книжки, вторая – конкретные страницы, на которых содержится приведенное высказывание).

«11 апреля 1965 года, воскресенье.

<...> Решил продолжить дневник, чтобы как можно больше сохранить жизненного материала, который так нелепо и быстро утекает, как вода между пальцами. Я не ценил его. А ведь все это очень нужно для работы, все-все, буквально, вся жизнь! Надо внимательнее

наблюдать жизнь и людей, и записывать все, ежедневно, неотомимо» [Жигулин, дн. 90, с. 7–8].

«29 мая 1967 года, понедельник.

<...> В последние дни снова решил перейти к дневниковым книжкам малого формата. Они, удобнее, чем большие тетради – можно носить с собою, можно писать, как сейчас в метро, не тратя драгоценного времени. <...> Большие и малые дневниковые книжки будут идти, как и раньше, параллельно. Авось историки разберутся в хронологии, хотя, впрочем, вряд ли это понадобится. Если буду жить до 90 лет, как Эренбург, сотни этих книжек (я прибавляю сюда лагерные записи, рабочие тетради, словари “фени” и прочее) конечно, пригодятся» [Жигулин, дн. 100, с. 1–3].

«14 сентября 1968 года, суббота.

<...> Читая старые дневники, убедился в их несовершенстве. Краткие записи порой не вызывают никаких воспоминаний. Что может, например, сказать такая запись: «беседовал с Батуевым» (Б.В. Батуев – друг и соратник А.В. Жигулина по «делу КПМ»). – В.К.). Да я с ним миллион раз беседовал! А о содержании бесед теперь можно только догадываться. Но – увы! – всего не опишешь и все не запишешь при всем желании» [Жигулин, дн. 108, с. 179].

«7 апреля 1969 года, понедельник.

Нынче исполнилось 15 лет моему дневнику. Начал я его еще в заключении. Правда, к сожалению, не в Сибири и не на Колыме, а в Воронеже, куда меня (да и нас всех) привезли на переследствие. В родном городе, за высокой кирпичной стеной 020-й колонии, которая примыкает к знаменитой воронежской городской тюрьме, и начал я эти записи, этот дневник. А в сибирских и колымских лагерях любые записи строго были запрещены. Местный воронежский лагерь после Колымы казался раем: ни номеров нет на спинах; ни злых собак, ни лютых конвоиров. Почти воля. Тем более, что видны были трамваи, бегущие по мосту у Заставы. Мы ждали нового решения по нашему делу. Две первые дневниковые книжки содержат очень осторожные, туманные записи. Ведь и на 020-й дневники тоже были запрещены. Существовала особая статья в УК РСФСР, предусматривающая наказание за разглашение сведений о местах заключения. Но я все-таки начал тайно вести дневник. Он уцелел только потому, что в день освобождения, 22 июля 1954 года, нас перед выходом за ворота обыскали формально, на скорую руку...» [Жигулин, дн. 110, с. 154–155].

Содержание дневников А.В. Жигулина, как и его творчество, можно условно разделить на четыре периода. Стоит отметить, что в

целом мы согласны с периодизацией литературной деятельности А.В. Жигулина, предложенной Г.В. Марфиным:

1 период: становление героя в процессе испытаний и познания жизни (конец 1950-х – середина 1960-х годов);

2 период: обретение устойчивости в пространстве и времени (середина 1960-х – 1970-е годы);

3 период: поиск устойчивости в пространстве истории (1980-е годы);

4 период: утрата найденной гармонии (1990-е годы) [Марфин, 2003].

Вместе с тем, мы считаем, что предложенная структура периодизации (особенно первого и второго периодов) нуждается в определенной корректировке [Колобов, 2012, с. 95–98].

Особое внимание в дневнике уделяется такой актуальной и болезненной для каждого советского писателя теме, как цензура. Практически в каждой поэтической книге А.В. Жигулина присутствуют лагерные стихи: «Полярные цветы» (1966), «Поле боя» (1968), «Прозрачные дни» (1970), «Чистое поле» (1972), «Свет предосенний» (1972), «Полынный ветер» (1975), «Стихотворения» (1976), «Горящая береста» (1977), «Калина красная – калина черная» (1979), «Соловецкая чайка» (1979), «Жизнь, нечаянная радость» (1980), «Воронеж. Родина. Любовь» (1982), «В надежде вечной» (1983), «Из разных лет, из разных далей» (1986), «Весеннее имя» (1987), «Белый лебедь» (1988), «За рекой Чуною» (1988), «Летающие дни» (1989) и др. Из дневниковых записей видно, что поэт в «битве» с редакторами и цензорами сражался буквально за каждое стихотворение, за каждое выстраданное слово. Иногда огромные психологические перегрузки приводили к нервному срыву, к долгому лечению и реабилитации в специализированных лечебных учреждениях.

Воспоминания постоянно подталкивали поэта к мысли написать крупное прозаическое произведение о пережитом.

«19 ноября 1968 года, вторник.

<...> Вспоминаю все время, как и обычно, впрочем, прошлое. Плывут, разворачиваются кинолентами Подгорное, довоенный Воронеж, детство, война, Борисоглебск... Потом вдруг: лагерь, институт, тюрьма, школа... Картины возникают стихийно, не по порядку. Так все ясно вижу, словно все вчера было. Каждую капелку застывшей смолы на бревнах нашего давно сгоревшего старинного дома различаю, каждую заплату на лагерном бушлате! Людей как живых вижу – и друзей детства, и подельников, и соклассников. Вновь переживаю все незабытое. А главная книга жизни так и остается не только не написанной, но и не начатой. Видно, так она и останется лишь в моих

мыслях. Некогда уже учиться прозу писать... А стихи – в стихах всего не скажешь!

<...> Всего не запишешь, что вспоминается. Видно, придется писать прозу. Куда же еще деть могу я свои мучительные воспоминания?! Писать рассказы, повести. В них будет уютно и спокойно и Юрке Суворову, умершему в 1944-м, и Володьке Хариусу, убившему себя в 1966-м.

Там найдут себе место все мои боли и терзания, все разрозненные куски ушедшей жизни, оставшиеся лишь в моем сознании» [Жигулин, дн. 109, с. 133–134].

«31 июля 1976 года, суббота.

<...> Ночью, почти до трех – беседа с Ириной. КПМ, вся эта наша история, наша боль. Требуется она все-таки творческого воплощения. И никуда мне уже не уйти. Необходимо написать. Это, вероятно, будет повесть от первого лица. Повесть-воспоминание. Со стихами, с отвлечениями, с «перепадами» во времени. Документальной, строго документальной сделать ее просто физически невозможно – закрыт доступ к главнейшим источникам – к двум много томным следственным нашим делам 1949–1950 гг. и 1953–1954 гг. Кроме того, было ведь и расследование 1956 года, когда приезжали товарищи из ЦК КПСС – для полной нашей реабилитации.

Так что писать придется полудокументальную лирическую повесть-«киноленту», начиная, наверное, с детства, с войны. Впрочем, трудно сказать, как все получится. В моих дневниках (в 155 больших и малых тетрадях), в тетрадях рабочих и особенно в тетрадях рабочих-«подсобных», таких, как тетради № № 422, 423, 434 – везде в них рассыпано, записано множество бесценного материала. Написать! Материал необычный. Такого не было еще. Нелегальная антисталинская организация. Юность. Сомнения. Попытки осмысления жизни. Возникновение КПМ. Благородный юношеский порыв, беззаветный порыв, какой возможен только в ранней юности. Почти игра, но какая игра! Игра со смертью, с судьбой, с всесильным бериевским МГБ!.. Характеры, люди. Борис Батуев. Кисель. Радкевич. И предатель – Н. Его письмо, посланное им в УМГБ по Воронежской области... Аресты. Следствие...

Да. Много говорили вчера. Писать! Но как жить? И мало того: ведь когда напишешь, захочешь опубликовать?! И вечный, давний, уже совсем подступивший к горлу вопрос... Вечный этот российский вопрос отношений писателя с государством...» [Жигулин, дн. 150, с. 155–157].

«2-X-79 г., вторник.

<...> Позавчера, вчера, вообще в последние дни – горькие раздумья над ненаписанной книгой – о жизни, обо всем пережитом. Детство – война, юность – КПМ, тюрьма – лагерные годы... Жаль, что теперь уже не получится такой ладной книги – многое ушло из памяти навсегда. Трудно будет восстановить точные, верные душевные состояния тех времен. Но написать все-таки надо. Все – как было. Напишу, пожалуй. Вот прояснится голова – буду писать. Напишу ли за год? Смотря как писать. Пока буду подбирать материалы. Есть некоторые заметки, которые могут помочь вспомнить забытое. Ах, если бы можно было почитать наше «дело»!.. Надо будет порыться в дневниках. Многое я записывал, но бессистемно» [Жигулин, дн. 167, с. 187].

«Ночь на 8-Х-83 года. 02 ч. 25 м.

Я сейчас уже настолько зрелый художник, что писать прозу (или стихи) только для денег, ради денег я не могу. Даже самая невинная моя повесть, например, о военном детстве, будет совершенно непроходима. Все, к чему бы я ни прикоснулся в своей жизни, – все будет больно. Мне скоро будет 54 года. С этой высоты мне все далеко видно – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Я еще не написал Главную книгу своей жизни. Это должно быть что-то вроде романа-воспоминания. Все, начиная с детства. Довоенное сельское и городское время. Война. Школа. Тюрьма, лагерь. И, конечно же, самое главное – история КПМ. Ее возникновение, существование, арест, долгое следствие. Подобного материала еще не было в русской советской литературе. К нему не прикасался никто, даже А. Солженицын. Нелегальная, молодежная, антисталинская организация (не выдуманная, а настоящая!) в сталинское время – таким материалом просто никто не обладает, кроме меня» [Жигулин, дн. 206, с. 36–38].

В середине 1980-х годов начался принципиально новый этап в творческой биографии А.В. Жигулина – переход к документальной и художественной прозе. В журнале «Знамя» за 1988 год (№ 7,8) была опубликована автобиографическая повесть «Черные камни», вызвавшая широкий резонанс.

Как показывает анализ, многие фрагменты повести целиком или частично взяты из дневниковых книжек писателя, в том числе основные события «сибирско-колымской одиссеи»: создание в Воронеже в 1947 году подпольной антисталинской организации КПМ (Коммунистическая партия молодежи); арест А.В. Жигулина и других членов КПМ 17 сентября 1949 года; отправка летом 1950 года этапом в Москву; прибытие в Озерный лагерь (Иркутская область); знакомство на

Тайшетской пересылке с немецкой девушкой Мартой Миттельберг, романтическая история любви в неволе; прибытие на Колыму, лагерь «Черные камни», работа на урановом руднике; этап в Воронеж; освобождение 22 июля 1954 года в связи с амнистией, пересмотр дела, полная реабилитация.

Изданная многомиллионным тиражом в нашей стране и за рубежом, повесть А. Жигулина «Черные камни» стоит в одном ряду с широко известными произведениями А. Солженицына, В. Шаламова, Ю. Домбровского, В. Гроссмана, А. Рыбакова, Е. Гинзбург. Поэт Евгений Евтушенко назвал эту повесть «неоценимым свидетельством на суде истории». Подробно об истории создания повести «Черные камни» и о полемике вокруг нее в конце 80-х годов прошлого века рассказывается в документальной повести «Жигулинский век» [Колобов, 2011].

Проведенный структурно-функциональный, лексический, стилистический анализ текста дневника А.В. Жигулина позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Писательский дневник А.В. Жигулина – уникальное явление в духовной и культурной жизни общества советского и постсоветского периода. Как и дневники других русских писателей, например, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.П. Чехова, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, К.И. Чуковского, А.Т. Твардовского, жигулинский дневник отражает время и пространство в их единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии, дает богатейшее представление о развитии личности автора, его социально-политических, философских и художественно-эстетических взглядах, отношении к различным событиям в стране и мире.

Второе. В дневниковых записях А.В. Жигулина запечатлены основные этапы развития нашей страны во второй половине XX века (годы правления И.В. Сталина, хрущевская «оттепель», брежневский «застой», горбачевская «перестройка», крушение советской империи, эпоха Ельцина), социально-экономические и общественно-политические события, литературный процесс, собственное творчество.

Третье. На протяжении почти полувекового периода происходит эволюция содержания и стиля дневника А.В. Жигулина: от констатации фактов, записей частного характера, творческой лаборатории – до самостоятельного автобиографического произведения, имеющего несомненную литературно-художественную и документально-историческую ценность.

Четвертое. Учитывая масштаб личности и таланта А.В. Жигулина, значимость его творческого наследия, на наш взгляд, целесообразно уже в ближайшие годы начать подготовку научного

издания дневника писателя. Реализация данного проекта могла бы стать заметным явлением не только в литературоведении, но и в духовной жизни страны.

Литература

- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Виноградов В.В. К теории литературных стилей // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Колобов В.В. К вопросу о периодизации творчества Анатолия Жигулина // Коммуникация в современном мире. Воронеж, 2012.
- Колобов В.В. Жигулинский век. Документальная повесть. Воронеж, 2011.
- Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. М.–Л., 1962. Т. 4.
- Марфин Г.В. Человек и мир в лирике А. Жигулина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
- Жигулин А.В. Материалы писательского архива // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина.
- Жигулина Ирина. «Золотое злое время, я любил тебя всегда...» // Литературная газета. 2000. 31 дек.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АЛЛЮЗИЙ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ.

Н.А. Хубитдинова

Ключевые слова: фольклор, сказка, эпос, пословицы и поговорки, фольклорные мотивы, хикайат, дастан, тюркско-башкирская литература, художественное использование, поучительная история, дидактическая идея.

Keywords: folklore, fairy tale, epos, proverbs and sayings, folk motifs, hikayat, dastan, Turkic-Bashkir literature, artistic use, cautionary tale, didactic idea.

Часто в тексте одного произведения можно явно или неявно наблюдать присутствие ранее известного текста – интертекста, интуитивно ощущать наличие уже знакомых знаков, деталей, общеизвестных сентенций, а также художественного использования какого-либо сюжета и т.д. Интертекстовый смысл аллюзии состоит в установлении связи данного текста с другим текстом. При этом предпочтение отдается наиболее широко и активно бытующим фольклорным жанрам – песне,

пословицам и поговоркам. В отличие от аллюзии *реминисценция* «вызывает в памяти человека знаковую конструкцию из другого художественного произведения». «Другой контекст» в произведении может использоваться в широком и узком планах. В широком, когда «как заимствование из фольклора вообще, фольклорная реминисценция как бы вносит в оценку происходящего народную точку зрения». В узком – «как указание на конкретный фольклорный жанр с только ему присущими поэтическими средствами», где «она (реминисценция. – *Н.Х.*) может обрести дополнительное значение в зависимости еще и от того, насколько роль, которую заимствованный текст играет в литературном произведении, расходится с его первоначальным фольклорным назначением, вплоть до полного противопоставления – в травести» [Медриш, 1980, с. 163].

Использование афористических выражений, метких изречений и мудрых слов, репрезентирующих реминисценцию народных пословиц и поговорок или известного факта или события, является одной из широко распространенных традиций в художественной тюркско-башкирской литературе средневековья.

Средневековая литература Урало-Поволжья представляет собой общее духовное достояние тюркских народов, населяющих этот регион, башкир в частности. Она зародилась и развивалась на основе тесных взаимосвязей фольклорных традиций, художественных особенностей восточной литературы («Кисса-и Йусуф» Кул-Гали, «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Джумджума-султан» Хисама Катиба, «Гулистан бит-тюрки», «Сухаил и Гульдурсун» Сайфа Сараи и т.д.). Несмотря на то, что в этих произведениях отразилась общность культур и традиций тюркских народов вообще, все же в них можно проследить типологически схожие художественные элементы и башкирского фольклора, выявить их идейно-эстетические особенности, а также аллюзии и реминисценции. Одним из популярных фольклорных жанров, используемых в средневековой тюркско-башкирской литературе, являются народные пословицы и поговорки, варианты которых можно наблюдать в башкирском народном творчестве. Рассматриваемые в данном разрезе пословицы и поговорки можно обозначить как явление культурной универсалии, так как одни и те же афористические выражения могут существовать у многих народов мира, в устно-поэтическом творчестве тюркских народов в частности.

В пословицах и поговорках «с присущей им лаконичностью и экспрессией выражены острый ум, природная наблюдательность народа, его принципиальность, глубокая мудрость. В них заключены художественно обобщенный социально-исторический опыт народа, его мировоззрение, социально-этические идеалы» [Надршина, 2006, с. 5].

Средневековые писатели обращались к ним с определенной идейно-эстетической целью, использовали их как художественное изобразительное средство.

Так, Юсуф Баласагуни в своем известном произведении «Благодатные знания» (1068-1069) («Кутадгу билиг») наряду с народной мудростью, традициями устного поэтического творчества тюркских народов также широко использовал в дидактических целях пословицы и поговорки, варианты версий которых можно встретить и среди башкирских паремий. Они органично вплетены в процесс повествования и в различных житейских ситуациях были призваны выражать глубину мысли и мудрость познаний. Автор по-разному вводит их в сюжетную канву: либо напрямую, либо художественно опосредованно. Так, в начале повествования, рассуждая о величии и достоинствах Богры-хана, которому он посвятил это произведение, автор так и говорит:

*110. В народе пословица древняя есть:
«Дар сыну – отцовское имя и честь».
Сын имя и честь получая в награду,
В наследстве стократ обретает отраду...*
[Баласагуни, 1990, с. 74].

Называя вещи своими именами, а именно пословицами, Юсуф Баласагуни указывает, что он обращался именно к народной мудрости, фольклорному жанру в данном случае.

Ведя речь о достоинстве и пользе языка, Баласагуни среди прочего изрекает:

*170. Разумной считается мудрая речь,
А глупая снимет и голову с плеч.*
[Баласагуни, 1990, с. 79].

Каждый раздел «Благодатных знаний» посвящен тем или иным житейским явлениям. Так, раздел, посвященный пользе и вреду языка, впрочем, как и другие поучительные главы поэмы, изобилует мудрыми изречениями афористического характера, во многом эксплицитно репрезентирующими пословицы, общие и для башкирского фольклора: «Неосторожно изрекший речь – скончался не от болезни», «Меньше слова смысл обретает, От большего слова беда придет», «За язык ответит голова» и т.д.

Следовательно, Юсуф Баласагуни в своей поэме «Благодатное знание» показал, как он свободно применяет в своем творчестве тюркские народные пословицы и поговорки, параллели которых широко распространены у башкир. Автор как использует их напрямую, называя своими именами, так и художественно вплетает их в самую ткань

повествования, что придает его языку и изобразительным средствам образность, аллегоричность, метафоричность. Это во многом способствовало усилению дидактики и назидательности произведения, что было характерно для идейно-эстетического содержания тюркской литературы того времени.

Эта традиция продолжает использоваться и обрастает нововведениями в сборнике хикайатов «Гулистан би-тюрки»¹ золотоордынского поэта XIV века Сайфа Сарай. Надо сказать, что жанр хикайат – это рассказы, «содержащие фантастические сказки о всевозможных приключениях, к которым присовокуплены забавные истории, вдохновленные реальной жизнью, легенды и исторические анекдоты» (например, известные сборники «Калила и Димна», «Синдбад-наме» и др.) [Бомбачи, 1986, с. 192]. Сборник хикайатов С. Сарай состоит из жизненных и поучительных историй, пронизанных пословицами, поговорками и стихами, в которых приветствуются тяга к знаниям, праведным поступкам, к овладению различными ремеслами. Здесь прослеживается традиционное для сказочного творчества явление, когда народная пословица служит сюжетообразующим мотивом. Подобное явление, к примеру, можно проследить в башкирских народных сказках типа АТ 654В («Аминбек», «Карбуз», «Шакир»), где в виде мотива выступает известная башкирская народная пословица «Для егета (юноши) и семи ремесел мало». В сказке егет усваивает различные виды ремесел, которые впоследствии помогли ему в трудную минуту. Здесь пословицы тюркских народов, которые имеют в произведении важное идейно-художественное значение, выступают как сюжетообразующий мотив.

В сборнике у С. Сарай эта пословица в виде одноименного мотива лежит в основе сюжета хикайата «О преимуществах довольствования тем, что есть» (другими словами, довольствоваться малым). Когда сын изъявил желание приобрести навыки какого-нибудь ремесла с тем, чтобы поправить свое материальное положение, отец ему ответил: «Одного желанья для того, чтобы разбогатеть, мало» и добавил, мол, для этого необходимо владеть различными ремеслами и знаниями, которыми являются торговля, наука, мелодичный голос, владение каким-нибудь искусством. По его мнению, если не постичь всех этих навыков, то человек так и будет жить бесплодными мечтами – таков основной тезис хикайата. Используя народную мудрость «Егету (юноши. – Н.Х.) и семи ремесел мало», автор проводит в своем произведении идею о важности владения несколькими видами дел, ремесел.

¹ Речь идет о «Бустане» в переводе С. Сарай на тюрки (1391). – Н.Х.

В некоторых башкирских бытовых сказках на пословицы возлагается значимая художественная функция, а в жизни героя они играют судьбоносную роль. В сказках типа АТ 910В («Царская дочь и попрошайка», «Три слова», «Хорошее слово – бальзам на душу» и т.д.) герой в решающий момент произносит сокровенное афористическое выражение, чем спасает свою жизнь. Так, в сказке «Три слова» на вопрос старика, кто из представленных двух его дочек красивее (одна из которых была дурнушка, а другая – красавица. – *Н.Х.*), юноша-егет отвечает иносказательно: «Кого душа полюбит, та и красавица». Надо отметить, при неверном ответе его казнят. Поэтому ему приходится проявить находчивость, благодаря чему он и остался цел и невредим. Ответ же юноши созвучен с такими известными народными пословицами и поговорками, как «Душа зорче глаз», «Красота – для глаз, характер – для любви», «Красота человека в душе, а не в теле» и т.д. В сказках этого типа раскрывается практическая сторона пословиц и поговорок, представленных в виде их (сказок) расшифровки и раскрытия морали, сути повествования.

В народном творчестве традиционной является цепочка сюжетообразующих мотивов «запрет – нарушение запрета – наказание». В башкирском народном архаическом эпосе «Урал-батыр» брат героя нарушает запрет отца, что стало причиной последующего наказания: испитая им кровь «ведет» его по неверной дороге.

Герои башкирских сказок «Дева вод», «Кутлубика и Кутлуяр», «Йылан-батыр» упускают свое счастье именно по причине нарушения наложенного ранее запрета.

Цепь мотивов «запрет – нарушение запрета – наказание» способствует динамичному развитию сказочного или эпического сюжета, придает повествованию приключенческо-авантюрный характер, усиливает интерес и пробуждает любопытство у слушателей, которые соперничают судьбе героя. Как известно из сказки типа АТ 402 «девушка-лягушка», широко распространенной у многих народов мира, герой, желая видеть свою суженую только в человеческом обличье, несмотря на строжайший запрет, сжигает ее лягушачью шкуру. За это он получает наказание: жена исчезает навсегда, а ему приходится пуститься на ее поиски, преодолевая всевозможные препятствия. Согласно сказочной эстетике, герой не может обрести счастье просто так. Ему необходимо пройти некие испытания, исправить свою оплошность, победить злую силу и только после этого он либо находит исчезнувшую жену, либо женится на своей невесте (чаще она происходит из мифического рода).

В средневековой литературе Урало-Поволжья также можно обнаружить интертекстовую связь в использовании цепи фольклорных мотивов «запрет – нарушение запрета – наказание». Это в особенности ярко и своеобразно представлено в дастане¹ еще одного поэта периода Золотой Орды Хисама Кятиба «Жумжума Султан». В произведении традиционный мотив репрезентируется с позиции исламских учений и заповедей. Стоит султану нарушить коранический запрет о неоставлении без помощи просящего, как на него обрушивается тяжесть его последствий. Султан, будучи очень богатым и всесильным правителем, допускает в своей жизни лишь одну ошибку – он, предаваясь любовным утехам, не подает просящему нищему милостыню. В результате своей оплошности султан тут же заболевает неизлечимой хворью, умирает в муках:

*...Позабыв, кто я такой и что со мной,
Государство забыв с его казней,
Так лежал я в забытыи, убог и сыр.
Вдруг пустыней обернулся вольный мир,
И, в глазах являя пламень неземной,
Шестиликий ангел встал перед мной и т.д.
[Поэзия Золотой Орды, 2005, с. 119-120].*

Цепочка известных мотивов художественно использована автором для решения важной идейно-эстетической задачи – в образной форме выразить идею не обижать обездоленных, быть человечным по отношению к ним при любых обстоятельствах, даже когда на твоём пороге не вовремя появился нищий с просьбой о подаении. Тем самым автор предостерегает нерадивых правителей от опрометчивых поступков. Так произведение приобретает нравоучительно-назидательный характер, хотя назиданий как таковых в тексте нет. В этом и кроется мастерство поэта.

Согласно эстетике народного творчества, суеверным верованиям и обрядам, подземелье воспринималось как потусторонний мир – среда обитания демонических сил и духов. В сказках и эпосе в подземном мире дэвы обитают в таких же дворцах и домах, как и люди на поверхности земли, там текут такие же реки, в которых водятся рыбки, растут деревья, цветут цветы и т.д. (башкирские народные эпосы «Акбузат», «Заятуляк и Хыу-хылу» и др.).

¹ Дастан – эпическое, романтическое произведение, как правило, в стихотворной форме, жанр средневековой тюркской литературы.

В упомянутом дастане «Жумжума Султан» изображается семь ступеней ада, в каждом из которых грешная душа очищается, подвергается пыткам, страданиям и мукам. Видимо, сказочно-эпическая радужная картина другого измерения – подземного царства претерпела изменения под влиянием ислама, избавившись от романтической атмосферы волшебного потустороннего мира. Подземный мифический демонический мир в дастане репрезентируется по-новому под влиянием новой религиозной культуры: прежний сказочный мир духов принимает таинственно-зловещий вид, пугающий и настораживающий читателя и заставляющий его задуматься о душе и загробном мире. В этом заключалась дидактическая идея произведения. Автор тем самым предостерегает правителей от необдуманного шага по отношению к своим подданным, а именно не отмахиваться от их проблем, быть более милосердным и внимательным к ним. Кятиб, не пускаясь в нудные нравоучения и чтение морали, при помощи художественного приема иносказательности с привлечением традиционных мотивов в их исламизированной трактовке добивается своей идейно-эстетической цели.

В рассматриваемом дастане «Жумжума Султан» также можно проследить художественную демонстрацию сказочного образа «живого трупа». В своей дискурсивной семантической основе этот образ напоминает башкирскую сказку, основанную на образе «живого трупа» типа АТ 508 (сказки «Смелый мальчик», «Живой труп» и т.д.). В подобных сказках герою помогает либо голова мертвеца, либо оживший труп. В одном из вариантов башкирского эпоса «Кузыйкурпес и Маянхылыу» герой спасает от надругательств труп человека, который впоследствии в знак благодарности помогает своему спасителю.

В литературной трансформации «действует» лишь голова умершего Султана и никак не помогает своему спасителю. Однако принцип использования этого образа типологически схож со сказочными традициями башкирского народа, образует интертекстовую связь с фольклором. На эту голову, валяющуюся в пустыне, наталкивается пророк Гайса – Иса. С помощью Аллаха он возвращает голове речь. После красочного описания всех испытаний, выпавших на долю, вернее сказать, упавших на голову султана, пророк оживляет его целиком. Так автор проводит идею о том, что согрешивший правитель, нарушивший запрет (в данном случае заповедь уважать ближнего, быть милосердным в любом случае, чем бы ты не был занят), несет жестокое наказание, покайся, очищается в чистилище и перерождается. Фольклорный образ «живого трупа» использован в произведении для

решения главной идейно-эстетической задачи, на него теперь возлагаются иные художественные функции.

Таким образом, фольклорные традиции нашли свое художественное применение в средневековой тюркско-башкирской литературе Урало-Поволжья, чем вызывают интертекстовую отсылку на башкирскую сказку. Ю. Баласагуни, С. Сарай, преследуя нравственно-этические художественные цели и решая важные идейно-художественные задачи, строят сюжеты своих поучительных произведений на известных народных пословицах и поговорках нравственно-дидактического характера, применяют их в качестве сюжетообразующего мотива. В дастане «Жумжума Султан» Х. Кятиба цепочка мотивов «запрет – нарушение запрета – наказание» служит проведению дидактической идеи исламского толка «не обижать обездоленных», «быть милосердным и справедливым» и т.д. Образ «живого трупа» в дастане является следствием вышерассмотренной цепочки мотивов «запрет – нарушение запрета – наказание», которая репрезентируется в литературном произведении с точки зрения мусульманских учений, выполняет значимые художественно-эстетические, идейно-тематические функции.

Литература

Баласагуни Ю. Благодатное знание. Л., 1990.

Надршина Ф.А. Введение // Башкирское народное творчество: Пословицы и поговорки. Уфа, 2006.

Бомбачи А. Тюркские литературы. Введение в историю и стиль // Зарубежная тюркология. М., 1986.

Габен фон А. Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология. М., 1986.

Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов, 1980.

Поэзия Золотой Орды. М., 2005.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ, ИЛИ «МАЯТНИК ЧИЖЕВСКОГО» В ВУЗОВСКОМ УЧЕБНИКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Т.В. Коренькова

Ключевые слова: межкультурные исследования, учебниковедение, литературоведческая герменевтика.

Keywords: cross-cultural studies, theory of educational literature, literary hermeneutics.

Волны сокращений академических часов и даже семестров в программах филологических факультетов России и других стран СНГ, а также государств Евросоюза на рубеже XX–XXI веков, вызовы Интернет-эпохи и «клиповой культуры» (clip-culture Э. Тоффлера), распространение «клипового мышления» среди молодежи сделали методической задачей №1 поиск путей интенсификации учебного процесса. Ограниченность возможностей новейших ТСО: ридеров, электронных учебников, web-энциклопедий, мультимедиа и интерактивных средств, видеокурсов и т.п., – без учета смыслового качества «образовательного контента» довольно скоро стала очевидной.

Свидетельство осознания проблемы преподавателями, издателями и учеными – всплеск интереса к учебниковедению¹. С начала 2000-х годов в России, Казахстане, Белоруссии, странах Прибалтики и на Украине отмечается рост исследований в этой области (см.: [Беспалько, 1988; Ферро, 1992; Арцишевский, 2003; Кусаинов, Асыллов, 2003; Ковригин, 2008; Пономарев, 2009; Григорьева, Ершова, 2010; Балыхина, 2011; Снайдер, 2011; Жосан, 2012, 2013, 2015; Куляпин, 2013; Лушинская, Савич, 2013; Матвеева, 2013; Саватеев, 2014; Шаймерденова, 2014; Бразаускаене, Приемская, 2015; Роляк, 2015 и др.], учитывающих как достижения отечественной дореволюционной педагогиче-

¹ Для англоязычного мира Сервис Ngram Viewer указывает три пика интереса к *theory of textbook*: 1957–1964, 1984–1991 и нарастающий тренд с 1996 (окончательная победа Всемирной паутины Web); для русскоязычья – 1918–1936, 1945–1959 и 1970-е (на запрос: *книговедение, теория учебника*).

ской и книговедческой мысли (например, К.Д. Ушинского и Н.А. Рубакина), так и практические и теоретические наработки советского периода.

Применительно к преподаванию истории русской литературы и культуры в иностранной аудитории одним из недооцененных сегодня ресурсов повышения интенсивности усвоения предлагаемого материала, его систематизации остается периодизация литературного процесса.

Казалось бы, филологическая мысль Европы необратимо включила в свой обязательный интеллектуальный инструментарий вариации моделей историко-культурного метода после И.Г. Гердера, трудов немецких классических философов, «Философии искусства» И. Тэна, Ю.Н. Тынянова и др., которые принесли в читаемые курсы и учебные пособия традицию членить европейский литературный процесс на средневековье – Возрождение (Ренессанс) – классицизм – романтизм – реализм – модернизм (символизм, футуризм и т.п.) – постмодернизм, а также мерцающие между ними эпохи барокко, Просвещения, сентиментализма и натурализма, неоклассицизм, авангардизм, *pop literature*, «подвиды» реализма (просветительский, критический, социалистический).

В отличие от периодизаций, построенных на преимущественно хронологических критериях или с учетом общественно-политических контекстов: литература NN века, или по периодам правлений или династий (танская поэзия и проза, *Elizabethan, Victorian, Edwardian Era literature*, «литература хрущевской оттепели», «литература эпохи брежневского “застоя”» и т.п.)¹, – такие схемы выдвигают на первый план эстетические принципы и формальные художественные признаки изучаемых произведений.

С одной стороны, в связи с педагогическим принципом троекратного предъявления учебного материала основанные на хронологических критериях периодизации позволяют на новом витке, в новом расширенном контексте повторить темы, связанные с социально-историческими явлениями и таким образом сэкономить академические часы, отведенные на изучение истории. Но с другой очевидно, что творчество таких свидетелей 1917 года, как М. Горький, С.А. Есенин, В.В. Маяковский, М.А. Шолохов, С.Д. Кржижановский, И.А. Ильф, М.А. Булгаков, явно не сводимо к «ленинско-сталинским временам», а эпоха 1820-1830-х в отечественной культуре с большим основанием называется в честь Пушкина, а не современных ему российских императоров. Кроме того, такой методический подход нередко оказывается под влиянием сиюминутной моды политических кампаний по «пересмотру истории» и навязываемых ими матриц восприятия, упрощающих реальный геокультурный процесс до уровня полупропагандистских клише (например: «*tsarist, Soviet, Post-communist Russian literature and Postcolonial Russian-language literature of non-Russian writers*»).

Напротив, принцип «преподавать язык через культуру – культуру через язык» (Е.И. Пассов) делает более актуальной задачей лингво- и культуродидактики формирование у будущих преподавателей, переводчиков, журнали-

¹ Принципы такого видения истории (культуры) восходят к модной в эпоху романтизма «теории великих людей» Т. Карлейля и опосредованно – к архаичным традициям эр обожествленных царей.

стов, дипломатов и др. студентов-гуманитариев деятельной межкультурной компетенции методами рождающейся сегодня прикладной дисциплины *Fremdverstehensunterricht* («обучения пониманию чужого, непониманию»¹). Такой подход основан на достижениях современных кросс-культурных междисциплинарных исследований и предполагает большую познавательную активность аудитории на основе индуктивных методов и дает учащемуся шанс увидеть культурогенез в его системности, динамике противоречий. Одновременно он стимулирует развитие навыков самостоятельного анализа текста на всех уровнях: от сугубо языковых до информативно-смыслового и прагматического и диалектического взаимодействия его лингвистических и экстралингвистических аспектов. Однако здесь требуется дополнительное учебное время для восстановления в памяти студентов исторического контекста.

Оба подхода имеют свои плюсы и минусы. Но, по сути, речь идет о том, прививают ли занятия студенту «стереоскопическое видение» или «видение сквозь стереотипы».

Представляется, что в контексте этих «методологических полюсов» оптимизировать учебные курсы могло бы включение в них на определенном этапе модели «маятника Чижевского».

В «Сравнительном очерке славянских литератур» Д.И. Чижевский отметил цикличность смен эстетических принципов. Так, историю славянских (европейских) литератур он видел под углом смены мировоззрений («...Such an oscillation may be marked in intellectual history, as between literary epochs which are connected with a given Weltanschauung» [Cizevsky, 1952, p. 10]) и маятниковподобного колебания – *oscillation* – художественной практики между двумя базовыми типами стилей. В первом типе «стилей эпох» доминировали тенденции к законченности, простоте и ясности форм, любовь к симметрии. Во втором – «умышленно нарушается симметрия; вместо прозрачной ясности мысли – тьма, которая часто возникает из реальной хаотичной глубины... Представители обоих стилей ценят разное: ясность протivoстоит глубокомыслию, простота – орнаментальности и украшениям, умиротворение, спокойствие – движению, ограниченность – неограниченным перспективам, ...следование предписанным правилам – канону новизны, стремлению удивить. <...> На одной стороне доминирует идеал красоты, на другой – красота рассматривается как одна из многих, но отнюдь не самая главная эстетическая ценность» [Cizevsky, 1952, p. 9-10]². При этом, как отмечал Чижевский, речь идет о типологическом сходстве не мировоззрений (которые радикально расходятся внутри каждой из

¹ Термин Герхарда Хельбига (Gerhard Helbig). Встречается вариант: *Didaktik des Fremdverstehens*.

² Среди предтеч этой концепции – Г.Э. Лессинг, рассуждавший в трактате «Лаокоон, или о границах поэзии и живописи» (1766) о «плодотворном моменте» (*fruchtbar Augenblick*), который вызывает у реципиента произведения искусства реакцию сотворчества: ответные мысль и эмоцию, пробуждает фантазию и тем самым создает эстетический эффект, а также концепции историко-культурного процесса Гегеля и Шеллинга и труды П.А. Сорокина 1937–1941 годов по социокультурной динамике.

эпох), а именно – о минимально отрефлексированных мироощущениях, своего рода эмоционально-чувственных аксиомах эпохи.

Предлагая свою схему, исследователь осознавал опасность абстрактной схематизации. Действительно, в одну и ту же эпоху сосуществуют разные и даже разнонаправленные тенденции, и речь можно вести только о «культурной доминанте» (которая оставляет в своей тени проявления прошлого и будущего художественной эволюции¹). Но как вспомогательный инструмент комплексной систематизации разнородных явлений на занятиях она вполне допустима и научно продуктивна (13). Эвристический потенциал схемы Чижевского подтверждают и применение ее Д.С. Лихачевым к истории литературы Древней Руси, и рождающиеся в полемике современные культурологические концепции (например: [Гачев, 1989; Боров, 1997; Лотман, 2000; Липовецкий, 2012; Ермолаева, 2014; Коренькова, 2014, 2015; Власов, 2015]).

Кроме того, исключительно полезная сторона использования этой модели Чижевского в аудитории – сравнение динамики культурных процессов в России и на родине учеников (например, в Венгрии, Словакии и др.), что полностью отвечает требованию *«углубленное познание своей родной культуры и языка через изучение иноязычной культуры»*. В этом случае отличным подспорьем на уроке выступают фоновые знания студентов об истории и культуре своей родной страны, на которые проецируются хронологически или типологически схожие феномены российской культуры. Анализ сходств и различий и их исторически или этнопсихологически обусловленных причин позволяет заглянуть вглубь геокультурной проблематики, увидеть эти события как части единого мирового цивилизационного процесса.

Насколько эти подходы востребованы современными курсами иностранной литературы, можно системно рассмотреть на примере целой серии новых учебников и учебных пособий для российских студентов, изучающих историю словацкой литературы [Словацкая литература, 1997; Машкова, 2013; 2015], и для словацких студентов-русистов [Guzyová, Antoňák, 1998; Sováková, Filipov, 1999; Kovačičová, 2000; Kupka, 2000; Guzyová, 2002; Kovačičová, Červenák, Drugová, Kupko, Eliáš..., 2003; Slovník ruskej literatúry..., 2007; Ruská dráma, 2008; Kupka, Kupková, 2009 и 2014; Ruská moderna, 2011; Ruská avantgarda, 2013; Ruská literatúra..., 2014; Ляшук, 2014].

Первый систематический очерк «История словацкой литературы» Ярослава Вёлчека был издан в России еще в 1889 году, в советское время фундаментальные статьи по этой теме были опубликованы в «Истории всемирной литературы», но первый учебник появился только в 1997 году. Здесь, как и в учебнике А.Г. Машковой 2015 года, успешно соединены периодизации по языковым критериям (старославянские тексты – «период безраздельного господства латыни (до середины XIV века)» [Машкова, 2015, с. 17] – литература на чешском и словакизированном чешском [Машкова, 2015, с. 17, 20] – ренессансная и барочная литература на латыни, немецком и чешском языках – пробле-

¹ Так, классику русского поэтического импрессионизма стихотворение «Шепот, робкое дыханье, Трели соловья» (1850) А.А. Фета, опередившую эпоху импрессионизма в Европе почти на четверть века, современники сравнили с «бессвязным лепетом».

мы развития кодификации словацкого литературного языка в эпоху классицизма и романтизма) и историко-культурным: истоки словацкой литературы в ранней кирилло-мефодиевской традиции Великой Моравии → Средневековье → Ренессанс → барокко → классицизм → романтизм → реализм → модернизм («течение словацкой модерна»). Использование такой схемы позволяет российским студентам при систематизации получаемых знаний опираться на собственные фоновые знания о периодах развития русской и западноевропейских литератур, почерпнутые из школьной программы и базовых вузовских курсов. Этому помогают и абзацы, посвященные вопросу временных рамок культурных эпох. Хорошим дополнением к этому материалу служит пособие «Словацко-русские межлитературные связи. Страницы истории» [Машкова, 2013].

Вместе с тем, эти учебные книги могли обрести большую методическую стройность, если бы необходимые в курсе страноведческих дисциплин исторические обзоры были четче отделены от подглавок, посвященных дискуссиям о языках, от общекультурологических (о тенденциях в архитектуре, живописи, музыке) и собственно литературоведческих, а в конце учебника появились бы хронологическая таблица, обобщающий список библиографии, именной и предметный указатели. Также полезно было бы при упоминании прецедентных названий произведений и имен приводить их в оригинальном написании¹ (может быть, даже с учетом исторических особенностей орфографии – если преподавательский комментарий позволит лучше уловить своеобразие художественного замысла автора, а студенту точнее уловить терминологические нюансы изучаемого через культуру языка)².

В учебниках по истории русской литературы в Словакии традиционно ощущается знание доминирующих тенденций научной мысли России и чешской русистики, внимание к новым научным изданиям и хорошее владение понятийным аппаратом отечественного литературоведения. Все это словацкие авторы стремятся максимально полно донести до студентов.

Пример такого учебного текста – глава «Русская литература» О. Гузиновой и А. Антоняка в издании «Rukoväť literatúry» (Братислава, 1998). Единственный серьезный минус этой работы: отсутствие среди рассматриваемых авторов таких ярких художественных явлений, как Ч.Т. Айтматов, В.В. Быков, Г.И. Газданов, Г.Н. Айги или Т.К. Зульфикаров, – как раз и отражает известную сумятицу и непоследовательность литературоведческих подходов при определении терминов «русская / российская / русскоязычная литература» в 1990-х годах на фоне усиления этнократических тенденций в постсоветских государствах. Но там же В.В. Набоков был упомянут одновременно в обзорах

¹ С учетом случаев бытования разновариантных переводов названий одного и того же произведения – мера совсем не лишняя. См., например: раздел «Варианты названий произведений» [ЭЛП, 1998, с. 619–623].

² Например: «Война и мир» Л.Н. Толстого vs «Война и миръ» Маяковского, «Evgenia Ivanovna» Л.М. Леонова или «Generation “П”» В.О. Пелевина. Для словацких реалий культурно значимым может быть даже написание имен авторов с использованием норм немецкой и венгерской орфографий: Juraj Wernher, Leonard Stökel, Benedikt Sölösi, Pavol Országh-Hviezdoslav.

русской и американской литератур, а византиец Максим Грек с полным основанием – среди древнерусских публицистов. У авторов не возникло проблем и с отнесением к русской литературе И.Э. Бабеля, И.А. Ильфа, В.С. Гроссмана, И.А. Бродского, Ф.А. Искандера и др. Составители и авторы книги в очерках литератур Европы стремились выдерживать (с некоторыми сокращениями или, наоборот, более подробно) выделение литературно-исторических эпох: средневековье → Ренессанс → барокко → классицизм / Просвещение → романтизм → реализм / натурализм → модернизм и далее среди «-измов» XX века реформом – «литература после 1945 года», «литературное Зарубежье» (и «независимая литература и самиздат» для Словакии, России).

Пособие «Обзор русской литературы: от “Слова о полку Игореве” к постмодернизму» (Братислава, 1999) давало возможность студентам-русистам бегло ознакомиться с широким списком русских поэтов и писателей (вкл. Айтматова и В. Быкова), а также прочитать в оригинале отрывки из их произведений. Но задачи сформировать целостное представление о литературном процессе книга даже не ставит. Так, древнерусской литературе XI–XVII веков посвящено полстраницы, а всему XVIII веку – часть разворота. Далее, как своеобразное «эхо советской поры», при подаче материала строго соблюдается членение по 20- и 30-летиям в привязке культурных явлений к политическому контексту.

Преодолеть в преподавании как акцентировано социологическую инерцию, так и взгляд на «историю литературы как на “историю литературных генералов”» во многом удалось новейшему учебнику «Русская литература XVIII–XX веков» под редакцией А. Элиаша. Большой вклад в выработку новой методологической парадигмы, вероятно, внесли дискуссии в ходе специализированных российско-словацких семинаров в Словацкой академии наук [Исследование литературных процессов, 2012] и фундаментальные труды И. и В. Купки, О. Ковачичовой, Э. Малити и др., которые в 2000–2010-х годах вновь обратились к вопросам изучения динамики и закономерностей эволюции художественных систем не только на примере литературы, но и философии и эстетической мысли, театра, живописи, кино.

Отражением этой тенденции стало и включение в учебник «Литературоведение для словацких русистов» В. Ляшук отдельного раздела: «Литературный процесс» [Ляшук, 2014, с. 18-21, 33-35, 142-196]. Вряд ли стоит сводить все многообразие и всю сложность указанных проблем к элементарной триаде «влияющий – посредник – воспринимающий», но примечателен сам факт уделения этой проблематике одной из семи лекций курса и предложения ее для обсуждения учащимися в аудитории.

Перед преподавателем-литературоведом сегодня стоит сложная методическая задача: увязать воедино рассказ о сути интертекстуальности и ее типологии, о диалектике межкультурных взаимодействий и связи явлений искусства с языковыми и общественными процессами. Как представляется, схема «маятника Чижевского» позволяет в ограниченное академическое время раскрыть закономерности чередований существенных характеристик законченных «художественных систем», находящихся на пиках колебаний эстетических предпочтений эпох, внятно вычленив своеобразие переходных форм

(«предромантизм ~ готика ~ сентиментализм» и т.п.), увидеть за национально-специфическими чертами универсальные явления более высокого порядка и даже найти смысловые ориентиры в пока трудно поддающихся описанию – «большое видится на расстоянии» – ситуациях и творческих процессах конца XX – начала XXI века: «постпостмодернизм»? «гипертурбореализм»? «гротескный реализм»? «Über-реализм»? «пост-/ гипергуманизм»? «постнеопере-»? и т.д. «-изм».

И как показывает учебниковедческий анализ, сегодня потребность в задействовании такого рода систематизирующей модели существует.

Литература

Арцишевський Р.А. Підручник учора, сьогодні, завтра // Підручник XXI століття. 2003. № 1–4.

Бальхина Т.М. Структурные и содержательные аспекты учебника для инновационного образования // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 4 (37).

Беспалько В.П. Теория учебника: дидактический аспект. М., 1988

Борев Ю.Б. Сакральный символизм как художественное направление // Боров Ю.Б. Эстетика. в 2-х тт. Смоленск, 1997. Т. 2.

Бразаускаене Е., Приемская А. К вопросу о культурной составляющей в учебнике по РКИ на начальном этапе обучения языку. // Studia Russico-Slovaca. Universitas catholica Rosenbergensis. Ružomberok, 2015.

Власов В.Г. Маятник Чижевского, или Как история убивает гениев. Добавления к теории прогрессивного циклического развития искусства Ф.И. Шмита // Архитектон: известия вузов. 2015. № 49.

Волчек Яр. История словацкой литературы. Киев, 1889.

Гачев Г.Д. Неминуемое: ускоренное развитие литературы. М., 1989.

Григорьева Т.М., Ершова Е.О. Дитрих Август Вильгельм Таппе: миссионер русского языка и российской истории // Филология и человек. 2010. № 3.

Ермолаева Ел.Б. Альтернативная концепция курса истории искусства в программах профессионального высшего образования // Society. Integration. Education. Rēzekne, 2015. Vol. II.

Жосан А.Э. «Теория учебной литературы»: подходы к определению понятия // Актуальні проблеми сучасного підручничознавства. Кіровоград, 2013.

Жосан А.Э. Развивающая функция школьной учебной литературы в контексте современной парадигмы образования // Педагогика и психология. 2012. № 1.

Жосан О.Е. Становлення та розвиток радянської шкільної навчальної літератури в Україні (1921–1991 роки). Кіровоград, 2015.

Исследование литературных процессов в словацком и российском литературоведении на современном этапе. Bratislava, 2012.

Клокова Г.В. Учебники истории нового поколения: аналитическое исследование // Эйдос. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2004/0417-03.htm>

Ковригин В.В. Школьный учебник истории: теория и практика применения в учебно-воспитательном процессе // Педагогика: курсы по выбору студентов. Елец, 2008. Вып. 3.

Коренькова Т.В. Б.Акунин в координатах «маятника» Чижевского: барокко cf. Постмодернизм // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. СПб., 2014. Т. 1.

Коренькова Т.В. Литературоведческая герменевтика в курсе методики РЛИККИ (к вопросу учета традиций инонациональных рецепций русской литературы) // Литературоведческий сборник. Донецк, 2015. Вып. 53-54.

Коренькова Т.В. Русская литература XVIII–XXI вв. / Ред. А. Элиаш и др. Братислава: VEDA, 2014. 240 с. // Русский язык за рубежом. 2015. № 3.

Куляпин А.И. Азбука социализма: учебники русского языка 1920-1930-х гг. // Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.

Кусаинов А.К., Асыллов У.А. Актуальные проблемы учебниковедения. М., 2003.

Липовецкий М.Н. Маятник: от «простоты» к «сложности» и обратно // Филологический класс. 2012. № 2.

Лотман Ю.М. Асимметрия и диалог // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

Лушинская О.В., Савич Е.В. Дискурс-подход в преподавании иноязычного общения и его влияние на структуру учебного пособия // La Table Ronde: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск, 2013.

Ляшук В. Литературоведение для словацких русистов. Ružomberok, 2014.

Матвеева Т.В. О диалогичности современного учебника // La Table Ronde. Минск, 2013. Вып. 2.

Машкова А.Г. История словацкой литературы от истоков до 1918 года. М., 2015.

Машкова А.Г. Словацко-русские межлитературные связи. Страницы истории. М., 2013.

Пономарев Е.Р. Общие места литературной классики. Учебник брежневской эпохи разрушился изнутри // НЛЮ. 2009. № 97.

Роляк И.Л. Интерактивные модели общения в контексте обучения РЯДО // Филология и человек. 2015. № 1.

Саватеев В.Я. Из «темного прошлого» в «светлое будущее» // Молоко. 2014. № 8.

Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. М., 1997. Ч. I.

Современный учебник: Проблемы проектирования учебной книги в условиях модернизации школьного образования. М., 2004.

Снайдер Д. Раскол памяти: войны в Азии и учебники истории // Nippon.com / The Nippon Foundation. [Электронный ресурс]. URL: www.nippon.com/ru/in-depth/a00703

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

Шаймерденова Н.Ж. Русистика в Казахстане: исследования и обучение // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. В 4-х тт. СПб., 2014. Т. 1.

ЭЛП: Энциклопедия литературных произведений. М., 1998.

Cizevsky Dm. Outline of Comparative Slavic Literatures. Survey of Slavic Civilization. Boston, Massachusetts, 1952. Vol. I.

Guzyová O., Antoňák A. Ruská literatúra // Rukoväť literatúry. Bratislava, Košice, 1998.

Guzyová O. Ruská emigrantská literatúra v kontexte Slovenskej literatúry a kultúry v rokoch 1921-1945. Prešov, 2002.

History Textbooks and the Wars in Asia Divided memories. London, New York, 2011.

Kovačičová O. Rukoväť ruskej poézie. Bratislava, 2000.

Kovačičová O., Červeňák A., Drugová Il., Kupko V., Eliáš A., Maliti E., Kusá M., Matejko L., Pašteková S. Krátky slovník ruských spisovateľov. Bratislava, 2003.

Kupka V. Новая проза как социокультурный феномен // Nová próza ako sociokultúrny fenomén. Prešov, 2000.

Kupka V., Kupková I. Krátky slovník ruskej kultúry 20 storočia. Prešov, 2009.

Kupka V., Kupková I. Slovník ruskej umeleckej kultúry 20 storočia. Prešov, 2014.

Ruská avantgarda. Bratislava, 2013.

Ruská drama. Bratislava, 2008.

Ruská literatúra 18–21 storočia. Bratislava, 2014.

Ruská moderna. Bratislava, 2011.

Slovník ruskej literatúry 11–20 storočia. Bratislava, 2007.

Sováková J., Filipov V. Prehľad ruskej literatúry. Od Slova o pluku Igorovom k post-modernizmu. Plzeň, Bratislava, 1999.

ПРИМЕНЕНИЕ СИТУАЦИОННЫХ ЗАДАЧ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ КУРСЕ

Е.А. Штехман, Ю.А. Мельник

Ключевые слова: ситуационная задача, говорение, развитие речи, русский язык как иностранный.

Keywords: situational task, speaking, development of speech, Russian as a foreign language.

В настоящее время метод ситуационных задач активно применяется при изучении различных дисциплин естественно-научного [Бондар, 2012; Овчинникова, 2014], технического [Вишнякова, 2011], военного [Бударин, 2010; Веревкина, 2014], медицинского [Щекотов, Барламов, Байдаров, 2012] профиля. Все чаще данный метод стал использоваться при изучении гуманитарных предметов [Жаравина] и иностранных языков [Глазырина, 2014; Новикова, Зорина, Картунов, 2014; Савенок, 2010].

Ситуационные задачи – это задачи, позволяющие учащемуся осваивать интеллектуальные операции последовательно в процессе работы с информацией: ознакомление – понимание – применение – анализ – синтез – оценка.

Мы понимаем ситуационную задачу как методический прием, включающий совокупность условий, направленных на решение практически значимой ситуации с целью формирования компонентов содержания образования [Павленко, 2012].

Так, Е.И. Пассов отмечает, что «под ситуацией необходимо понимать не совокупность экстралингвистических обстоятельств, а систему взаимоотношений собеседников, отраженную в их сознании... Ситуация есть такая динамичная система взаимоотношений обучающихся, которая благодаря ее отраженности в сознании порождает личную потребность в целенаправленной деятельности и питает эту деятельность» [Пассов, 1989, с. 95].

В методической литературе выделяют три «ситуации»:

1. Ситуация действительности – это есть такая совокупность условий (обстоятельств) в акте деятельности какого-либо лица, одна часть которой, заключающая в себе противоречие, ставит перед этим лицом проблему–задачу действия, то есть формирует целевую часть действия, другая же часть этой совокупности обуславливает исполнительную сторону действия.

2. Неречевая ситуация – такая совокупность условий (обстоятельств) в акте деятельности какого-либо лица, одна часть которой, заключающая в себе противоречие, ставит перед ним проблему – задачу действия, другая же часть этой совокупности обеспечивает выполнение задачи самим лицом посредством определенного физического действия.

3. Речевая ситуация – такая совокупность условий (обстоятельств) в акте деятельности какого-либо лица, одна часть которой, заключающая в себе противоречие, ставит перед ним проблему-задачу действия, другая часть этой совокупности обуславливает возможность решения задачи с помощью собеседника, обращением к которому с этой целью и служит речевое действие [Пассов, 1989, с. 14]. Специфика ситуационной задачи заключается в том, что она носит ярко выраженный практико-ориентированный характер, но для ее решения необходимо конкретное предметное знание [Екимова, 2014, с. 87]. На занятиях по русскому языку как иностранному обычно решаются практические ситуации, так как именно их проигрывание позволяет учащимся чувствовать себя уверенней в повседневной действительности.

Существует ряд критериев, опираясь на которые можно подобрать материал для ситуационных задач [Бударин, 2010, с. 178; Жаравина, 2014, с. 958; Овчинникова, 2014, с. 49]:

К числу таких критериев относят следующие:

- ситуационная задача должна быть сформулирована в виде рассказа, связанного текста;
- актуальность: для ситуационной задачи необходимо брать темы, которые являются актуальными для будущей профессиональной деятельности или в рамках изучаемого предмета;
- практическая пригодность: задача должна вызывать интерес и быть связанной с реальной ситуацией, с которой придется столкнуться будущему профессионалу в своей деятельности;
- контекстность: важно, чтобы в задаче была представлена проблема, которая активизирует определенный комплекс знаний, формирует конкретные умения и навыки, связанные с материалом изучаемого предмета;
- адресность: создавая ситуационные задачи, необходимо учитывать возрастные особенности обучающихся и уровень их подготовки по предмету;
- типичность: в ситуациях необходимо отражать типичное, что в дальнейшем предопределяет способность анализировать ситуации посредством применения аналогии. Добавим от себя, что ситуации должны быть типичными только в начале их применения по каждой теме. При последующем использовании метода ситуационных задач ситуации необходимо усложнять и предусматривать не только типичные, но и инновационные, креативные подходы к решению поставленной проблемы. В противном случае обучающийся утратит способность творчески подходить к решению проблем;
- конкретность: наличие четко сформулированного условия задачи и поставленной цели ее решения, сформулированных таким образом, чтобы обучающийся ясно представлял, что от него ожидают в результате

проделанной им работы. При этом допускается присутствие в задаче приводящих факторов, на первый взгляд, не имеющих к ней непосредственного отношения, но способствующих, тем не менее, поиску оптимального решения проблемы;

- наличие потенциала для развития обучающихся: содержание ситуационной задачи должно включать вопросы, требующие анализа ситуации, выстраивания логических выводов, выражения собственного мнения, построения и обоснования личной позиции по отношению к обозначенной проблеме;

- вариантность: задача должна иметь несколько вариантов решения, что позволяет развивать у обучающего способности искать наиболее оптимальный.

Данные критерии помогают преподавателю правильно составить текст ситуационной задачи.

На занятии по русскому языку как иностранному целесообразно использовать ситуационных задач для формирования навыков говорения.

Говорение — продуктивный вид речевой деятельности, посредством которого осуществляется устное общение, является наиболее активной формой коммуникации. Целью говорения является выражение мыслей, чувств, передача информации, то есть требуется обязательное обучение данному виду деятельности в рамках ситуации общения. Говорение следует рассматривать в системе коммуникативного метода.

Обучение говорению — одна из самых сложных задач в преподавании русского языка как иностранного. Трудность заключается в том, что языковым материалом нужно овладеть в совершенстве и пользоваться им как средством общения. Данную проблему помогает решить применение ситуационных задач.

При обучении русскому языку на подготовительном курсе материал обычно выстраивается по тематическому принципу. При изучении лексических тем целесообразно применять метод ситуационных задач.

На элементарном уровне происходит активное формирование лексикона обучающегося. При изучении тем «Знакомство», «Этикет» можно предложить студентам решить такие ситуационные задачи:

1. *Вы едете в автобусе. Попросите передать деньги за билет, поблагодарите пассажира за помощь.*

2. *Вы на уроке русского языка (на дне рождения у друга, в театре). Выразите просьбу, используя речевые конструкции.*

Пожалуйста.

Будьте добры.

Будьте любезны.

Если тебе не трудно + глагол в форме повелительного наклонения

Если вас не затруднит

Сделайте одолжение

Будь другом

3. *В русском языке существуют разнообразные способы выражения*

отказа. Откажитесь дать ручку незнакомому человеку; брату (сестре); другу.

4. Ваш друг первый раз у вас дома. Познакомьте его со всеми членами вашей семьи: родителями, бабушкой, дедушкой, братом, сестрой, племянником.

5. Позвоните по телефону другу (родителям, преподавателю) и договоритесь о встрече.

6. Вы пришли к другу. В его комнате холодно (жарко). Попросите друга решить проблему.

7. Вы пришли в гости, но хозяйку вызвали из комнаты, и она не успела вас представить. Познакомьтесь с гостями сами.

Далее, при изучении тем «Профессии», «Спорт», «Родной город», «Погода» можно предложить следующие задачи:

- Вы пришли к директору фирмы устраиваться на работу инженером (продавцом, врачом, механиком, водителем). Расскажите о себе.
- Вы окончили школу и хотите стать врачом. Убедите родителей.
- Вас приглашают на хоккей. А у вас уже есть билет на баскетбол.
- Вы собираетесь идти кататься на лыжах. Пригласите друга (подругу).
- Вы пришли к другу. Расскажите о любимом виде спорта.
- Проведите экскурсию по городу Омску (по столице вашей страны).
- Вы потерялись в городе. Объясните прохожему, как это случилось, и попросите помочь.
- Ваш друг собирается приехать к вам в гости. Сейчас зима. Расскажите, какая сейчас погода и какая нужна одежда.
- Вы приехали в Омск осенью. Расскажите группе, какая на вас была одежда.
- В России считают, что самое интересное время года – зима, потому что зимой может быть холод до -50 на севере и тепло до +15 на юге. А в Омске может идти снег или снег с дождем. Какое время года для вас самое интересное? Почему?

При работе над темой «Транспорт» перед решением задач можно предложить соответствующий лексико-грамматический комментарий вкуче с иллюстрацией (см. рис. 1):

пользоваться... чем?

ехать... на чем?

остановка... чего?

делать пересадку ...с чего? ...на что?

			
велосипед	мопед	мотоцикл	квадроцикл
			
машина	самолет	вертолет	трактор
			
поезд	такси	корабль	лодка
			
микроавтобус	автобус	трамвай	яхта

Рис. 1. Виды транспорта

После этого можно предложить решить такую задачу:

Вы собираетесь ехать в другую страну (Монголия, Лаос, Конго, Перу и др.), но не знаете, на каком транспорте поехать. Посоветуйтесь с друзьями.

Для того, чтобы разнообразить процесс обучения говорению при решении ситуативных задач на занятии по РКИ, можно применять иллюстрации. Например, можно использовать реальные фотографии друзей или членов семьи обучаемого:

Опишите друга (подругу). Собеседник должен угадать фотографию того, о ком вы рассказываете.

Другой вариант – предложить обучаемому рассказать о человеке по картинке (подготовить заранее в форме слайдового или раздаточного материала). Это могут быть изображения как известных, так и неизвестных людей.

На базовом уровне происходит активное пополнение словарного запаса обучающихся за счет введения большого количества новых слов, которые необходимо включать в разговорную речь. Для формирования устойчивых навыков говорения на данном этапе в курсе русского языка на подготовительном курсе при изучении темы «Образование», «Путешествие» можно решать такие задачи:

1. *Расскажите о своем первом дне в первом классе (о своем первом дне в институте, о выпускном вечере в школе, о первом экзамене).*

2. *Вы учитель русского языка. Проведите урок русского языка в 1-ом классе вашей школы.*

3. *На улице к вам подошел иностранец и попросил объяснить, как доехать до вокзала.*

4. *Вы находитесь в отпуске в Италии. Итальянский язык вы не знаете. Спросите у прохожего, где находится кафе.*

5. *Вы решили поехать в Москву на экскурсию и пришли в туристическое агентство. Расскажите, что вы хотите посмотреть в столице.*

6. *Ваш друг живет в Москве. Попросите его рассказать о достопримечательностях города.*

7. *Вы познакомились по Интернету с иностранцем. Он хочет поехать в вашу страну. Расскажите, какие музеи можно посетить в вашей стране.*

8. *Вы работаете в известной турфирме Анголы. К вам приехал турист из России с вопросом: «Что можно посмотреть в вашей стране, куда можно сходить?». Проблема в том, что он уже долго путешествует по Африке и у него осталось очень мало денег. Что вы посоветуете в этой ситуации?*

9. *Ваш друг работает в рекламном агентстве. Помогите ему составить рекламу очень красивого, но малоизвестного и непопулярного среди туристов места в вашей стране. Опишите это место так, чтобы людям захотелось туда поехать.*

10. *Вы путешествуете автостопом по России. Ваш попутчик – очень общительный человек. Он хочет поехать отдыхать в вашу страну. Расскажите ему о плюсах и минусах такого отдыха.*

11. *Вы собираетесь отдохнуть за городом три дня. Какие вещи вы возьмете с собой? Возьмете ли любимую собаку?*

12. *Ваши русские друзья никогда не были за границей. Они выбирают страну, куда бы хотели поехать летом. Убедите их, что ваша страна –*

идеальное место для отдыха.

13. *Вы прилетели в Москву и не можете найти свой чемодан. Ваши действия?*

На базовом уровне обучения в качестве готовых моделей студенту может предлагаться целый текст, по образцу которого обучающийся должен выстроить свой, например:

1. Прочитайте письмо, ответьте на вопросы Марины.

Привет, мой дорогой друг.

Извини, что долго не писала тебе. Но у меня было много дел. Как ты знаешь, я учусь в университете на математическом факультете на втором курсе. Зимой у нас была сессия. Я сдала все экзамены, и потом у нас были каникулы. На каникулы я ездила домой к маме и папе.

Расскажи мне, как учишься ты, трудно тебе или не очень? Какие предметы изучаешь, какие твои любимые предметы? Где ты будешь учиться после окончания подготовительного курса? И почему тебе нравится профессия военного?

Твоя подруга Марина.

2. *Расскажите об образовании в вашей стране. Используйте в качестве примера текст «Образование в России».*

Образование в России

Дети дошкольного возраста ходят в детский сад. Там они играют, ходят на прогулки, слушают сказки, которые им читает воспитательница.

В начальной школе дети учатся читать, писать, считать. В старших классах школьники изучают разные предметы: физику, химию, языки, математику, историю, географию и другие. Школьники занимаются в классах. У каждого школьника есть дневник, куда учителя ставят отметки. Во время урока ученики должны отвечать на вопросы учителя, выполнять упражнения, писать предложения, считать и читать. Часто учитель вызывает учеников к доске. После каждого урока учитель задает домашнее задание, а на следующем уроке проверяет его. Среднее образование заканчивается выпускными экзаменами, которые в России называют ЕГЭ (единственный государственный экзамен).

После выпускных экзаменов бывшие школьники могут поступать в вуз (высшее учебное заведение). В вузе студенты, курсанты получают высшее образование. Все студенты и курсанты занимаются в аудиториях, где они слушают лекции и пишут конспекты, посещают семинары. Каждый семестр студенты, курсанты сдают зачеты и экзамены. Преподаватели ставят оценки в зачетные книжки.

Большой функциональностью обладают ситуационные задачи, в которых использованы таблицы (таблицы-схемы). Они дают возможность наглядно и в обобщенном виде представить сам характер общения и его условия и добавить необходимый для усвоения темы грамматический материал, без которого сложно будет построить продуктивную коммуникативную модель. Кроме того, таблица может представлять собой «опорный конспект» для построения ответа. В ней в сжатом виде (в формате плана или тезисного плана) содержится вся

необходимая информация, которая становится основой для построения связного текста, например:

Рассмотрите схему «Омск. История и современность». Опираясь на эту схему, расскажите, что вы узнали об Омске во время обучения здесь:

ОМСК	
ИСТОРИЯ	СОВРЕМЕННОСТЬ
<p>ОСНОВАНИЕ 1716 год. Иван Бухгольц Защита России Маленькая крепость Военный город</p>	<p>ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ЦЕНТР Нефтезавод Шинный завод Танковый завод Завод пластмасс Стекольный завод Судостроительный завод Электроламповый завод</p>
<p>ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА Омск – «белая столица» Правительство Адмирал Колчак Легенда о золоте Колчака</p>	<p>КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР Город-миллионник Город театров Драматический театр Театр кукол Пятый театр Молодежные театры «Золотая маска» Город студентов Университеты Институты Академии Техникумы Колледжи Училища Музеи Библиотеки (самая большая – им. А.С. Пушкина) Праздники День города, Флора, АгроОмск.</p>
<p>ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА (1941–1945) Тыл (в тылу) Госпиталя Эвакуация Заводы, фабрики, промышленные предприятия</p>	<p>СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР Город спорта Стадионы Бассейны ХК «Авангард» Центр художественной гимнастики Сибирский марафон Алексей Тищенко, Ирина Чашина, Евгения Канаева, Вера Бирюкова, Виталина Бацарашкина</p>

Схема 1. Омск. История и современность

Отметим, что при решении ситуационной задачи преподаватель и обучающийся преследуют разные цели: студент пытается найти решение, соответствующее данной ситуации; преподаватель пытается добиться освоения учащимися способа деятельности и осознания его сущности.

Во время решения ситуационной задачи всегда происходит «выход» обучающегося за рамки учебного процесса, в социальное пространство, и именно это позволяет ситуационной задаче стать инструментом организации социальной практики учащихся.

На занятиях по русскому языку как иностранному обычно предлагаются практические ситуации, так как именно их проигрывание позволяет инофонам чувствовать себя уверенней в повседневной жизни.

Таким образом, при обучении говорению на подготовительном курсе вуза применение ситуационных задач является целесообразным, так как способствует формированию навыков говорения, активному развитию речи. Задача, при построении которой преподаватель опирается на разнообразный материал, способствует повышению мотивации к обучению, развитию коммуникабельности и активности обучающихся, раскрытию их творческого потенциала.

Ситуационные задачи позволяют применять на практике знания, полученные в процессе изучения разных тем, при этом они могут предусматривать расширение образовательного пространства обучающегося. Решение ситуационных задач, основывающихся на привлечении учащихся к активному разрешению учебных проблем, тождественных реальным, позволяет овладеть умениями быстро ориентироваться в разнообразной информации, самостоятельно и быстро отыскивать необходимые для решения проблемы сведения и, наконец, научиться активно, творчески пользоваться своими знаниями.

Практическая направленность ситуационных задач способствует адаптации студентов в стране изучаемого языка.

Литература

Бондар Е.Н. Формирование универсальных учебных действий учащихся на уроках химии посредством решения ситуационных задач // Вестник научных конференций. 2015. № 1–3.

Бударин Е.А. Использование метода решений конкретных ситуационных профессиональных задач в подготовке курсантов военно-морских институтов // Психология и педагогика методика и проблемы практического применения. 2010. №11–2.

Веревкина Л.Е. Организация работы учащихся при решении ситуационных задач // Обучение и воспитание методики и практика. 2014. № 13.

Вишнякова И.В. Подготовка инженеров с использованием новых технологий // Высшее образование сегодня. 2011. № 5.

Глазырина Е.С. Применение метода ситуационного анализа («кейс-технологии») на занятиях иностранного языка в вузе по аспекту «язык специальности» // Обучение и воспитание: методики и практика. 2014. № 12.

Екимова В.А. Кейс-метод в высшей школе: проблемы применения и оценки эффективности // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 1.

Жаравина И.А. Использование ситуационных задач в адаптации учебного материала гуманитарных дисциплин при обучении студентов технического вуза в заочной форме // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8-4.

Новикова Н.Г., Зорина Н.М., Кортунов В.В. Использование ситуационных задач в обучении студентов созданию делового дискурса // *Образование и общество*. 2014. Т. 6. № 89.

Овчинникова Т.А. Технология работы с ситуационными задачами // *Инновации в совр. науке*. М., 2014.

Павленко Е.А. Ситуационные задачи как форма интерактивного изучения школьного курса географии // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 2.

Пассов Е. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., 1989.

Савенок А.Г. Задачный подход в обучении иностранному языку в военном вузе // *Российский научный журнал*. 2010. № 17.

Щекотов В.В., Барламов П.Н., Байдаров А.А. Применение ситуационных задач в современной медицине // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2012. № 3

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**РЕЦЕНЗИЯ на монографию Д.А. Кожанова
«Воздействие научного дискурса на художественный
как проблема интердискурсивности»
(под науч. ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2017. 188 с.)**

Рецензируемая работа написана в русле интеграции основных идей коммуникативной и когнитивной парадигм. Современное лингвистическое знание, с одной стороны, обращено к анализу ментальных структур, а с другой, – к описанию способов передачи информации с учетом контекста коммуникации. Такое положение дел в лингвистической науке XXI века приводит к актуализации проблемы взаимодействия концептуальных систем, эксплицируемых в дискурсе, рожденном на пересечении научной и художественной картин мира. Д.А. Кожанов по-своему видит решение данной проблемы – через поиск ответов на следующие вопросы: какие единицы сознания стоят за знаками языка науки и образуют в своей совокупности научную картину мира; какие языковые знаки могут выступать в качестве маркеров научного дискурса в концептуальном пространстве художественного текста.

Ключевая задача рецензируемой работы заключается в попытке автора представить дискурс как особый инструмент конструирования мира. Описание неоднородности дискурсивного пространства, в которое погружен современный текст и, естественно, читатель, побуждает Д.А. Кожанова поставить вопрос о механизме взаимодействия дискурсов, о сохранении целостности текста при его природной гетерогенности. Решению данной задачи подчинена логика построения монографии и ее содержательная сторона. Поставив в центр внимания гетерогенную природу дискурса, детерминированную современной реальной коммуникацией, автор монографии последовательно выстраивает композицию книги: от описания смысловых языковых знаков воздействия научного дискурса на художественный дискурс (глава 1) к описанию функциональных характеристик репрезентантов научного дискурса в художественном тексте (глава 2).

Новизна научного подхода, выбранного автором, не вызывает сомнений. Феномен интердискурсивности рассматривается с учетом трехуровневой структуры дискурса, а именно: семиотической, когнитивной и прагматической.

Остановимся на положениях, которые показали рецензенту интересными и перспективными.

Развивая идеи У. Эко и А. Леонтьева об интерпретационной составляющей читателя при декодировании смысла, автор предлагает по-новому взглянуть на тезис П. Рикера о множественности интерпретаций. Как считает Д.А. Кожанов, на интерпретационную составляющую адресата оказывают влияние не только фоновые знания, которыми он пользуется в процессе декодирования смысла, но и неоднородность дискурсивного пространства современного текста.

Интересной и своевременной представляется мысль о механизмах, детерминирующих интерпретационные стратегии. С точки зрения автора, двигателем, который обеспечивает прирост информации, кажущийся бесконечным благодаря множеству возможных интерпретаций одного и того же текста, является взаимодействие дискурсов, а именно: перемещение в интерпретационном поле одного текста в сторону другого, где первый текст получает статус донора, второй – реципиента. Соображения, высказанные автором монографии, заставляют нас, во-первых, увидеть новое прочтение теории диалогичности М.М. Бахтина, во-вторых, задуматься над применением подобного методического хода к описанию современных текстов, интегрирующих разноприродные стилевые и жанровые признаки (например, миниатюра, эссе, рассказ-анекдот и т.д.). С помощью вскрытия работы этого механизма представляется возможным получить ответ на целый ряд вопросов: чем обусловлена открытость текстов постмодернизма; какова природа гетерогенности; может ли современный текст оставаться монодискурсивным и пр.

Особого внимания в работе заслуживает тщательный анализ репрезентант научного дискурса в художественном тексте: терминологических и около-терминологических лексических единиц, прецедентных имен, знаков искусственных языков науки, «чужого слова».

Несомненным достоинством работы является единство в методике представления материала, что стало возможным благодаря сопряжению филологического подхода с принципами концептуального анализа и дискурс-анализа. Концептуальный анализ позволил объяснить действие как следствие ментальных сущностей и процессов, дискурс-анализ, в свою очередь, обеспечил ответ на вопрос, как единицы сознания конструируются и используются в коммуникации. Указанный методический взгляд на проблему позволил автору работы глубоко изучить репрезентанты научного дискурса на когнитивном, прагматическом и функциональном уровнях (о чем говорится во второй главе исследования). Стоит отметить, что анализ фактического материала на основе предложенной методики (параграф 2.1) дал возможность исследователю прийти к адекватным выводам о гетерогенной природе дискурса. В частности, о том, что взаимодействие дискурсов происходит в каждом конкретном акте прочтения текста, поэтому моделирование данного процесса невозможно без обращения к ментальному миру адресата. Осознать этот мир возможно посредством концептуального анализа, получившего в работе статус основного метода исследования, позволяющего реконструировать ментальные операции, сопровождающие интерпретацию маркеров научного дискурса в художественном тексте. Автор работы справедливо отмечает: «исследователь вынужден выполнять две роли, оказываясь одновременно как на позиции читателя, интерпретирующего

художественный текст, так и на позиции внешнего наблюдателя, отслеживающего реализацию данного процесса и фиксирующего его результаты».

Не вызывает сомнений вывод Д.А. Кожанова о том, что гетерогенность современного дискурса, рассмотренного через призму взаимодействия художественного и научного текстов, отражает эклектику индивидуального и коллективного сознания в современном обществе, вынуждает исследователей по-новому взглянуть на проблему языковой личности, выступающей субъектом нескольких дискурсов одновременно.

Рецензируемая монография представляется актуальным, законченным исследованием, имеющим серьезную теоретическую значимость и практическую ценность. В работе предложена оригинальная научная концепция. Полученные результаты имеют ценность для характеристики текстов разных жанров, намечают корпус новых идей в области исследования дискурса, функционирующего в современном коммуникативном пространстве.

Г.В. Кукуева

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

*С.А. Мансков, Е.В. Лукашевич, В.В. Витвинчук, И.В. Фотиева,
Т.А. Семилет, В.Т. Плахин, В.Д. Мансурова, М.А. Деминова*

Введение

Мансков Сергей Анатольевич, декан факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета:

Медийная сфера современного массово-коммуникационного общества динамична, факторы, детерминирующие ее изменения, множественны и разнокачественны. В силу этого она требует постоянного внимания и научной рефлексии со стороны ученых целью выявления формирующиеся тенденции, оценивать их социокультурный смысл, прогнозировать изменения, формулировать практические рекомендации. Современная медиакоммуникация – предмет научно-исследовательского интереса кафедры теории и практики журналистики и Евразийского научно-образовательного центра медиаисследований факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ. Результаты исследований находят отражение в сборниках научно-методических работ (см. [Медиаисследования, 2014; 2015; 2016; Спецвыпуск 2017]), в проведении конференций и круглых столов. Тема сегодняшнего обсуждения – наиболее актуальные проблемы современной медиакоммуникации.

Дискуссия:

Лукашевич Елена Васильевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и практики журналистики Алтайского государственного университета:

Уважаемые коллеги, мы с вами обсуждаем очень важную проблему. В современной научной литературе появляется огромное количество сложных слов с первой частью «медиа», причем многие из них употребляются в качестве терминов, об объеме содержания которых ученые еще не договорились. К таким междисциплинарным терминам, на мой взгляд, относится и «медиакоммуникация».

Я считаю, что медиакommunikация может быть рассмотрена как: 1) сбор, обработка, процесс распространения специально подготовленных сообщений, представляющих социальную и личную значимость; 2) медиаплатформы (традиционные СМИ, новые медиа); 3) продукция медиакommunikации (медiateксты, медиадискурсы и др.); 4) отрасль научного знания и образования (ср. определение журналистики С.Г. Корконосенко [Корконосенко, 2001, с. 3]).

Очевидно, что понимание смысловой доминанты термина «медиакommunikация» оказывает значительное влияние на понимание сущности и направленности профессиональной подготовки работников медиасферы.

Так, анонсируя открытие новой бакалаврской программы «Медиакommunikации», декан факультета коммуникаций, медиа и дизайна ВШЭ А. Быстрицкий отметил: «*Современные медиа остро нуждаются в специалистах, которые могут сочетать организаторские способности, технологические умения и креатив*» [На программе «Медиакommunikации»..., 2015]. «Студентов будут учить управлять медийными проектами, руководить коллективом, привлекать аудиторию к созданию информационного и развлекательного контента <...> налаживать взаимодействие с различными организациями и учреждениями в рамках медийных проектов, эффективно искать и обрабатывать информацию с помощью новейших технологий» [На программе «Медиакommunikации»..., 2015].

По мнению И.М. Дзялошинского, «при вхождении в профессиональную среду начинающий журналист вступает в мир ценностей, охраняемых и поддерживаемых системой социальных норм, запретов, санкций, которые обеспечивают стабильность профессионального сообщества» [Дзялошинский, 2015, с. 170–171]. К основным задачам образовательной среды, на мой взгляд, следует отнести обеспечение паритета усвоения профессиональных журналистских норм и ценностей, с одной стороны, и технологической подготовки и управленческих навыков – с другой.

Медиакommunikативное поведение аудитории существенно влияет на изменение формата медиапродукта. Так, одним из трендов новых медиа в 2017 г. называется запрос их аудитории на прямой социальный эффект, результат журналистской деятельности: «Читателям все равно, опубликуете вы свое исследование в солидном медиа или малом блоге – их интересует конкретный результат: “Что изменится?” “Какие будут последствия?”» [Корнев, Пуля, URL].

Следовательно, важным фактором определения эффективности медийной коммуникации является специфика медиапотребления. На мой взгляд, очень интересны результаты исследования моделей медиапотребления [Модели медиапотребления, 2017]. Изучение стратегии потребления информации позволило авторам сделать ряд интересных выводов. Так, например, аналитики зафиксировали значительную глубину чтения интернет-медиа: «В полностью просмотренных статьях пользователи в среднем прочитывали 66% текста – на десктопе и 71% – на мобильных устройствах» [Медиатор, URL].

Кроме того, исследователи подчеркивают, что для читателей крайне важен источник информации: «По ссылкам, которые публикуют авторитетные

для респондента издание, группа или человек, быстро переходят – и потом уже разбираются, насколько интересный материал за кликом» [Медиатор, URL].

С. Паранько пишет об ограниченной способности человеческого мозга к концентрации внимания, связанной, например, с обработкой, систематизацией получаемой информации в век информационной перегрузки [Паранько, 2016, с. 8]. В «Атласе новых профессий» в сфере медиа указываются такие профессии, как редактор агрегаторов контента, инфостилист, продюсер смыслового поля, дизайнер эмоций, архитектор виртуальности [Атлас новых профессий, 2015, с. 233–241].

Витвинчук Владимир Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета

Одна из тенденций в современной медиакommunikации – борьба между журналистикой мнений и журналистикой факта. С одной стороны, каждое утверждение должно быть подтверждено фактами и документами, о чем говорит бывший редактор отдела расследований газеты «The Boston Globe» У. Робинсон [«Они думают...», URL]. В то же время исследователи подчеркивают пагубные последствия безудержного роста потока фактов в публичном пространстве. Э. Гидденс отметил, что рост потребляемой информации пропорционален снижению способности ее понимать и анализировать. Проблема понимания, в свою очередь, приводит к дефициту общественно значимых смыслов и ориентиров развития: «...настоящее время утрачивает самостоятельный смысл: оно либо приносится в жертву идеальному будущему, либо вытесняется повторяющимися стереотипами прошлого» [Горин, 2011, с. 345]. Коммуникационная система низводит образ реальности до всполохов «белого шума». Аудитория теряет желание разбираться в бесконечной веренице **фактов**, формируя устойчивый спрос на **мнения**. Примером служит стратегия «Эха Москвы», отодвинувшего новости о фактах в четвертую колонку сайта и создавшего платформу для репрезентации мнений известных медийных персон (рубрики «Персонально ваш», «Особое мнение» и др.). Можно также отметить деятельность новостных агрегаторов «Яндекс.Новости» и «Новости Mail.ru», где подборка трендовых новостей все чаще представлена мнениями, заявлениями, комментариями и комментариями к комментариям.

С одной стороны, эту тенденцию можно оценить положительно, как свидетельство того, что у аудитории сформировалась потребность в обретении смыслов и ориентиров. С другой стороны, а) потребление «мнений», не подтвержденных фактами и анализом, воспринимаемых эмоционально и некритично, может привести к формированию ложной картины мира, б) для журналистов презентация чужих мнений вместо сообщения собственного, сформированного на основании фактов, их всестороннего анализа, означает профессиональную депривацию и утрату заслуженной позиции лидеров мнений.

Фотиева Ирина Валерьевна, доктор философских наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета

В последнее время медиаисследования концентрируются преимущественно на узком круге проблем: на организационно-технической

стороне журналистского «производства», возможностях, связанных с новыми технологиями; методах привлечения аудитории. На второй план уходят вопросы качества материалов, социальной миссии журналистики, ее ценностных ориентаций. Иными словами, акцент в исследованиях все чаще делается на «как», а не на «что» и «для чего».

Показательно изменение терминологии – журналист уже не *пишет статью*, а «*производит контент*» или «*собирает инфомолекулу*». Внедряется представление о журналистике как о конвейерном, смысло- и ценностно-нейтральном «производстве информации», рассматриваемой как «товар», который необходимо привлекательно упаковать и продать с максимальной выгодой. Миссия СМИ при этом – удовлетворять потребность в информации, точно так же, как потребность в любом другом товаре. Эта тенденция касается не только журналистики, но и образования (показательны термины «образовательные технологии» и «образовательные услуги»), и культуры: везде внедряется «технологически-рыночный подход». Критический анализ происходящего представлен уже во множестве трудов; и я, и мои коллеги также касались данных проблем (см., например: [Семилет и др., 2016, с. 30-45]).

Эта ситуация влечет за собой целый ряд важных вопросов. Остановимся на одном: можно ли считать информацию товаром? Для простоты воспользуемся подходом К. Шеннона и рассмотрим информацию как то, что снижает неопределенность, позволяет сделать выбор. В наиболее простом случае это, скажем, информация о расписании авиарейсов. Она может рассматриваться как товар и предоставляться за плату. Но дело в том, что подобный локальный и частный выбор не изолирован; он осуществляется *в контексте*, причем многоуровневом. То есть если человек решил приобрести тот или иной товар (услугу), то этот локальный выбор сам обусловлен выбором более высокого уровня: выбором определенного стиля жизни; последний – сознательным или бессознательным выбором мироотношения и мировоззрения. Но формирование этих уровней также обусловлено информационной средой, в том числе создаваемой СМИ. Можно ли информацию этих более высоких уровней считать «товаром»? Такое предположение явно контринтуитивно: нельзя продать ценности и мировоззрение. Поэтому здесь журналистика продает не *информацию*, а лишь *доступ* к ней – например, к статье, содержащей определенные ценностные и мировоззренческие установки. Это разделение, кстати, четко отражено в международных кодексах журналистской этики, и поэтому тезис о «продаже информации» неверен (или, по крайней мере, неполон) даже с формальной точки зрения. И, наконец, помимо этого, сегодня СМИ поставляют огромный массив информации, которую нельзя отнести ни к одному из уровней; ее можно классифицировать лишь как *информационный шум*. Он не помогает осуществлению осмысленного выбора либо в силу информационной пустоты (светские сплетни), либо в силу внутренней раздробленности (при коллективно-конвейерной «сборке инфомолекул»).

Отсюда очевиден вывод: либо журналистика должна отказаться от претензии на социальную миссию и поставлять лишь простейшую информацию-товар, разбавленную хаосом информационного шума, но при

этом информационный поток, лишенный ценностно-смысловой макроструктуры, способствует формированию постмодернистского социального «хаосмоса» (*вторичного, антропогенного*, лишенного креативного потенциала, вопреки чаяниям постмодернистов). Это состояние общества ярко представлено в антиутопиях. Этот социальный «хаосмос» – идеальная среда для управляющих (манипулирующих) структур. То есть идеологи конвейерной, нейтрально-информационной журналистики должны ясно осознавать, что она *смыкается с откровенно ангажированной*. Либо же необходим разворот вектора журналистики именно в направлении осознания и реализации ее позитивной социальной миссии. Но для этого следует отказаться от упрощенных «технологически-рыночных» представлений, сделать акцент на «что», а не «как»; на качество, а не скорость; на авторскую, творческую журналистику.

Семилет Тамара Алексеевна, доктор философских наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета

Негативный тренд развития современной медиасферы – деградация курса публичной коммуникации. Интернет радикально изменил эту сферу: расширил количество ее субъектов, их свободу в презентации своих мнений, тем, средств выражения; осуществил небывалое ранее в истории равенство в доступе к информационным ресурсам и к аудитории.

Либерализация и эгалитаризация публичной коммуникации посредством интернета, ее демократизация многими теоретиками воспринимаются комплиментарно. Так, Дж.П. Барлоу заявил проект создания мира, где каждый человек мог бы быть абсолютно свободен в своих высказываниях, публиковать свою позицию без оглядки на какие бы то ни было ограничения и официальные запреты [Барлоу, URL]. Приведу мнение одного из сторонников эгалитарной коммуникации: «Разновидностью теории эгалитарной коммуникации является модель равных возможностей, которая предполагает <...> возможность высказывания в СМИ и направления в другие СМК любых нестандартных, спорных и даже контрарных точек зрения. Для защиты отмеченных прав предлагается создание Федеральной комиссии по обеспечению эгалитарности массовых коммуникаций» [Шарков, URL]. «Бог создал людей, а Интернет сделал их равными» – лозунг сторонников торжества эгалитаризма в интернете.

Но реализация либерально-эгалитарных принципов в функционировании виртуального пространства показала аксиологическую амбивалентность результатов. Наряду с положительными эффектами проявились серьезные отрицательные последствия, которые сегодня у многих вызывают обеспокоенность. В частности, на практике Интернет стал площадкой для девальвации текста, нарушения правил коммуникативного поведения в публичной сфере. И это проявляется на всех уровнях языка:

- *на фонетическом* уровне: преднамеренное коверканье слов или их нарочито неверная графика (так называемый «олбанский язык», по определению М. Кронгауза) [Кронгауз, URL] наряду с элементарной неграмотностью;

- *на морфологическом уровне*: невероятная популярность словообразовательных моделей с суффиксами -абельный, -ибельный, -ово, -ень (читабельный, смотрибельный, мочилово, хрень, скукотень и проч. подобные); редупликация (шашлык-машлык, Фейсбук-шмейсбук, Вконтакте-шмонтакте, Твиттер-швиттер и т.п.) [COME ON, ЗАЙКИ..., URL], повсеместные сокращения;
- *на лексическом уровне*: нормой стала сниженная лексика сетевого дискурса, легитимизируется обценная лексика [Кронгауз, 2014, с. 313], «непечатные слова» и «непарламентские выражения» становятся «печатными» и «парламентскими»; маргинальный дискурс (слухи, сплетни, выплески эмоций) приобретает статус очевидно-нормального, заслуживающего места в публичной коммуникации;
- *на синтаксическом уровне*: существенно сокращено в речевой практике употребление сложных предложений, а обращение с пунктуацией очень произвольное, если не сказать варварское;
- *на уровне этикета и правил коммуникативного поведения*: сетевой этикет, этика коммуникации повсеместно нарушаются: троллинг, флуд, флейм – постоянные феномены сетевого дискурса. «Хамство в Интернете принимает масштабы стихийного бедствия. Друг другу хамят на форумах, в чатах, в переписке, в том числе деловой <...> И если в обычной жизни человек десять раз подумает, прежде чем кидать кому-то в лицо оскорбление, то при общении в Сети он делает это, не задумываясь» [Касимов, URL].

Исследование, проведенное Е. Лукашевич, выявило «нарушение практически всех максим принципа вежливости» в медиаполитическом дискурсе с участием представителей российской власти [Семилет и др., 2016, с. 31]. М. Захарова, директор Департамента информации и печати МИД РФ, назвала это явление «эпохой превращения официальной критики в троллинг», признав его правомерность [Захарова, URL], а ведь речевое поведение высокопоставленных официальных лиц оказывает значительное влияние на модели коммуникативного поведения «простых» медиаличностей, легитимизируя негативные явления публичного дискурса.

Плахин Владимир Тимофеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета

Говоря о векторах развития массовой коммуникации, нельзя забывать о рекламном дискурсе как равноправном сегменте медиасферы. Развивая тему множественности приемов, мистифицирующих буржуазное сознание [Барт, 2010], уместно рассмотреть механизмы привнесения «сексуальных» коннотаций в структуру рекламного знака, поскольку потребителю вместе с парфюмом или йогуртом предлагается набор моделей половой самореализации. Простейший механизм осуществляется при помощи сюжета об обретении клиентом невероятной сексуальной привлекательности. Так, новая сотрудница фирмы, распространяя аромат «Dane», проходит мимо трех молодых клерков и превращает их в зооморфные символы сексуальной мощи: льва, петуха и жеребца. Далее, семантику сексуальности генерируют истории об обмене на флигельные утехы товаров, предназначенных, прежде всего, для перорального потреб-

ления. Еще К. Леви-Строс прослеживал глубокую и древнюю связь пищевого и сексуального аспектов поведения [Леви-Строс, 2000, с. 254]. В одном из клипов подросток угощает глотком «Пепси» роскошную блондинку, и девушка целует дарителя в щеку. После того как на экране возникает лозунг «Ask for More!» («Бери от жизни все!»), мальчик догоняет соблазнительницу и протягивает ей целую бутылку. Так газированный напиток становится не только местом, но и мерилем сексуальности. Следующий прием основан на том, что герои рекламы предпочитают интимным отношениям иное наслаждение, доказывая тем самым, что оно сексуальнее, чем сам секс. В рекламе «Moccona», где в горном шале романтическая пара коротает вечерок, молодая женщина решает побаловать себя и своего спутника растворимым кофе. Однако кофе осталось всего на одну чашку. Тогда интриганка произносит фразу, реакцию на которую она знает заранее: «Дорогой, не пора ли нам пожениться?» В ответ слышится звук отъезжающей машины. Слоган резюмирует: «Moccona». Для влюбленных... в кофе».

Четвертый способ: читателю или зрителю вначале кажется, что речь идет о сексуальном партнере рекламного персонажа, но на самом деле нарратив посвящен продвигаемому товару. В одной из телереклам молодая особа сообщает приятельнице, что у нее сейчас «швед, высокий, белый, все понимает». Но оказывается, что откровения касаются холодильника: «Electrolux». Швеция. Сделано с умом». Пятый поворот темы распространяет семантику эротического напряжения на товарные ингредиенты, подвергая их абсурдистской антропоморфизации. В рекламе творожка «Danissimo» видим «спелую вишню в объятиях темного шоколада».

Итак, рекламный дискурс демонстрирует смысловую конвергенцию, наделяя одной и той же «лакомой» коннотацией множество разнородных товарных субстанций. При этом изобретается целый ряд сюжетных и стилистических приемов, каждый из которых опривычивает известное количество семантических произвольностей и служит матрицей грядущих легитимаций.

Мансурова Валентина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета

Да, расширение коммуникативных взаимодействий «вынесло» на поверхность и конституировало в качестве равноценных для восприятия такие темы, как секс, насилие, смерть, извращения в разных сферах жизни... Разнообразие знаковых систем, введенных в пространство массовой коммуникации, монтаж, гипертекстовость, аудиовизуальные эффекты породили соблазнительную иллюзию дозволенности произвола в процессе создания новых ментальных и вербализованных образований.

Анализируя современное состояние общества, его реакцию на избыток информации и скорость ее получения, французский философ и социолог Жиль Липовецки диагностирует наступление новой эры индивидуализации, которая характеризуется тем, что «важные оси современности – революция, дисциплина, секуляризация, авангард – упразднены благодаря гедонистической персонализации» [Липовецки, 2001, с. 22]. Символом современного индивида Липовецки считает Нарцисса. «Homo politicus уступает место homo psychologicus,

человеку, который занят только собой и заботится только о собственном благополучии» [Липовецки, 2001, с. 32-33].

Появление индивида, «одержимого самим собой», кардинальным образом изменяет модус коммуникации. Концепция нарциссизма, как отклик на кульминацию частной сферы, означает доминирование тотального стремления индивида к самовыражению и получению – любой ценой – удовольствия от обольщения публики, поскольку «освобожденное из «гетто» надстройки и идеологии обольщение является преобладающим началом в социальных отношениях, глобальным принципом организации в обществе изобилия» [Липовецки, 2001, с. 34].

Механизм интерактивной коммуникации «быстрых медиа» тысячекратно усиливает «синдром публичности» любого высказывания. К тому же, «лингвистический поворот» в массовом публичном коммуницировании отмечен редуцированием всех основных сфер бытования языка: лексики, стилистики, орфографии, грамматики. Антиповедение – коммуникация в форме стеба, манера все пересмеивать и над всем издеваться – становится формой самовозвышения над проблемами бытия, над такими ценностями, как совесть, благородство, щедрость, красота. В основном реализуются аттрактивная, экспрессивная, в какой-то мере – эстетическая, эвфемистическая функции. Хаос стихии повседневности провоцирует на вынесение эмоциональных реакций в «оргию» виртуального взаимодействия, где разрешено ВСЕ, поскольку оно, это ВСЕ, существует в ситуации игры – языковой.

В «период «ироничной» индивидуальности» [Бауман, 2008, с. 96], пришедшей на смену «аутентичной индивидуальности» эпохи модерна, востребованной становится гедонистическая этика. Но, будучи вовлеченными в круговорот собственных мнений и мнений других людей, граждане оказываются «погружены в нарциссическую косность» [Кин, 2015, с. 156], то есть не способны воспринимать и поддерживать новое, прогрессивное, враждебно относятся ко всему, что противоречит укладу их жизни и устоявшимся представлениям. Английский исследователь Дж. Кин обращает внимание на нарциссическую косность сложившейся системы массового коммуницирования, связывая ее с декадансом медиа – «разложением посреди изобилия» [Кин, 2015, с. 155]. Вместе с тем, ученый убежден в необязательности и обратимости декаданса медиа. Смелость и разум граждан, креативное технологическое изобретательство являются условиями неизбежной трансформации массового гедонизма и превращения его в ...«гедонизм благоразумный, «чистый» [Липовецки, 2001, с. 322].

Прогноз реален: появление «ульевых медиа», соредакторство в Википедии, краудсорсинговые медиапроекты демонстрируют появление нового, коллективного субъекта массовой коммуникации, эмерджентные свойства которого существенно превосходят качества выдающихся индивидов. Эмерджентность в самоорганизации коммуникантов проявляется в эффекте интеграции различных схем, паттернов поведения, сложившихся в адаптивной системе коммуникации. Структурное сопряжение социальной и персональной идентичности нарциссически ориентированных коммуникантов способно сге-

нерировать новое для них представление о гедонистическом медиапотреблении и гедонистической ценности информационного взаимодействия.

Деминова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Алтайского государственного университета

Наряду с гедонистической существует и гуманистическая ценность информационного взаимодействия, которая остается инвариантной при всех изменениях в современном медиадискурсе. Появление новых жанров и форматов, мультимедийность и интертекстуальность позволяют автору сделать свое взаимодействие с аудиторией более результативным. Примером служит публикация Т. Крикун (ИД «Алтапресс») «Бороться или сдаться: почему барнаульской девушке предлагают умереть» [Крикун, URL]. В основе материала история девушки из Барнаула – Ю. Грошевой, у которой обнаружили онкозаболевание. Татьяна Крикун разместила материал в ее поддержку в рубрике «Авторские колонки». Текст получился очень личным, эмоционально окрашенным, экспрессивным. Автор проявляет свою гражданскую позицию, апеллирует к нравственным началам, призывает к действию. По методологии Т.В. Шмелевой можно охарактеризовать текст как «предельно авторский»: автор говорит и от себя, и от героини, ее близких, дает слово своим оппонентам, затем вступает с ними в спор [Шмелева, URL]. Текст демонстрирует интертекстуальность как в вербальном, так и в невербальном плане путем ссылки на образную канву рассказа О. Генри «Последний лист» (иллюстрацией служит фото осеннего листа). Таким образом, автор погружает читателя в более широкий контекст события, что выступает еще одним действенным средством для актуализации общечеловеческих, вневременных ценностей гуманизма.

Т. Крикун использует ряд приемов для усиления воздействия на читателя, например, прием переноса ситуации на собеседника: *«Так бывает: сегодня ты молодая здоровая девушка и преподаешь в АлтГУ на кафедре политологии, а завтра у тебя находят рак...»*. Автор однозначно выражает свою гуманистическую позицию – высшую, априорную ценность жизни: *«Сейчас Юля пытается сделать все, что в ее силах. Я уверена: каждый должен поступать именно и только так, если цель – стоящая. Жизнь вроде бы относится к такой, да?»*. Этот риторический вопрос является знаком продолжения полемики, участником которой станет читатель.

Присутствие гуманистических ценностей, отзывчивости, сопричастности, сочувствия – обязательные элементы существования человеческого общества, и в СМИ они должны присутствовать в должной мере, иначе зачем все?

Заключение

Мансков Сергей Анатольевич, декан факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета

Медийная сфера современного массово-коммуникационного общества требует постоянного внимания и рефлексии со стороны ученых, профессиональной экспертизы происходящих в ней процессов с целью экспликации их социокультурной сущности. Решению этих задач способствуют круглые столы специалистов, акцентирующие основные проблемные зоны.

Коллективное экспертное обсуждение проблем медиасферы, определение смысловых доминант современной медиакommunikации, понимание специфики современных медиаисследований, анализ сущности и направленности профессиональной подготовки работников медиаотрасли способствуют формированию общей картины процессов, происходящих в медиасфере, и выявлению болевых, проблемных точек.

На мой взгляд, наш круглый стол «Проблемы современной медиакommunikации» прошел весьма успешно. Участники затронули целый ряд важных аспектов темы и ключевых проблем современной массовой коммуникации. Выявленные тенденции нуждаются в серьезном осмыслении, важном не только в теоретическом, но и в практическом плане, и авторы выступлений уже проделали в этом направлении большую работу. А это значит, что обсуждение темы необходимо продолжить, причем расширяя круг участников дискуссии.

Литература

- Атлас новых профессий. М., 2015.
- Барлоу Дж.П. Декларация независимости Кибберпространства. [Электронный ресурс]. URL: <http://eidos.ru/journal/1999/1220.htm>
- Барт Р. Мифологии. М., 2010.
- Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.
- Горин Д.Г. Производство смысла и коды социального опыта в России. М., 2011.
- Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. М., 2015.
- Захарова М. Вокруг себя за 7 дней. [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/blog/mzakharova/>
- Касимов Тимур. Хамство в интернете. [Электронный ресурс]. URL: <http://bestforum.7bk.ru/viewtopic.php?id=2082>
- Кин Джон. Демократия и декаданс медиа. М., 2015.
- Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М., 2001.
- Корнев М., Пуля В. 5 трендов новых медиа в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mediatoolbox.ru/trends2017/>
- Крикун Т. Борьба или сдать: почему барнаульской девушке предлагают умереть. [Электронный ресурс]. URL: <http://altapress.ru/story/174399>
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3Д. М., 2014.
- Кронгауз М. Самоучитель олбанского. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=182300&p=4>
- Леви-Строс К. Сырое и приготовленное. М.-СПб., 2000.
- Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.
- Медиаисследования 2014. Барнаул, 2014.
- Медиаисследования 2015. Барнаул, 2015.
- Медиаисследования 2016. Барнаул, 2016.
- Медиаисследования. Спецвыпуск 2017. Барнаул, 2016.
- Медиатор: Инструмент редакционной аналитики для интернет-изданий. [Электронный ресурс]. URL: <https://mediator.mail.ru/studies/>
- Модели медиапотребления. Что люди читают, почему, когда и как: дневниковое исследование. [Электронный ресурс]. URL: <https://mediator.mail.ru/studies/>
- На программе «Медиакоммуникации» будут готовить творческих менеджеров. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/admission/147280402.html>

«Они думают, что им никогда не зададут вопросов» Как писать о том, чего никто не хочет знать: интервью редактора Spotlight. [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/08/oni-dumayut-chto-im-nikogda-ne-zadadut-voprosov>

Паранько С. Инструментарий и навыки журналиста // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Екатеринбург, 2016.

Семилет Т.А., Мансков С.А., Куляпин А.И., Колесов И.Ю., Мансурова В.Д., Лукашевич Е.В., Шелкова С.В., Фотиева И.В., Деминова М.А. Динамика языка в реалиях современности: междисциплинарный межвузовский круглый стол ученых // Социодинамика. 2016. № 9.

Шарков Ф.И. Истоки и парадигмы исследований социальной коммуникации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kilouma.ru/safia/sharkov-feliks-izosimovich-doktor-sociologicheskikh-nauk-zamest/main.html>

Шмелева Т.В. Медийное речеведение: сборник статей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novsu.ru/file/1145792>

COME ON, ЗАЙКИ: Отныне в Штатах издается не один, а два Playboy. [Электронный ресурс]. URL: <http://rb01.surfingbird.ru/surf/come-on-zajki-otnyne-v-shtatah-izdaetsya-ne-odin-a-iD3F91e6B#.WJW1hW-LTIU>

К ИТОГАМ IX ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА «ФИЛОЛОГИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ НАУКИ: НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

Е.И. Клинк, А.А. Чувакин

24 апреля 2017 года состоялось IX заседание международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия». Заседание прошло в Алтайском государственном университете (АлтГУ) на базе научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации (НОЦ), кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка.

Заседание было посвящено обсуждению учебной книги по риторике, подготовленной международным авторским коллективом (руководитель проекта – проф. АлтГУ А.А. Чувакин). Книга создана в рамках действующего Меморандума о взаимопонимании между Алтайским государственным университетом (Барнаул, Российская Федерация) и Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан), подписанного ректорами названных вузов в июне 2014 г., и последовавшего за этим дополнительного соглашения о сотрудничестве между соответствующими факультетами АлтГУ и ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, подписанного деканами. Книга адресована студентам и преподавателям магистратуры по направлению “Филология” в вузах, работающих в России и Казахстане.

В заседании, проведенном в форме круглого стола, приняли участие члены авторского коллектива издания.

Семинар открыла проф. Т.В. Чернышова, заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка. Участников заседания при-

ветствовали доц. С.А. Мансков, декан ФМКФиП, и проф. И.В. Силантьев, директор Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

Основная часть заседания началась вступительным словом проф. А.А. Чувакина. Учебная книга предназначена для подготовки магистрантов-филологов к профессиональной деятельности в условиях полиэтнической среды. Пространство межкультурной коммуникации определяет и сложности, и богатые возможности коммуникативно-речевой практики, что создает особую ситуацию в высшем филологическом образовании. Одна из его центральных задач – углубление влияния специалистов-филологов на коммуникативно-речевую практику, повышение уровня ее эффективности (= риторичности). Это означает, в свою очередь, необходимость развития в высшем филологическом образовании риторической составляющей, совершенствования студентами своих коммуникативно-речевых (риторических) умений.

Регионами с полиэтнической средой являются территории России и Казахстана. Межкультурная коммуникация имеет свои типологические особенности в зависимости от языков общения, национальных традиций и других этнокультурных факторов. Так, при анализе риторических традиций казахского народа, выделяются «проблемы становления речевой культуры казахов, взаимовлияние казахских и русских коммуникативных традиций» [Кенжегалиева, Карташева, 2016, с. 125].

В книге представлена коммуникативная модель риторики, разработанная в АлтГУ для нужд образовательной деятельности в вузе [Чувакин и др., 2013]. Эта модель базируется на понимании коммуникации как взаимодействия участников коммуникативно-речевого акта посредством текста. Признаком, выделяющим риторическую коммуникацию из состава коммуникации «как таковой», считается эффективность.

Учебная книга содержит обширное введение, которое посвящено двум темам: «Россия и Казахстан: историко-культурные и социально-коммуникативные особенности» и «Рождение риторической традиции и современное состояние риторики в России и Казахстане». Три раздела включают фундаментальные вопросы общей риторики: «Коммуникативная модель риторики», «Аргументативные основы риторики», «Лингвистические основы словесного выражения». Рядом разделов представлена профессиональная риторика: «Академическая риторика», «Научная риторика», «Литературно-художественная риторика», «Лингвоэкспертная риторика», «Управленческая риторика». В ходе обсуждения было предложено описать еще два объекта профессиональной риторики: риторика перевода, политическая риторика.

В каждом разделе размещены теоретические сведения, хрестоматийные материалы, вопросы и задания для изучающих риторику, практикум; книга ориентирует магистрантов и преподавателей в важнейшей научной и учебной литературе, предлагает основные направления самостоятельной работы по предмету.

Главный результат работы над учебной книгой: создан рабочий вариант текста, определен очередной круг задач, которые нужно решить, чтобы текст книги был готов к изданию. Проф. Ю.Г. Чернышов сформулировал основные особенности России и Казахстана в историко-культурном и социально-коммуникативном отношении, привел интересный и полезный для авторов книги материал, демон-

стрирующий восприятие России в Казахстане и Казахстана в России. Ю.Г. Чернышов привлек внимание собравшихся к проблеме перевода казахского алфавита на латиницу. Тему «латинизации» развернула проф. К.Б. Уразаева (Астана), обратившая внимание на существование разных подходов к решению проблем, возникающих в связи с этим. К.Б. Уразаева поставила вопрос о целесообразности уточнения в учебной книге некоторых терминопонятий, предложила ввести в книгу раздел «Риторика перевода». Социокультурный аспект «латинизации» казахской письменности стал предметом выступления проф. И.В. Силантьева (Новосибирск). Проф. Г.А. Копнина (Сибирский федеральный университет, Красноярск), выступившая по скайпу, представила развернутый анализ рабочего варианта учебной книги. Г.А. Копнина внесла ряд предложений, направленных на совершенствование текста книги, в том числе: необходимость дефинирования ключевых понятий; устранения (по возможности) излишнего цитирования; проверки заданий на их соответствие заявленным умениям; содержательной согласованности разделов и их практической направленности; подготовки словаря основных терминов для размещения его в книге и др. Проф. Т.В. Чернышова сочла целесообразным ввести в категориальный аппарат учебной книги понятие дискурса, дополнить раздел «Практикум» перечнем тем реферативных и курсовых работ, дополнить справочный аппарат книги терминологическим словарем, высказала ряд соображений относительно содержания раздела «Лингвоэкспертная риторика». Проф. Е.В. Лукашевич подчеркнула значимость представления в учебной книге материалов, характеризующих развитие риторики и риторического образования в Казахстане, и в связи с этим призвала установить единообразие употребления терминопонятий «казахский риторический идеал» и «русский риторический идеал». Е.В. Лукашевич поддержала предложение К.Б. Уразаевой о включении в книгу раздела «Риторика перевода». Проф. Г.В. Кукуева (АлтГУ) обратила внимание на необходимость тщательной проработки текста учебной книги. В поступившем от доц. И.А. Широких письменном отзыве высказана идея подготовить раздел «Политическая риторика».

Участники заседания согласовали основные вопросы, связанные с доработкой текста учебной книги и приняли решение по организационным вопросам.

Закрывая заседание, проф. А.А. Чувакин выразил благодарность участникам проекта, членам оргкомитета семинара, сотрудникам Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, заместителю директора Научной библиотеки АлтГУ К.В. Орехову. Краткая информация о семинаре размещена на сайте АлтГУ: <http://www.asu.ru/news/events/24439/>.

Литература

Чувакин А.А., Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Панченко Н.В., Чернышова Т.В. Основы общей риторики. Барнаул, 2013.

Кенжегалиева С.К., Карташева А.Н. Казахские коммуникативные традиции // Риторика и речеведческие дисциплины в условиях реформы образования. М., 2016.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

И.В. Кирилова. Особенности вариантных отношений в семантическом поле «Нечистая сила». Статья посвящена исследованию вариантных отношений в семантическом поле «Нечистая сила». Обращение к диалектным демонологемам объясняется их высоким вариативным потенциалом по сравнению с литературными номинациями. В современной лингвистике существуют различные классификации вариантных лексем. Автор выделяет пять типов вариантов: 1) фонетические, у которых варьируется звуковой состав соотносительных единиц; 2) акцентологические, характеризующиеся смещением ударения, его разноместностью при тождестве фонетической оболочки; 3) грамматические, у которых варьируются категориально-грамматические показатели; 4) словообразовательные, отличающиеся словообразовательными формантами; 5) номинативные, у которых варьируются элементы номинативной техники: признак, положенный в основу номинации объекта, принцип номинации или способ номинации. Актуальность данной статьи обусловлена возрастающим интересом к изучению народной духовной культуры в самых разных ее проявлениях. В связи с этим обращение к описанию отдельных фрагментов языковой картины мира, отражающих воплощение в языковом знаке национальной ментальности, представляет интерес.

I.V. Kirilova. A Particular Pattern of Relations in the Semantic Field of «Evil Spirit». The article deals with the varying relations in the semantic field of «Evil Spirit». The study of dialectal lexemes connected with the idea of devil is determined by their high variation potential, compared to literary nominations. In modern linguistics, there are different classifications of variant lexemes. The author identifies five patterns: 1) phonetic ones, whose sound composition of correlative units varies; 2) accent ones, which are characterized by the change of stress, its different types, while the sound composition is the same; 3) grammar ones, which have different grammar categories and their markers; 4) word-building ones, which differ in the formation of words; 5) nominative ones, whose elements of nominative technique vary: property as a base of nomination, principle of nomination.

tion or the nomination method. Topicality of the research is determined by the growing interest of linguists in the study of folk intellectual culture in its diverse manifestations. The depictions of some aspects of the linguistic word-image which reflect the national mentality patterns is of great interest.

Е.А. Сидельникова, Д.А. Стаценко, Ф.Р. Мутыгуллина. Анализ и способы перевода грамматических конструкций, выражающих стратегии обвинения и оправдания в политическом дискурсе. В данной статье рассматриваются способы перевода грамматических конструкций, выражающих стратегии обвинения и оправдания в контексте конфликта в политическом дискурсе. Даются определения понятиям «текст» и «дискурс», объясняются их общие и уникальные характеристики, приводится классификация дискурсов и обосновывается разумность лингвистического анализа дискурса как речи, реализованной в конкретной ситуации. Также затрагивается вопрос конфликта в тексте, взятом в событийном аспекте, речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компоненте, участвующем во взаимодействии людей и механизмов их сознания, и двух его составляющих: стратегии обвинения и стратегии оправдания. Анализ изучаемых грамматических конструкций производится на примерах из англоязычных и русскоязычных статей по делу Эдварда Сноудена, классифицированных по четырем тематическим группам. В ходе исследования выявлены такие способы перевода грамматических конструкций, выражающих указанные стратегии, как трансляция с помощью предложных, беспредложных и модальных конструкций, деепричастного, описательного и сравнительного оборотов, назывного словосочетания, имени существительного и конструкции глагол + наречие.

E.A. Sidelnikova, D.A. Statsenko, F.R. Mutygullina. Analysis and Variants of Translation of Grammatical Structures, Conveying Strategies of Accusation and Justification in Political Discourse. This article considers variants of translation of grammatical structures that express strategies of accusation and justification in the context of a conflict in political discourse. The definition of the term «text» and «discourse» is provided, their common and peculiar characteristics are described, and classifications of discourse types are given. In the article, «discourse» is treated as utterance sequences in a definite situation. The conflict is depicted in the text that relates to an event; speech is considered as a results-oriented social action, as a component of people interaction and as a part of their consciousness, moreover, its two components – strategies of accusation and justification. The analysis of grammatical structures, conveying the strategies of accusation and justification, is conducted on the material of English and

Russian articles which cover the conflict connected with Edward Snowden. The articles under study are subdivided into 4 issue-related groups. The research reveals the following variants of translation methods of the mentioned-above grammatical structures: structures with or without prepositions, modal constructions, descriptive and contrastive complexes, participial constructions, nominative patterns, Noun + Verb + Adverb phrase.

В.К. Радзиховская. Прагмалингвистика поля взаимности. В статье представлена лексикографическая квалификация периферийной области средств функционально-семантической категории взаимности в современном русском языке – банка собранного языкового материала, фиксирующего ситуацию взаимных отношений (более 6000 позиций); показаны особенности грамматического использования языковых средств, формирующих речевое поле взаимных отношений. Объект исследования определен на основе широкого понимания оценки как основания, формирующего мысле-речевую деятельность и ее результат – язык и функционально-семантическую категорию взаимности. В поле взаимного значения, помимо наименований собственно взаимного значения, включены наименования полувзаимного действия и субъекта/объекта взаимных отношений. Тем самым лексикографически определена область оценочных характеристик – модальность движения ФСК взаимности. Семасиология ФСК взаимности (соотношение ее языковой организации и внеязыковой действительности) таким широким представлением объекта исследования дает опору для выявления механизма мысле-рече-языковой деятельности.

V.K. Radzikhovskaya. Pragmalinguistics of Reciprocity Field. The article presents a lexicographic structure of the periphery, the functional-semantic category of reciprocity in the modern Russian language. The scope of the language material under study is over 6000 items, which deal with the situation of mutual relations. Peculiarities of the grammatical use of such language means are analyzed. The object of the study is defined on the basis of a broad understanding of evaluation as a base to produce thought-speech-language activity and to assess its result – the language and the functional-semantic category of reciprocity. In the field of mutual values, in addition to the names of mutual importance proper, the names of semi-mutual actions, as well as the subject/object of mutual relations are included. Thus, lexicographical criterion of assessment characteristics is defined: it is the modal aspect of FSC reciprocity. Semasiology of FSC reciprocity (the correspondence of its linguistic structure to the reality) having such a wide representation of the object of study, provides the basis to identify the mechanism of thought-speech-language activity.

Н.И. Завгородняя. Модели мира в текстах о войне: традиция и конструкция. В статье описываются основные тенденции в освещении темы войны в классических и постмодернистских текстах. Преодолением оппозиции: «правда факта» – «логика мифа» – определяются границы и специфика поэтики текстов о войне XX – XXI веков. Актуальность «военного дискурса» определяет тенденцию возвращения к теме. Вектор художественного переосмысления темы таков: от войны как факта – к войне как мифу. Ядром «мифологического образа мира» видится идея вечного возвращения, модель цикла. Анализируется природа связи военных сюжетов с «пиковыми переживаниями» героев. Автор делает вывод о том, что человек в литературе XX века отказывается от «суррогатных» форм жизни и испытывает потребность в «чистых формах» – манифестации духа в условиях военных действий. В качестве примера «деструктивной логики» темы рассматривается текст «Мифогенная любовь каст» (2002 года) С. Ануфриева и П. Пепперштейна. «Конструктивная логика» мифа – в романе алтайского писателя А. Коробейщикова «Светление» (2014 года). Образ войны в обоих произведениях современного постмодернизма при реализации закона деформации (исследованном на уровне художественности и структуры) является центром модели мира, поскольку в постмодернистской интертекстуальности доминирует мифологический тип миромоделирования. «Классическим» текстом постмодернизма 2000-ых представляется роман С. Ануфриева и П. Пепперштейна «Мифогенная любовь каст» как роман о Второй мировой войне, осмысление которой выводится за пределы реальной истории. Роман проявляет мифолого-ритуальную составляющую структуры. Великая отечественная война (равно как и Первая мировая) осмысливается в рамках мифологического сознания и в романах А. Коробейщикова. В «логике мифа» реализован структурно-композиционный компонент военной темы и в тексте А. Коробейщикова, в котором исследование темы приводит к анализу уже футурологического образа мира.

N.I. Zavgorodnaya. The War and the Myth: Principals of World Dynamics in the Documents about War. The tendencies of covering the subject of war in classical and post-modernist texts are described in the article. By overcoming the antithesis: «accuracy of fact» - «logic of the myth» - the borders and peculiarities of poetic composition in the documents about the war of the XX–XXI centuries are established. The topicality of «war discourse» explains the rising interest to the subject. The new tendency in treating the theme is the following: from the war as a fact to the war as a myth. The idea of eternal recurrence, the cycle model is treated as the core of the «mythical image of the world». The nature of military scenes correla-

tion to the «peak experiences» of heroes is analyzed. The author comes to the conclusion that the man in the literature of the XX century renounces «surrogate» forms of life. He needs the so-called «pure forms» - the spirit manifestation of military actions. The work «Mythogeneus Love of Castes» (2002) by S. Anufriev and P. Pepperstein is treated as an example of «destructive logic». «Constructive logic» of myth is depicted in the novel by A. Korobeyschikov «Brightening» (2014). The image of the war in the works of contemporary post-modernism with the implementation of the destruction law, which is studied at the level of art and structure, is the center of the world model, as in the post-modern intertextuality a mythological type world model dominates. A «classic» example of post-modernism texts in the 2000s is the novel «Mythogeneus Love of Castes» by S. Anufriev and P. Peppershteyn. This novel is about World War II, which is treated beyond the boundaries of the real history. The novel has a mythological and a ritual component structure. The Great Patriotic War, as well as the First World War, is conceptualized as a part of mythological consciousness in the novels by A. Korobeyschikov. In the « myth logic» the structural component of the war theme is fulfilled in the work by A. Korobeyschikov. In this book the study of the war theme leads to the analysis of futurological image of the world.

А.Б. Чернышев. Движение и пространство человека в итальянской языковой картине мира. Статья посвящена исследованию пространственно-временного сегмента семантики итальянских предлогов движения – *a* и *da*. Движение как форма существования пространства и времени представлено не только как категория научного объекта, а, прежде всего, как феномен человеческого восприятия. Для семантики предлогов, характеризующейся многозначностью, свойственна интеграция в пределах семантической сети одного предлога не только прямого и переносного значений, но и диаметрально противоположных. Такое явление получило в науке определение энантиосемии, теоретические положения которой описываются в настоящей работе. Энантиосемия представлена в семантике итальянского предлога *da*, выражающего как движение к одушевленному объекту, так и движение от предмета. В статье подчеркивается ведущая роль ментальных процессов человека при формировании сложного комплекса неоднородных, вплоть до противоположных значений в семантической структуре языковых единиц разного уровня и их отображения в языковой картине мира.

A.B. Chernyshev. Motion and Space of a Person in the Italian Language View of the World. This article is devoted to the research of

spatial and temporal segment of semantics of Italian prepositions of motion – *a* and *da*. Motion as a form of existence in space and time is represented not only as a category of scientific object, but, above all, as a phenomenon of human perception. Semantics of prepositions characterized by polysemy presents integration of not only a direct and metaphorical meanings, but also of completely opposite ones within the semantic field of a preposition. This phenomenon was called as enantiosemia in linguistics. Enantiosemia is represented in the meaning of an Italian preposition *da* conveying the idea of both a motion to an animated object and a motion from an object, including inanimate ones. The article emphasizes a leading role of mental processes of a person, while forming a sophisticated complex of heterogeneous and even opposite meanings in the semantic structure of language units of different levels, as well as their reflection in the language view of the world.

А.В. Кремнева. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиальность: точки соприкосновения. Характерной особенностью современной культуры является тенденция к взаимодействию, гибридизации ее различных форм. Новые текстовые практики, взаимодействие и взаимопроникновение не только текстов, но и различных жанров и дискурсов, а также разных семиотических кодов способствовали появлению и развитию, наряду с интертекстуальностью, таких направлений, как интердискурсивность и интермедиальность. В задачи статьи входит выявление элементов общности и различий между этими феноменами. В качестве теоретических оснований для анализа автор опирается на когнитивно-семиотический подход к пониманию сущности интертекстуальности. Как показано в статье, явления интердискурсивности и интермедиальности, будучи производными от интертекстуальности в широком понимании этого явления и тесно связанными с ней, имеют и существенные различия в семиотическом плане. Их сходство с интертекстуальностью состоит в том, что в основе всех трех процессов лежит принцип взаимодействия, обусловленный открытостью произведений искусства, а специфика заключается в качественном различии единиц, участвующих в этом взаимодействии. В интертекстуальности и интердискурсивности участвуют единицы одной семиотической системы (но разных дискурсов в случае интердискурсивности), а в интермедиальности – единицы разных семиотических систем, подвергающиеся перекодированию и словесному представлению в тексте, что лишь подтверждает тезис Ю.М. Лотмана о присутствии в тексте следов разных кодов. Таким образом, именно текст выступает той средой, в которой находят свое воплощение процессы взаимодействия различных дискурсов и кодов.

A.V. Kremneva. Intertextuality, Interdiscursivity, Intermediality: Things in Common. A specific feature of the present-day culture is its tendency towards interaction, interplay in its various forms. The new textual tendencies, interaction and penetration of texts, as well as genres and discourses, various semiotic codes have contributed to the development of such theories as interdiscursivity and intermediality, alongside with intertextuality. The purpose of the article is to find out the common features and peculiarities of these phenomena. The author follows a cognitive-semiotic approach in his understanding of intertextuality. The article claims that interdiscursivity and intermediality, being derived from intertextuality in its interpretation and therefore closely related to it, show considerable differences in semiotic aspect. Their similarity to intertextuality is based on one peculiar feature: the three mentioned above processes have the phenomenon of interaction at their basis. It is predetermined by the fact that all works of art are open to interaction but the units of such interaction are different in quality. The units of one semiotic system participate in the process of intertextuality or interdiscursivity, but of different discourses in case of interdiscursivity. As for intermediality, interacting units belong to different semiotic systems and they undergo the process of recoding and verbal representation in the texts, which confirms the thesis of Yu.M. Lotman about the presence of different codes in the text. Thus, it is the text that serves as a medium where various discourses and codes interact.

Т.А. Пируская. «Несостоявшиеся жития»: образы социальных подвижников в романах Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот. Ф.М. Достоевский и Джордж Элиот в своем творчестве активно размышляли над особенно актуальной для XIX века проблемой социальной и ее связи с вопросом о трансцендентных основах бытия. Оба они не раз предпринимали попытки создать особый тип героя – духовного подвижника, осуществляющего свою миссию «в миру», в бытовых, повседневных условиях. Достоевский и Элиот, каждый по-своему, проблематизировали «агиографическую» модель, поместив ее в контекст современности. Устремление к святости во всех случаях оборачивается неудачей или неоднозначностью, а итоговые романы обоих писателей, в которых каждый из них все же попытался воплотить свой идеал «положительно-прекрасного» человека, остались неоконченными. Статья посвящена сопоставительному анализу темы «несостоявшегося жития» в романах Достоевского («Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы») и Элиот («Мельница на Флоссе», «Мидлмарч», «Дэниэл Деронда»), касается ее значения в свете мировоззренческого поиска авторов и современной им социально-философской мысли.

T.A. Pirusskaya. «Might-have-been Saints»: Figures of Social Devotees in the Novels by Fyodor Dostoyevsky and George Eliot. Through the whole period of the writer's career, Fyodor Dostoyevsky and George Eliot actively reflected on the issue of sociality, which was particularly urgent in the 19th century, and its connection to the transcendent foundations of reality. Both of them repeatedly attempted to create a particular kind of character – a spiritual ascetic, who perseveres in his self-devotion in the «lay world», in everyday life. Dostoyevsky and Eliot, each of them in his own way, problematized a «hagiographic» model, placing it in the environment of their period. The desire to reach sanctity always fails, or the story remains uncompleted, like in the final novels of both writers, in which each of them tried at last to realize their vision of «an ideal or a perfect» man. The article is devoted to the comparative analysis of the «might-have-been-saints» in the novels by Dostoyevsky («The Idiot», «Demons», «The Brothers Karamazov») and by Eliot («The Mill on the Floss», «Middlemarch», «Daniel Deronda»). The topic is treated in the context of the authors' worldviews and socio-philosophical ideas of their periods of time.

Р.В. Шубин. Разин как Эдип. К вопросу о мифологической антропологии творчества В.М. Шукшина. Статья посвящена исследованию родовых структур в творчестве Василия Шукшина. Автор останавливается на мифе об Эдипе, представленном в качестве аналогии к образу Степана Разина, героя романа «Я пришел дать вам волю». Для исследования двойственного образа русского разбойника и заступника народа предлагаются различные аспекты Эдипова мифа: *неузнавание, отцеубийство, спесь, воля к власти, своеволие, женское окружение героя, загадка, самопознание, слепота–прозрение*. Специфика мифа показывает необходимость познания героем своего рода, в связи с чем изучаются мужская и женская линия в родословной героя, мужская и женская составляющие образа. Причем женские образы – матери, тетки и жены – обнаруживают ситуацию подмены: Разин не узнает настоящего своего рода, не познает родового закона жизни. Попутно обращается внимание на комплекс «матушкиного сына», очень сильный в случае с шукшинским героем. В качестве методологической базы привлекаются интерпретации Эдипова мифа С. Аверинцева, В. Топорова, В. Гринцера, В. Айрапетяна.

R.V. Shubin. Razin as Oedipus. On the Question of Mythological Contexts of V.M. Shukshin's Creative Activity. The article deals with the research of family lines in the works by Vasily Shukshin. The author dwells on the myth of Oedipus, presented as an analogy to the image of Stepan Razin, the main character of the novel «I Came to Give you Freedom» (Rus.

«Я пришел дать вам волю»). To study the dual image of the Russian robber and the defender of the people different aspects of Oedipus myth are offered: *misrecognition, patricide, pride, will to power, self-will, feminine environment* of the character, *enigma, self-discovery, blindness–insight*. A specific character of the myth makes the character know his family line. That is why, Razin's maternity and fraternity lines should be traced. They become integral components of the character's image. Female characters – mother, an aunt and a wife – show the situation of substitute. Razin did not know his real family line, he did not learn the ancestral law of life. The author pays much attention to the phenomenon of «mother's boy», which is clearly depicted in this Shukshin's hero. Interpretations of Oedipus myth by S. Averintsev, V. Grintser, V. Toporov and V. Hayrapetyan become a methodological framework of the research.

А.М. Сулейманов, З.С. Аманбаева. Работа М.А. Бурангулова со сказителями и над эпосом «Урал-батыр». Башкирский народный эпос-кубаир известен в двух жанровых разновидностях: в виде произведений, состоящих целиком или преимущественно из народного стиха, то есть из *собственно кубаира* и из прозы, перемешанной со стихотворными куплетами – *иртэков*. Примером собственно кубаира является мифологический эпос «Урал-батыр», впервые записанный М.А. Бурангуловым в начале XX века от сэсэнов-исполнителей Габита Аргынбаева и Хамита Альмухаметова. Их версия дошла до нас в виде, обработанном самим собирателем – сказителем-сэсэном фольклора. Данная версия и имеющаяся сводная критическая прозаическая версия в форме иртэка имеют варианты в виде отрывков и сжатых сюжетов.

A.M. Suleymanov, Z.S. Amanbaeva. The Work M.A. Burangulov with Storytellers and on «Ural-batyr» Epos. Bashkir folk epic-kubair is known in two genre forms: in the form of works consisting entirely or primarily of the folk verse, i.e. the real kubair, and of the prose, mixed with rhymed couplets – *astakov*. An example of kubair is a mythological epos «Ural-Batyr», first recorded by M.A. Burangulova in the early twentieth century from the sasans Gabit Argynbaev and Hamit Almuhametova. We have got their version, to a certain extent, in the processed form, perfected by the collector of folklore. The original version, as well as the selected prose version in the form of irtek, have some variants - fragments and short stories.

А.В. Дегальцева. К вопросу о статусе адвербиальных компликаторов в синтаксической системе русского языка. Статья посвящена одному из процессов семантического усложнения простого предложения – адвербиализации. Автор рассматривает вопрос о статусе

адвербиальных компликаторов в синтаксической системе современного русского языка. В исследовании описываются критерии отнесения синтаксем к адвербиальным компликаторам: синтаксическая роль и функции в предложении, структурные и словообразовательные особенности синтаксемы и возможность трансформации ее в самостоятельную предикативную единицу. В работе также анализируются основные группы наречий и предложно-падежных форм существительных, которые выполняют функции таких компликаторов. Автор доказывает, что с позиции семантического синтаксиса сочетание глагола-предиката с адвербиальным компликатором занимает промежуточное положение между словосочетанием и простым предложением, поскольку в нем могут реализовываться полимодальность, политемпоральность и полиперсональность, а также значения обусловленности (причины, результата, цели или условия).

A.V. Degaltseva. To the Question of the Status of Adverbial Complicators in the Syntactical System of the Russian Language. The article is dedicated to one of the processes of semantic complication of a simple sentence – adverbialisation. The author considers the question of the status of adverbial complicators in the syntactical system of the Russian language. The paper describes the criteria for classifying words as adverbial complicators: a syntactical role and functions in a sentence, structural and word-formational peculiarities of a syntaxeme and the possibility of its transformation into a predicative unit within a sentence. The article analyzes the main groups of adverbs and prepositional forms of nouns which perform the function of complicators. The author argues that in terms of semantic syntax, combination of the verb-predicate with adverbial complicators occupies an intermediate position between collocations and simple sentences, because it can be implemented with polymodality, polysubjecttness, polytemporality and such meanings as cause, result, purpose and condition.

С.А. Губанов. О некоторых способах расширения эпитета в текстах Марины Цветаевой. Статья посвящена нескольким видам расширения эпитета на материале творчества Марины Цветаевой – повторам эпитетов. Обращается внимание на разнообразие и неординарность употребления различных рассматриваемых конструкций эпитетов, роль которых состоит в полном описании ситуации и развернутом экспрессивном авторском выражении эмоции. В статье анализируется семантический потенциал развернутого эпитета. Структурные особенности построения эпитетного ряда описываются в тесной связи с семантикой эпитета и определяемого слова, что дает возможность объемно оценить возможности авторского идиолекта, его своеобразие

и нестандартность; указывается на особенности конструирования и употребления подобного рода эпитетов Мариной Цветаевой. Авторские способы создания эпитетов позволяют сделать вывод об уникальности идиолексикона поэта, о тщательном и порой неожиданном отборе языковых средств в рамках признаковой лексики. Перспективы исследования расширения эпитета заключаются в дальнейшем описании иных типов распространенных эпитетов в текстах М. Цветаевой.

S.A. Gubanov. About Some Ways of Epithets Extension in the Texts of Marina Tsvetaeva The article is devoted to several types of the extended epithet on the basis of works of Marina Tsvetaeva – repetition of epithets. Attention is drawn to the diversity and originality of the use of various designs of epithets, the role of which is full description of the situation and expanded author's expression of emotion. The article analyzes the semantic potential of the extended epithet. Structural features of epithets are described in close connection with the semantics defined by the epithet and the word. It allows evaluating the nuances of the author's idiolect, its uniqueness and originality; It points to the particular construction and use of this sort of epithets by Marina Tsvetaeva. Prospects for epithets research lie in description of other types of extended epithets in the texts of Marina Tsvetaeva.

Е.Э. Уланова. Коммуникативная категория авторитетности в системе речевого поведения. В статье рассматривается определение статуса речевого поведения с точки зрения лингвопрагматики в современной лингвистике. Объект исследования представляет собой проявление категории авторитетности в дискурсе. Предметом исследования является коммуникативная категория (КК), представленная в коммуникативном сознании говорящего. Целью исследования является комплексное рассмотрение феномена авторитетности и подходов к его изучению в различных дискурсах. Для решения поставленной цели нами были определены следующие задачи: определить понятие КК в общей системе речевого поведения, обозначить место КК авторитетности в коммуникативном сознании говорящего, раскрыть значение КК авторитетности в коммуникации.

E.E. Ulanova. Communication Category of Authority in Speech Behavior. The article deals with the status of verbal behavior in terms of pragmatics in modern linguistics. Implementing a particular verbal strategy, communicators are supported by the basic communicative strategy of distancing and maintaining already established nature of interpersonal relations. Thus, it is a way of linguistic manipulation, the most powerful of the means available in the arsenal of human beings. However, the impact of

verbal persuasion, as well as any type of persuasion can meet the opposition. One of the types is authority. Obviously, the impact through the authority comes in the form of implementation of the communication category of authority. In the present study, we plan to examine the communicative category as structurally formed, defining the process of verbal communication.

А.Е. Козлов. «Путешествие критики» С.К. Ферельцта: к вопросу о несвоевременности литературного памятника. В статье анализируются сюжетные схемы, мотивы, лингвостилевая и нарративная организация произведения С.К. Ферельцта «Путешествие критики». Данное произведение, обнаруживая явное тяготение к литературе конца XVIII века, построено на воспроизведении отдельных сцен и типов, характерных для новиковской и страховской публицистики, обличительной словесности в духе А.Н. Радищева. Автор «Путешествия» берет за основу тип многоголосого повествования и полисемантического слова, выстраивая многозначные контексты и в то же время редуцируя свою личность, пряча ее за условной «критикой». Выявленные приемы рассматриваются в контексте теории литературной эволюции как совокупность стилевых и сюжетных рудиментов «тупиковой» линии русской литературы.

A.E. Kozlov. «The Journey to the Criticism» in the Aspect of the Artistic Text Inopportunity. The article analyzes the narrative scheme, motifs and narrative and stylistic organization of the «The Journey of Criticism». This work, revealing an obvious attraction to the literature of the XVIII century, is built on the playback of some scenes and types, which characterize N.I. Novikov and N.I. Strakhov's journalism, accusatory literature as in A.N. Radishchev's works. The author of «The Journey to the Criticism» takes as its basis the type of polyphonic narrative and polysemantic words, building a multi-valued contexts and at the same time reducing the author's identity. The identified methods are considered from the perspective of literary evolution Russian as a set of stylistic and thematic rudiments of «dead-end» line of the Russian literature.

Р.Ф. Рохвадзе. Логико-философские аспекты феномена «факт». В статье описывается парадигма изучения феномена «факт» в различных отраслях науки: философии, логике, лингвистике. Цикл исследований в данных областях знания вносит существенный вклад в определение сущности и особенностей рассматриваемого объекта исследования. Противоречия в мнениях отечественных и зарубежных ученых свидетельствуют о синкретичности факта и необходимости интегрированного подхода к его исследованию. Согласно приведенным научным трудам, факты рассматриваются в онтологическом

(независящем от сознания) и логико-гносеологическом (результат познавательной деятельности субъекта) аспектах. С одной стороны, факты не имеют обладателей, а с другой – выражение факта требует логической деятельности человека. Точки зрения относительно того, что есть факт, расходятся не только в различных сферах научного исследования, но и в рамках одной отрасли науки. Основные противоречия, например в лингвистике, связаны с тем, что факт коррелирует с событием, предложением, правдой, причиной, результатом и суждением.

R.F. Rokhvadze. Logical and Philosophical Aspects of the Phenomenon «Fact». This article gives a paradigm of fact investigation in different realms of science: philosophy, logics, linguistics. A series of studies in the given realms significantly contributes to the determination and specifics of the object of study. The conflict of opinions of domestic and foreign scientists proves the syncretism of the fact and the necessity of an integrated approach to its investigation. According to the listed treatises, facts are considered in the ontological aspect (not dependent on a human being) and logical-epistemological aspect (the result of cognitive activity of a human being). On the one hand, the facts do not have the owners, on the other hand, the statement of fact requires logical and cognitive activity of the human being. Points of view about the fact definition vary not only in different realms of its research, but within the framework of a definite scope of study. The basic differences in linguistics for example are associated with the fact correlation with such entities as event, statement, truth, cause, result and assertion.

А.И. Куляпин. «Вернуться в Русь»: поэтика исторической географии В.М. Шукшина. В текстах Шукшина регулярно встречается клишированное выражение «велика матушка-Русь». Оно появляется в тех случаях, когда речь заходит о раздробленности страны и разобщенности нации. В 1970 году Шукшин делает в рабочей тетради запись, в которой выражает свою боль за судьбу отечества: *«Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую»*. Именуя Советский Союз Русью, писатель перебрасывает мостик из древней истории в современность. Необычность хронопической модели Шукшина заключается в том, что при максимальном ослаблении горизонтальных связей вертикальные в ней очень прочны. В советском социуме начала шестидесятых люди разъединены, но зато они с легкостью отождествляют себя с обитателями Киевской Руси. Например, профессору Григорьеву из рассказа «Экзамен» на берегу Днепра кажется, что он *«там ходил когда-то. Давно. Во времена Игоря»*. Хрущевская «оттепель» стала катализатором процесса утраты советской идентичности и стимулировала

поиски какой-то иной ее формы. Шукшинская «Русь» – это как раз попытка конструирования идентичности нового типа. Вместо привычного линейного развертывания истории в хронологическом порядке писатель предлагает неомифологическую концепцию времени.

A.I. Kulyapin. «Back to Russia»: Poetics of the Historical Geography of V.M. Shukshin. The cliché «Great Mother Russia» can be regularly met in Shukshin's texts. It appears in cases when it comes to the country's fragmentation and disunity of the nation. In 1970 Shukshin makes an entry in the workbook, in which he expresses his pain over the fate of the fatherland: «*There is a rift in Rus', a great disorder. I feel it with my heart*». *Naming the Soviet Union as Rus', the writer throws a bridge from ancient history to modern times.* Chronotopic Shukshin's model is unusual with its weak and feeble horizontal communication and very durable vertical communication. In the Soviet society of the early 1960s, people were disconnected, but they could easily identify themselves with the inhabitants of Kievan Rus'. For example, professor Grigoriev from the story «Exam» on the banks of the Dnieper feels that he «*walked there sometime. Long ago. In times of Igor*». Khrushchev's «thaw» became the catalyst for the loss of the Soviet identity and stimulated the search for its other forms. Shukshin's Rus' is an attempt to design a new type of identity. Instead of the usual linear unfolding of history in chronological order, the writer offers the new myth concept of the time.

В.В. Колобов. Об эволюции содержания и стиля писательского дневника А.В. Жигулина. В статье впервые анализируется эволюция содержания и стиля дневника выдающегося поэта второй половины XX века, бывшего узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000). Определяются особенности пространственно-временных координат и основные темы повествования. Подводятся итоги проведенного структурно-функционального, лингвистического, лексического, стилистического анализа текста дневника А.В. Жигулина, который он вел на протяжении почти пяти десятилетий. Подчеркивается уникальный характер, культурно-историческая ценность дневникового наследия известного писателя. Введение в научный оборот материалов личного архива А.В. Жигулина, по мнению автора, позволит более глубоко исследовать основные этапы его жизни и творчества, расширить знания об истории отечественной литературы и журналистики советского и постсоветского периода. Делается вывод о целесообразности подготовки научного издания писательского дневника А.В. Жигулина.

V.V. Kolobov. The Evolution of Content and Style in the Writer's Diary of A.V. Zhigulin. It is the first time an article has discussed the evolution of the content and style of the diary of Anatoly Vladimirovich Zhigulin (1930-2000) – an eminent poet of the second half of the twentieth century, a former prisoner of Stalin's camps born in Voronezh region. The characteristics of spatiotemporal coordinates and the main themes of the narrative have been defined. The text of the diary of A.V. Zhigulin, which he kept for nearly five decades, has been put to the structural, functional, linguistic, lexical and stylistic analyses. The unique nature, cultural and historical value of the diary as the writer's legacy has been stressed. The introduction of the materials of the personal archive of A.V. Zhigulin into academic sphere, according to the author, will allow to more deeply explore the main stages of the writer's life and work, to expand knowledge about the history of Russian literature and journalism of the Soviet and post-Soviet period. The conclusion is drawn on the advisability of making the writer's diary of A.V. Zhigulin into a scientific publication.

Н.А. Хуббитдинова. Репрезентация фольклорных традиций в средневековой литературе Урало-Поволжья. В статье рассматриваются идейно-эстетические особенности используемых в средневековой тюркской литературе Урало-Поволжья, в тюркско-башкирской литературе в частности, пословиц и поговорок, фольклорных мотивов. По мнению автора, использование афористических выражений, метких изречений и мудрых слов, репрезентирующих реминисценцию народных пословиц и поговорок или известного факта или события, является широко распространенной традицией в тюркско-башкирской литературе средневековья – в произведениях Юсуфа Баласагуни («Благодатные знания» («Кутадгу билиг»)), Кул-Гали («Кисса-и Йусуф»), Кутба («Хосров и Ширин»), Хорезми («Мухаббатнаме»), Хисама Катиба («Джумджума-султан»), Сайфа Сарай («Гулистан бит-тюрки»), «Сухаил и Гульдурсун»). Пословицы и поговорки, а также цепь мотивов применяются в произведениях для решения важных идейно-художественных задач, для проведения поучительно-дидактических идей в иносказательной форме, придания повествованию нравоучительно-назидательного характера и т.д. В статье было установлено, что в рассматриваемой средневековой литературе Урало-Поволжья также обнаружена интертекстовая связь в использовании цепи фольклорных мотивов «запрет – нарушение запрета – наказание», сказочного образа «живого трупа». Так, фольклорные традиции нашли свое художественное применение в средневековой тюркско-башкирской литературе Урало-Поволжья, а также вызывают интертекстуальную

отсылку к башкирской народной сказке. Они использовались авторами согласно творческому, идейно-эстетическому замыслу.

N.A. Khubbitdinova. The Representation of the Folk Traditions in the Medieval Literature of the Ural-Volga Region. This article discusses the ideological and aesthetic features of folk motifs, proverbs and sayings, used in the medieval literature of the Turkic Ural-Volga region, in the Turkic-Bashkir literature in particular. According to the author, the use of aphoristic expressions, bon mots and pearls of wisdom, that represent reminiscence of folk proverbs and sayings, well-known facts or events, is a widespread tradition in the Turkic-Bashkir literature of the Middle Ages. The works of Yusuf Balasaguni («Beneficial Knowledge») («Kutadgu bilig»), Kool-Ghali («Kiss-i Yusuf»), Qutb («Khosrov and Shirin»), Khwarizmi («Muhabbatname»), Khisam Katib («Dzhumdzhuma Sultan»), Saif Sarai («Gulistan-bit Turks»), «Suhail and Guldursun») prove so. Proverbs and sayings, as well as chains of motifs are used in literal works to address important ideological and artistic problems, to give instruction in the narrative form, to give the narrative somewhat moralizing character, etc. In the discussed medieval literature of the Ural-Volga region the article has established an intertextual link with the chain of folklore motifs «ban – a violation of the ban – the punishment», fairytale character of «the walking dead». Thus, folk traditions have adapted into the medieval Turkic-Bashkir literature of the Ural-Volga region, and evoke intertextual reference to the Bashkir fairy tale. They were used by the authors in accordance with the creative, ideological and aesthetic intention.

Т.В. Коренькова. Возвращение периодизации, или «Маятник Чижевского» в новом поколении вузовских учебников литературы. Сопоставление этапов развития литературно-культурных процессов в разных регионах Европы позволяет применить в учебной практике методологический принцип «углубленное познание учащимися своей родной культуры и языка через изучение иноязычной культуры». В статье рассматривается возможность использования схемы «маятника Дм. Чижевского» в современных университетских курсах преподавания истории литературы в инокультурной аудитории. На основе анализа методологических принципов изданных в 1990–2010-х годов в России учебников словацкой литературы и учебников по русской литературе в Словакии делаются практические учебниковедческие рекомендации.

T.V. Korenkova. The Return of Periodization or «Chizhevsky's Pendulum» in a New Generation of Textbooks in Literary Studies. Comparison between the epochs of literary / cultural development in different regions of Europe gives the opportunity to understand in system the essence of its phenomena and processes through features of their interrelation and inter-

ference, as well as allows to apply in educational practice the methodological principle of «raising the learners' awareness of their own culture and language through the study of foreign ones». The possibility of using the scheme of «Chizhevsky's Pendulum» in modern higher education programs and textbooks in literary history and textual criticism (hermeneutics) in a foreign classroom is discussed. Methodological principles of the Russian textbooks for the study of Slovak literature and Slovak textbooks and handbooks of Russian literature (published during the 1990–2010's) are compared and analysed for furthering cross-cultural understanding.

Е.А. Штехман, Ю.А. Мельник. Применение ситуационных задач при обучении русскому языку на подготовительном курсе. Статья посвящена рассмотрению ситуационной задачи как эффективного метода обучения говорению на занятиях по русскому языку как иностранному на подготовительном курсе. Говорение понимается как вид речевой деятельности, при котором осуществляется устное общение. Авторы статьи предлагают использовать на занятиях по РКИ ситуационные задачи, которые направлены на развитие речи в условиях, приближенных к действительности. Практическая направленность ситуационных задач способствует адаптации студентов в стране изучаемого языка. В данной работе ситуационные задачи рассматриваются как методический прием, который представляет собой комплекс условий, позволяющий смоделировать разнообразные речевые ситуации. Рассматриваются различные типы задач, которые могут быть применены в практическом курсе РКИ.

E.A. Shtehman, Ju.A. Melnik. Usage of Situational Tasks in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language at the Preparatory Level. The Article is devoted to consideration of situational tasks as effective method to teach speaking Russian as a foreign language in classes of the preparatory level. Speaking is understood as a type of speech activity at which oral communication is carried out. The authors of the article suggest using in classes of Russian as a foreign language situational tasks which are aimed at the development of speech in the environment which is brought closer to reality. The practical focus of situational tasks promotes adaptation of students in the country of the learned language. In this work situational tasks are considered as a teaching technique which represents the complex of conditions allowing to simulate various speech situations. Various types of tasks which can be applied in a practical course of Russian as foreign language classes are discussed.

НАШИ АВТОРЫ

**АМАНБАЕВА,
Зилия
Сатыбалдывна**

– учитель СОШ с. Старосубхангулово
(с. Старосубхангулово, Бурзянский район
Республики Башкортостан).
E-mail: zilia.amanbaeva@yandex.ru

**ВИТВИНЧУК,
Владимир
Валерьевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: Amon-ra17@mail.ru

**ГУБАНОВ,
Сергей
Анатольевич**

– кандидат филологических наук, доцент Меж-
дународного института рынка (Самара).
E-mail: gubanov5@rambler.ru

**ДЕГАЛЬЦЕВА,
Анна
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: deganna@mail.ru

**ДЕМИНОВА,
Марина
Александровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: m.deminova@mail.ru

**ЗАВГОРОДНЯЯ,
Наталья
Ивановна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: svoboda_8@mail.ru

**КИРИЛОВА,
Ирина
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Уральского государственного педагогического
университета (Екатеринбург).
E-mail: irishakuz@yandex.ru

**КЛИНК,
Евгения
Игоревна**

– кандидат филологических наук, старший пре-
подаватель Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: eklink@yandex.ru

**КОЗЛОВ,
Алексей
Евгеньевич**

– кандидат исторических наук, доцент
Новосибирского государственного
педагогического университета.
E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

**КОЛОБОВ,
Владимир
Васильевич**

– кандидат филологических наук, преподаватель
Воронежского государственного университета.
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

**КОРЕНЬКОВА,
Татьяна
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Российского университета дружбы народов
(Москва).
E-mail: tvkorenkova@mail.ru

**КРЕМНЕВА,
Анна
Валерьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного технического
университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: annakremneva@mail.ru

**КУКУЕВА,
Галина
Васильевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного технического
университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: kupala@inbox.ru

**КУЛЯПИН,
Александр
Иванович**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru

**ЛУКАШЕВИЧ,
Елена
Васильевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: lmce@mail.ru

**МАНСКОВ,
Сергей
Анатольевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: dozent2@yandex.ru

**МАНСУРОВА,
Валентина
Дмитриевна**

– доктор философских наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: mvd1951@mail.ru

**МЕЛЬНИК,
Юлия
Александровна**

– преподаватель Омского автобронетанкового
инженерного института.
E-mail: uliya0783@mail.ru

**МУТЫГУЛЛИНА,
Фарида
Рашитовна**

– студент Северо-Кавказского федерального
университета (Ставрополь).
E-mail: farida-mutygullina@yandex.ru

**ПИРУССКАЯ,
Татьяна
Александровна**

– аспирант Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: tapirus@inbox.ru

**ПЛАХИН,
Владимир
Тимофеевич**

– кандидат исторических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: vladimirplakhin@mail.ru

**РАДЗИХОВСКАЯ,
Вера
Казимировна**

– кандидат филологических наук, доцент,
докторант Московского педагогического
государственного университета.
E-mail: dozorowa.dasha@yandex.ru

РОХВАДЗЕ,
Роза
Фридониевна

– кандидат филологических наук, доцент
Евразийского лингвистического института
(Иркутск).
E-mail: rokhvadze@diplomats.com

СЕМИЛЕТ,
Тамара
Алексеевна

– доктор философских наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: 7let@mail.ru

СИДЕЛЬНИКОВА,
Екатерина
Алексеевна

– кандидат филологических наук, доцент
Северо-Кавказского федерального университета
(Ставрополь).
E-mail: e.sidelnikova_7@mail.ru

СТАЦЕНКО,
Дарья
Александровна

– студент Северо-Кавказского федерального
университета (Ставрополь).
E-mail: darya_stacenko@mail.ru

СУЛЕЙМАНОВ,
Ахмет
Мухаметвалеевич

– доктор филологических наук, профессор
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: 2733544@mail.ru

УЛАНОВА,
Екатерина
Эдуардовна

– аспирант, преподаватель Кубанского
государственного университета (Краснодар).
E-mail: Arvin-elf@mail.ru

ФОТИЕВА,
Ирина
Валерьевна

– доктор философских наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: fotieva@bk.ru

ХУББИТДИНОВА,
Нәркәс
Ахметовна

– доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник Института истории, языка и
литературы Уфимского научного центра РАН.
E-mail: narkas08@rambler.ru

**ЧЕРНЫШЕВ,
Алексей
Борисович**

– старший переводчик ЗАО «ВолгАэро»,
секретарь Городского общественного научно-
экспериментального фонда «Языковая среда»
(Рыбинск).
E-mail: alexeich_78@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей
Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ШТЕХМАН,
Елена
Александровна**

– доцент Омского автобронетанкового
инженерного института.
E-mail: shte-elena@mail.ru

**ШУБИН,
Роман
Владимирович**

– кандидат филологических наук, адъюнкт
Университета им. А. Мицкевича в Познани
(Польша).
E-mail: romanshu@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 01.06.2017. Подписано в печать 07.06.2017. Дата выхода издания в свет 09.06.2017. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 117.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2017

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Клинк Евгении Игоревне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно)**. 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.